В. ДВОРЦОВ
З. ЮРЬЕВ

ФОРВАРД N 17

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой книги — прославленный советский хоккеист, олимпийский чемпион, многократный чемпион мира Валерий Харламов. Авторы рассказывают о трагической судьбе спортсмена, его нелегком пути в большой спорт и громких победах, которые сделали его знаменитым.

- Владимир Александрович Дворцов, Зино Юдович Юрьев
  - ЧАСТЬ 1. МАЛ-ДА УДАЛ!
    - ТРАГЕДИЯ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ШОССЕ
    - ВСТРЕТИЛИСЬ БЕГОНЯ И БОРИС…
    - ПРИНЯТ В ЦСКА!
    - КАК СТАТЬ ЛЮБИМЦЕМ
    - «МЕТР С КЕПКОЙ»
    - МОСКВА, ТОРОНТО, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ
  - ЧАСТЬ 2. В БОЛЬШОМ ХОККЕЕ
    - ИЗ ПЕРВОРАЗРЯДНИКОВ – В ЧЕМПИОНЫ
    - И ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН, И «ЗВЕЗДА»
    - «ОСТАНОВИТЕ СЕМНАДЦАТЫЙ НОМЕР!»
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ
    - НОЧНОЙ ПОЛЕТ
    - ЭПИЛОГ
    - ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ

Владимир Александрович Дворцов, Зино Юдович Юрьев

Форвард №17: Повесть о Валерии Харламове.

ЧАСТЬ 1. МАЛ-ДА УДАЛ!

ТРАГЕДИЯ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ШОССЕ

…Двадцать седьмого августа 1981 года ранним утром в Подмосковье шел дождь, унылый, непрекращающийся, по-осеннему холодный и скучный. Серый асфальт Ленинградского шоссе потемнел от влаги, и проносившиеся машины оставляли на мгновение на дороге светлые следы от шин, которые тут же сливались с лоснящимся покрытием.

Светло-серая «Волга» шла со скоростью около ста километров в час. За рулем сидела женщина. Ритмично чавкали дворники, сгоняя водяную пленку с ветрового стекла. Двое мужчин дремали, убаюканные покачиванием машины, ровным гудением двигателя, шипением шин на мокром асфальте.

Впереди показался знак «дорожные работы», и водительница повернула руль, чтобы объехать препятствие.

Мы никогда не узнаем, что именно произошло в этот момент. Может быть, она сделала это чуть резче, чем следовало. Может быть, колеса машины, попав на размытую глину, на мгновенье потеряли сцепление с дорогой, и без того ослабленное влагой. Так или иначе, «Волгу» выбросило на полосу встречного движения и завертело «волчком». И надо же, чтобы именно в эти секунды навстречу ехал тяжелый грузовик, надо же, чтобы обе машины, хотя водитель ЗИЛа свернул на обочину, начиненные огромной кинетической энергией, встретились в одной точке, израсходовав эту энергию в мгновенном и страшном столкновении… Даже металл не выдержал: он рвался, выгибался, скручивался. Человеческие тела слабее металла…

Водители останавливались, скорбно глядя на две искореженные машины. Они вылезали из кабин и снимали шапки. Они были шоферами и понимали, что можно не торопиться: в такой аварии не выживают.

Внезапно один из шоферов, высокий молодой парень в расстегнутой куртке, из-под которой виднелась майка с чьей-то бородатой физиономией, пробормотал, глядя на «Волгу»:

— Братцы, это же Харламов…

Он не ошибся. Одним из пассажиров светло-серой «Волги» был хоккеист Валерий Борисович Харламов, тридцати трех лет от роду, заслуженный мастер спорта, многократный чемпион мира, Европы, Олимпиад и СССР, майор Советской Армии, прославленный форвард знаменитой армейской команды, левый крайний легендарной тройки, в которой играл вместе с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым.

Наверное, судьба предопределила ему смерть на дороге. Он

уже побывал пятью годами раньше в тяжелой автокатастрофе, после которой врачи единодушно вынесли суровый приговор: коньки на гвоздик. Помощь товарищей, стальная воля вернули Харламова на лед. Он был отличным водителем, но после той катастрофы иногда доверял жене Ирине руль – не хотел искушать судьбу. И вот она все-таки настигла его на семьдесят третьем километре Ленинградского шоссе, по которому он возвращался с женой и ее двоюродным братом – молодым человеком, только отслужившим в армии, мужем и отцом, – с дачи.

…С тревожно и печально взывающей сиреной подъехали «Скорая помощь», машина ГАИ. Еще раз покачав головами и вздохнув, шоферы пошли к своим машинам. В спортивной редакции ТАСС, на телевидении, в редакции «Советского спорта» стали раздаваться звонки: «Правда, что…» Один из авторов этой книги – хоккейный обозреватель ТАСС – тут же позвонил дежурному ГАИ по Московской области. Тот тяжело вздохнул и подтвердил: к несчастью, правда. Погиб. А потом, рассказав о катастрофе, спросил:

– Не знаете, когда и где панихида и похороны? Сообщение телеграфного агентства пошло по свету.

Все мировые агентства и многие национальные тут же передали его, сначала кратко: «Как сообщил ТАСС, в автокатастрофе под Москвой сегодня утром погиб знаменитый хоккеист Валерий Харламов и его жена. У них остались двое маленьких детей – сын и дочь».

Потом пошли подробности.

Хоккеисты сборной СССР узнали о трагедии, будучи в Канаде, в далеком Виннипеге. Вначале никто не поверил: ведь расстались с Валеркой только-только. Прощаясь с ними, он улыбался лукаво, подмигивал: смелее, мол, все будет хорошо. Да нет, не может того быть, утка какая-то. Мало ли глупых выдумок рождается вокруг знаменитостей спорта, эстрады, кино. Они прямо обрастают ими, как днище корабля ракушками. Руководитель делегации Б. Майоров в конце концов дозвонился до Москвы.

— Что это тут плетут о Харламове? — спросил он, и по тому, как сразу побледнел и обмяк он, хоккеисты, стоявшие рядом, догадались об ответе.

А канадское телевидение уже без конца посылало в эфир пленки матчей с участием Валерия Харламова. Репортеры успели провести интервью. «С мистера Харламова, когда он был на льду, – отмечал вратарь «Монреаль Канадиенс» и сборной Канады Кен Драйден,- нельзя было спускать глаз ни на секунду. Я понял это после первой же встречи осенью семьдесят второго года, когда он забил мне два гола. Он бросал шайбу сильно, точно и, что

опаснее всего, часто неожиданно».

Ульф Стернер, много лет бывший одним из лучших форвардов шведского и мирового хоккея, сказал: «Харламов был бриллиантом нашей игры. Какой рывок с места, какой дриблинг, пас, броски – все в идеале! А ведь еще было мужество, смелость!»

Авторы этой книги, спортивный журналист и писатель, долгие годы были поклонниками выдающегося нашего хоккеиста. Мы любили его игру – яркую, самобытную, веселую и его самого, человека обаятельного, сумевшего сохранить естественность и скромность в эпицентре такой славы, которая редко выпадает даже на долю знаменитых спортсменов, людей, сплошь и рядом популярностью не обделенных.

Один из нас по роду работы хорошо был знаком с Валерием. Другой – чаще видел его с трибун стадионов и на экране телевизора. Как и любой болельщик, «трибунный» автор этой книги постоянно терзал автора, вхожего в закрытое для непосвященного хоккейное общество, бесконечными расспросами: а правда, что… а почему он в прошлый раз… неужели его не берут… И так далее. «Хоккейный» автор терпеливо пытался утолить ненасытное болелыцицкое любопытство товарища.

– Послушай, – как-то буркнул он, – ты уже скоро будешь знать хоккейную летопись лучше, чем я. Может, ты и писать начнешь о хоккее?

– Разве что с тобой, – отшутился второй.

Мы тогда меньше всего думали, что снова вернемся к этому разговору, но уже при других обстоятельствах.

…31 августа, в день похорон, мы оба стояли во Дворце тяжелой атлетики ЦСКА, где шла гражданская панихида. Журналист поглядывал на часы. Самолет, на котором он должен был вместе с еще несколькими спортивными комментаторами отправиться в Канаду освещать игры на Кубок Канады, вылетал из Шереметьева через два часа, но он не мог не прийти попрощаться с человеком, с которым был знаком более десяти лет, которого любил, которым восхищался.

Мы стояли среди тысяч опечаленных людей, слушали слова прощания и думали (потом мы выяснили, что оба подумали об этом одновременно), что было бы обидно и несправедливо, если для новых поколений любителей хоккея имя Валерия Харламова стало бы всего-навсего строчкой в летописи этого вида спорта. Конечно, фанатики статистики всегда смогут узнать, сколько результативных передач он сделал тогда-то и тогда-то, сколько забил голов и сколько отсидел на скамье штрафников. Но что скажут газетные отчеты о лукавой улыбке этого невысокого черноволосого человека? В каких статистических выкладках

найдут они описание его фантастического дриблинга, о котором Всеволод Бобров говорил: «…Особенно Харламов досаждал защитникам своей потрясающей обводкой. Буквально на «пятачке» он мог обыграть одного или «раскрутить» двух, а то и трех соперников. Валерий играл на очень высоких скоростях, был исключительно крепок физически, но главное все-таки, что его делало мастером хоккея с шайбой номер один своего времени: ему достаточно было крохотного пространства, чтобы обыграть соперника или соперников. Он использовал скорость в начале или в конце обводки, но мог обыграть соперника или, повторяю, соперников, и практически стоя на месте, лишь поводя плечами, перебирая ногами, покачивая корпусом, головой, а порой лишь подмигиванием или улыбкой. Он не только мастер хоккея, но большущий артист игры.

Харламов как дамоклов меч всегда занесен над воротами соперников, всегда готов броситься вперед, чтобы забросить шайбу или создать голевую ситуацию партнерам».

Что могли рассказать им спортивные комментарии в коротких газетных столбцах о доброте и щедрости Харламова? О том, например, как праздновал он свой день рождения на борту самолета, возвращаясь из Северной Америки на Родину после победной суперсерии-76. С каким изумлением смотрели игроки поскупее, когда Валерий перечислял стюардессе, что именно заказывает он для товарищей?

– А может быть… – нерешительно сказал один из нас тогда во Дворце тяжелой атлетики ЦСКА.

– Мы просто должны это сделать, – ответил второй, ибо понял, что хочет сказать его товарищ. – В память о великом игроке, в знак нашей любви и уважения к нему.

Так родилась эта книга. Два человека, думающих поразному, не могут написать одну книгу. Мы воспринимали Харламова одинаково. Поэтому мы решили пользоваться в ней лишь одним местоимением «мы», хотя, может быть, какой-то разговор с хоккеистом или его близким вел один из нас, а какой-то – мы вдвоем.

Эта книга строго документальна. Она построена на множестве бесед с самим Харламовым, его родными, товарищами, коллегами. И если мы где-то и позволили себе домыслить, что именно думал, чувствовал и переживал Валерий в какой-то момент, то домысел этот покоится на нашей твердой уверенности, что он мог или даже должен был думать, чувствовать, переживать в этот момент именно так или почти так.

У Харламова, помимо чисто хоккейного таланта, был талант обаяния, его очень любили. В ЦСКА и сборной СССР никто не

берет Харламовский № 17. Он навечно за ним! И нам, когда мы писали эту книгу, не приходилось никого уговаривать поделиться своими воспоминаниями, все делали это охотно. И авторы им благодарны за это.

ВСТРЕТИЛИСЬ БЕГОНЯ И БОРИС…

Бабушка и дедушка Валерия – Наталья Степановна и Сергей Гаврилович Харламовы в начале века жили в Коломне, одном из древнейших городов России, раскинувшемся при впадении Москвы-реки в Оку. В ту пору Коломна соединяла в себе черты небольшого патриархального городка с неторопливыми и деловыми курами на узких улочках и промышленного центра: здесь расположились Коломенские паровозостроительный и судостроительный заводы. На судостроительном Сергей Гаврилович и работал краснодеревщиком.

Наталья Степановна воспитывала детей – трех сыновей: Николая – он прошел всю войну, был ранен, награжден орденами и медалями, Бориса и Валерия, дочерей Ирину и Валентину.

Сергей Гаврилович был отличным мастером. Позже, когда он обосновался в Москве, где и своих столичных корифеев было немало, слух о его золотых руках быстро разошелся по городу. Его приглашали работать с книжными шкафами К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный.

Сергей Гаврилович и сыновей обучил своему ремеслу, они помогали ему в работе – заготавливали материал, пилили, сушили доски. В трудные военные и первые послевоенные годы отец Валерия – Борис Сергеевич даже делал из отходов древесины незамысловатые шкафчики и относил для приработка на Тишинский рынок.

Сергей Гаврилович в те далекие годы, когда о спорте, физической культуре слышали в России немногие, увлекался футболом.

На паровозостроительном заводе работали иностранцы, в том числе и англичане, которые привезли с собой в город на Оке забавную игру, в которую следовало играть не руками, а только ногами.

Нам, конечно, не удалось отыскать никаких репортажей о тех играх в Коломне, поскольку их просто не было, но сам Сергей Гаврилович утверждал, что спуска англичанам коломенцы не давали, играли на равных, а случалось, и выигрывали.

Но на футболе спортивные интересы Сергея Гавриловича не замыкались. Он любил коньки, игры в городки, бабки, участвовал в кулачных боях.

Фабричных коньков, разумеется, не было. Да и мог ли позволить себе рабочий купить стоившие больших денег шведские или английские коньки? Коньки делали сами.

Простенькие, конечно, но коньки. Полозья прикручивали к валенкам и выходили на речной лед. Молодой краснодеревщик не мог и подумать в ту пору, что внук его будет скользить на коньках на многих ледовых аренах Европы, Америки и Азии, что лучшие в мире фирмы спортинвентаря будут соперничать в конкурентной борьбе за то, чтобы он надел именно их коньки. Что коньки, деревянная палка с изогнутым концом – клюшка и круглый литой кусок резины – шайба принесут ему мировую славу.

Но о хоккее с шайбой в ту пору в России еще почти никто не знал, и Сергей Харламов аккуратно прикручивал самодельные полозья к валенкам, натягивая веревку деревянным колышком, и выходил на ноздреватый лед Москвы-реки.

На берегу стояли зрители, посмеивались: взрослые люди, а балуются детской забавой. Сергей, не обращая внимания на насмешки, расправлял спину и сильно отталкивался, набирая скорость.

Городки и бабки были играми исконно русскими. Особенно любил Харламов городки. Среднего роста, далеко не богатырь по виду, но крепкий и жилистый, он обладал какой-то взрывной силой: тяжелая бита, вылетая из его рук, неизменно попадала в «дом». Бросал он почти без замаха, как бы играючи, но бросок был сильный и точный.

Если бы современные хоккейные специалисты побывали тогда на коломенских пустырях и присмотрелись к темноволосому парню, они бы наверняка переглянулись и кивнули друг другу: кисть работает что надо, его подучить – и хоккеист будет с классным кистевым броском.

Были еще и кулачные бои. Без ринга, секундантов, машущих полотенцем после каждого раунда, без формулы боя, без перчаток и рефери. Стенка на стенку. Улица на улицу. Правило было одно: лежачего не бьют, что, впрочем, не мешало порой разгоряченным бойцам наступать в пылу схватки на упавших.

Трещали разрываемые рубашки, текла по бородатым лицам кровь, выплевывались с проклятиями зубы, с хаканьем опускались пудовые кулаки.

Организаторами, а можно назвать их и подстрекателями, боев были лица заинтересованные – владельцы многочисленных кабаков. Они внакладе не оставались: сотни зрителей и бойцы, едва смахнув ладонью с лица пот и кровь, еще не отдышавшись, гурьбой вваливались в питейные заведения – обмыть победу или залить горечь поражения. И если на улице действовало хоть одно правило, то здесь, во хмелю, правил уже не было никаких. Били и лежачих, били не только кулаками.

Сергей Харламов был не столько могуч, сколько быстр, увертлив, он умел вложить всю силу в короткий точный удар. Порой менее ловкие бойцы старались взять реванш в кабаке. Однажды кто-то попытался свести с Сергеем счеты при помощи лома. Будь у него реакция чуть похуже, эта книга никогда не была бы написана, потому что у молодого краснодеревщика не было бы ни сына, ни внука. Впрочем, не было бы и его самого, ибо удар со всего размаха железным ломом по голове дает однозначный результат. Но он, слава богу, имел обостренное чутье, которое заставило его обернуться в мгновенье, едва не ставшее роковым, и одновременно резко отклониться. Удар получился скользящим, ослабленным и пришелся по плечу, которое долго еще после этого болело.

Внук Сергея Гавриловича задирой не был, драться не любил, ему хватало мастерства, чтобы обыграть соперников, но в хоккее бывает всякое. Случается, что возбуждение, обида, боль одерживают верх над самоконтролем, тогда отбрасываются клюшки, летят на лед перчатки, катятся шлемы, судьи решительно вклиниваются между участниками рукопашной, а диктор приготавливается объявить меру наказания.

Когда наши хоккеисты впервые встретились с родоначальниками хоккея с шайбой, они немного их побаивались: как-никак, бойцы, легендарные драчуны, но со временем поняли, что спуску им давать нельзя, иначе задавят, и на все канадские наскоки отвечали тем же, отвечали основательно, и вскоре внушили к себе стойкое почтение.

Невысокий, по канадским стандартам, – его рост 174 сантиметра – и при своих семидесяти двух килограммах «боевого» веса казавшийся почти щупленьким рядом с могучими защитниками, Харламов не боялся своих противников, на резкий толчок отвечал таким же, да так, что рослые канадцы изумленно отскакивали от «малыша»: стальной он, что ли…

То ли потому, что так многое унаследовал Валерка от деда, го ли потому, что чувствовал старик родство душ с маленьким внуком, но любил его дед нежно и всегда старался защитить. Что, впрочем, было по большей части излишне, потому что сызмальства характер у малыша был независимый, бесстрашный, и спуску обидчикам он не давал. В ребячьем мире свои законы: простят что угодно, но не трусость, не громкий вопль «мам, а Колька дерется!».

Впрочем, был однажды такой случай. Харламовы тогда уже переселились из Коломны в Москву, обосновавшись в деревянном домике на Соломенной сторожке. Ныне такой улицы нет, она стала отрезком Старого шоссе в районе Тимирязевской академии.

А в первые послевоенные годы это была тихая городская окраина, где доставало места побегать ребятишкам, поиграть и даже покататься на коньках, пусть не по льду, а на укатанном до блеска снегу. Маленький Валерка и моложе его на четырнадцать месяцев сестренка Татьяна часто гостили здесь у бабушки с дедушкой.

Валерка в курточке с красным капюшоном гулял по двору и чем-то не понравился петуху. Тот налетел на него, чуть не заклевал малыша. Хорошо, Валерка успел спрятаться в деревянной будке туалета («удобства» на Соломенной сторожке были во дворе). Дедушка заметил агрессию петуха и поймал буяна.

– Тебя петух обидел? – спросил он внука, освобождая его из укрытия.

– Да, обидел… – не очень уверенно пожаловался карапуз.

Недолго думая, дед схватил топор и отсек на пеньке обидчику любимого внука голову.

Валера долго потом плакал – жалел петуха, даже приготовленный бабушкой куриный суп есть отказался.

Больше Валера в жизни никогда ни на кого не жаловался. А вот заступался за обиженного всегда, когда мог.

На первых порах – за младшую сестренку. Как-то во дворе мальчишка стал ее колотить. Родители парнишки наблюдали из окна за этой сценой, но не вмешивались. Увидев, что обижают сестру, Валерка примчался пулей и поддал обидчику. Вот тогда его мамаша и папаша встрепенулись. Не поленились сходить в школу, наговорили много обидных слов родителям Валеры. Мама его ругала, но отец разобрался в происшедшем и сына оправдал.

Брат и сестра Харламовы были очень привязаны друг к другу. Когда у Татьяны родился сын, она назвала его Валерий. Он, кстати, очень похож на дядю и хорошо играет в хоккей, но особенно в футбол. Даже в детской команде такого именитого клуба, как ЦСКА, Валерий Харламов-младший сейчас один из ведущих футбольных форвардов.

Борис Сергеевич унаследовал от отца любовь к спорту, еще в ремесленном училище (так назывались тогда ПТУ) начал играть в футбол, а потом и в хоккей с мячом. Был мотогонщиком второго разряда. Сын Валерка обожал скорость, прокатиться с отцом на кроссовом мотоцикле было для него огромной радостью.

И по сию пору Борис Сергеевич Харламов дружен со спортом – летом работает в пионерском лагере завода, играет с ребятами в футбол, водит их в туристские походы.

Шайба в первые послевоенные годы была всегда лишь шайбой, маленькой деталькой, и услышь кто-нибудь тогда

мощное скандирование «Шай-бу! Шай-бу!», он бы изумился: почему нескольким тысячам людей вдруг срочно понадобились шайбы? Позже, правда, Борис Сергеевич и в «шайбу» поиграл за заводскую сборную. Зато русский хоккей с оранжевым плетеным мячиком был популярен, и Борис Харламов играл в него недурно: выступал даже за первую мужскую команду клуба «Трудовые резервы».

Жена его – а он к этому времени был уже женат, но об этом впереди – часто просила:

– Борь, идешь играть – возьми с собой Валерку, а то мне присмотреть за ним некогда, по хозяйству дел много и Татьяна на руках. (И дочь оказалась способной к спорту: неплохо играла в волейбол, теннис. Сейчас она работает в Аэрофлоте, владеет испанским языком.

Во время Олимпиады знания спорта и языка помогали ей в общении с гостями Москвы.)

Уговаривать пятилетнего Валерку долго не нужно было, он и без этого нетерпеливо пританцовывал во дворе, повесив на шею несуразно большие для его роста «гаги». Шли они рядом, отец и сын, но у отца были перекинуты через плечо коньки с ботинками – как-никак почти мастер! – а сын семенил сбоку с одними коньками, которые на стадионе предстояло подвязать веревками к валенкам, так же, как это когда-то делал дед.

И еще одна была причина, почему Борис Сергеевич всегда старался взять сына на стадион. Годы были первые послевоенные, не слишком сытые, а игрокам команд давали бутерброды, которыми Борис Сергеевич делился с сыном.

– Ну, Валер, я пошел, – говорил отец, – не балуйся тут, пока я буду играть.

Валерику не до баловства. Коньки уже были надежно прикручены к валенкам, на которых малыш чувствует себя уверенно, и хотя он здесь меньше всех ребятишек, катается не хуже их, и его принимают поиграть, как сейчас бы сказали в «мини-хоккей» за воротами.

Мать Валерия, испанка, Бегоня Орибе-Абат, – человек трудной судьбы.

…18 июля 1936 года одна из радиостанций передала сообщение: «Над всей Испанией безоблачное небо». Будущего диктатора Франко и тех, кому передача адресовалась, совсем не интересовала сводка погоды. Это был условный сигнал участникам военно-фашистского мятежа о выступлении.

В 1936 году в Испании был создан Народный фронт, объединявший рабочих, крестьянские массы, часть мелкой буржуазии, интеллигенцию, все либеральные и демократические

силы страны. Перед Испанией стоял вопрос: демократическая республика или контрреволюционная диктатура. На выборах 16 февраля 1936 года подавляющее большинство испанцев проголосовало за республику. Но реакция, где заметную роль играла созданная еще в 1933 году фалангистская партия, не смирилась с поражением, начала готовить военный мятеж, который и вспыхнул летом того же года.

Народные массы Испании поднялись на защиту республики. В Испании началась гражданская война«

По существу, это была первая схватка с международным фашизмом, потому что фалангистов яро поддерживали Гитлер и Муссолини. Гитлеровцы, спустя несколько дней после начала мятежа, послали в Испанию авиационную армаду – легион «Кондор», который располагал мощным вооружением и множеством военных инструкторов, диверсантов. В Италии в июле была срочно создана правительственная комиссия по интервенции в Испанию, направившая на помощь мятежникам экспедиционный корпус, оснащенный новейшими танками, артиллерией.

В то же время реакционеры в Англии, Франции и других западноевропейских странах всячески препятствовали помощи Испании со стороны СССР и прогрессивных сил мира. Пока корабли мятежников, подводные лодки Германии и Италии рыскали в Средиземном море и даже потопили советский танкер «Комсомол», шедший с мирным грузом, британские крейсеры, осуществляя «политику невмешательства», блокировали порты республиканской Испании, а социалистическое правительство Франции отказывало республиканцам в продаже оружия.

Далекая и даже экзотическая Испания, которая у большинства ассоциировалась с Дон-Кихотом и корридой, стала близкой всем советским людям. Больше ста тысяч человек пришли 3 августа 1936 года на Красную площадь с лозунгами «Руки прочь от революционной Испании!». Все зачитывались в «Правде» и «Известиях» репортажами Михаила Кольцова и Ильи Эренбурга, по нескольку раз ходили смотреть хронику, снятую кинооператорами Романом Карменом и Борисом Макасеевым.

Не было в стране человека, который бы не знал, что значит клятва республиканцев «Но пасаран!» – «Они не пройдут!».

Война становилась все более кровопролитной и ожесточенной. Рабочим, крестьянам, интеллигенции приходилось трудно. Они умели работать у станков, пахать и косить, учить и лечить, а у Франко были военные – свои, наемные, присланные из Германии и Италии. Фашистская авиация – многочисленные «юнкерсы» и «хейнкели», «капрони» и «фиаты» – безжалостно

бомбила города и селения, оставшиеся в руках республиканцев. Зенитной артиллерии у рабочих почти не было. И фашистские стервятники летали совсем низко над землей, нанося чудовищные разрушения и сея смерть. Особенно свирепствовали они в отрезанной от республики Басконии. Их преступления в расположенной в нескольких километрах от Бильбао Гернике запечатлел в своей всемирно известной картине Пабло Пикассо.

Только ближе к зиме, когда в небе Испании появились советские летчики на своих вертких истребителях, прозванных испанцами «лос чатос» – «курносые», фашистские стервятники стали осторожнее. Теперь бомбили с большой высоты, нередко разворачиваясь и сбрасывая свой «груз» на позиции фалангистов, сели на горизонте показывались «ястребки» республиканцев.

Безопасности ради решено было отправить в Советский Союз детей, в первую очередь из семей коммунистов, сражавшихся с фалангистами.

Много лет спустя, в мае 1983 года, будучи с официальным визитом в Москве, министр иностранных дел Испании Ф. Моран выразил «признательность советскому народу, приютившему во время гражданской войны в Испании на советской земле его соотечественников, расценив это как свидетельство братства и взаимопонимания».

Они отплыли 12 июня из морского аванпорта Бильбао – городка Сан-Турсе на испанском пароходе. После плавания по бурному Бискайскому заливу во французском городе Бордо пересели на зафрахтованный советскими организациями корабль гонконгской приписки, доставивший их в город на Неве.

24 июля 1937 года двенадцатилетняя девочка Бегоня из города Бильбао, к тому времени уже пионерка, единственная дочь шофера Бенито Орибе-Абаг и его жены Антонии, высадилась с сотнями других испанских ребятишек с теплохода в Ленинграде.

Позади остались заплаканные глаза матери, напряженное лицо отца, который все силился улыбнуться, тяжкий вой бомбардировщиков, уханье снарядных разрывов, щелчки выстрелов. Впереди лежала незнакомая страна, готовая приютить маленьких беженцев. Они знали всего несколько русских слов и невольно прижимались друг к другу, глядя с палубы на незнакомый огромный город, над которым было такое синее, тихое небо без самолетов с бомбами под фюзеляжем.

Им не дано было знать, что всего через четыре года и советским людям придется вступить в бой с фашизмом, что и советское небо попытаются завоевать самолеты с мрачными крестами.

Испанских ребятишек, а их приехало тогда более пяти тысяч,

встретили с истинно русским гостеприимством. Все наперебой старались сделать им что-нибудь приятное, но душевные травмы быстро не рубцуются. И они долго еще ходили с печальными глазами.

Через несколько дней детей, приплывших из Испании тем рейсом, перевезли из Ленинграда в Крым и поселили в одном из лучших санаториев Симеиза, ставшем до октября филиалом знаменитой пионерской здравницы «Артек». Потом их приняла почти по-испански теплая черноморская жемчужина Одесса. («Все собираюсь съездить туда снова, – часто говорила нам Бегоня. – Хочется проведать милых людей, так по-отечески тогда отнесшихся к осиротевшим при живых родителях ребятишкам»).

Когда началась война, пришлось испанским ребятам поколесить по стране: Херсон, станица Курганная в Краснодарском крае, Саратов. Здесь Бегоня в тяжелейшем для ее второй родины 1942 году в 17 лет пошла работать на завод, до войны производивший мирные комбайны, а в грозную пору переключившийся на изготовление авиационной техники.

Испанцы тяжело переносили морозы в городе на Волге, и через год их перевели в Тбилиси на авиазавод имени Георгия Димитрова, а в конце войны в Москву, где девушка поступила работать на завод «Коммунар». На этот же завод пришел трудиться с другого предприятия и Борис Харламов, вставший к станку в 1941 году, когда ему исполнилось лишь четырнадцать лет.

Так получилось, что встретились молодой слесарь-сборщик Борис Харламов и токарь-револьверщица Бегоня Орибе-Абат. Борис знал десяток-другой испанских фраз, которые он выучил, общаясь с испанскими ребятами. Неподалеку от их домика на Соломенной сторожке находился один из домов для испанских детей (дети росли, и позже детские дома переименовали в дома испанской молодежи), и обитатели его частенько приходили смотреть, как Борис гоняет голубей.

Выражение «гоняет голубей» получило почему-то иронический смысл, его связывают с бездельем и ленью. А зря, эта древняя увлекательная забава вовсе не требует в качестве непременного условия безделье. Борис Харламов работал на заводе, работал хорошо, и свободные минуты проводил на голубятне, которую построил своими руками и содержал в идеальном порядке.

Тот, кто не гонял сам голубей, не может понять восторга, когда высоко в небо стремительно уходят твои сизари, дутыши, почтари. И ты стоишь на крыше голубятни и машешь шестом, словно сам вот-вот оторвешься от земли и взлетишь вслед за

своими красавцами. (Любопытно, что многие «звезды» спорта заядлые голубятники – Константин Бесков, Вениамин Александров, Йозеф Черны.)

Смуглые ребятишки часами смотрели, как голуби возвращаются домой, как нежно оглаживает их перышки владелец голубятни.

– Ну что, испанцы, погоняем вместе? – приглашал обычно Борис.

– Грацияс, грацияс,- улыбались гости. – Спасибо. Однажды младший брат Валерий пошутил: когда испанские ребята с увлечением наблюдали за полетом голубиной стаи, он неожиданно загудел: «У-у-у!» Совсем как фашистский бомбардировщик. Шутка получилась скверная, гости попадали на землю, некоторые плакали…

Этого, конечно, братья Харламовы не ожидали. И больше никогда так не шутили.

Вскоре ребята подружились. Борис учил их таинствам голубиной потехи, а они его – испанскому.

«Уроки» их даром не пропали. Придя как-то в заводской клуб, что неподалеку от Белорусского вокзала, Борис увидел группку девушек. По их смуглым лицам, по иссиня-черным волосам он уже издали понял, что это испанки.

Спросите сегодня Бориса Сергеевича Харламова: верит ли он в любовь с первого взгляда? Он лишь усмехнется и пожмет плечами. И тем не менее невысокая, стройная девушка, стоявшая чуть в стороне от подружек, сразу привлекла его внимание.

Послышались томные звуки танго. Заигранная пластинка громко шипела в мощном динамике, но сквозь щелчки пробивался голос: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось…»

– Буэнас ночес,- оказал Борис, подходя к девушке и улыбаясь.

Она несмело и благодарно улыбнулась в ответ, и через минуту их уже подхватил поток танцующих. Танцевали они не бог весть как, но Борис понял, что девушка эта не должна уйти из его жизни.

Они танцевали снова и снова. При каждом неловком движении он испуганно смотрел на нее, но она лишь улыбалась.

Они договорились о встрече. «Погуляли», как тогда говорили, несколько месяцев и поженились. В ожидании собственной комнаты молодожены остались жить: Борис на Соломенной сторожке, Бегоня – в заводском общежитии на Тверской-Ямской улице. Но они были молоды, полны оптимизма, любили друг друга и смотрели в будущее без страха.

Через год Бегоня родила сына. Схватки начались часа в

четыре утра. Борис побежал к знакомому шоферу-испанцу, который отвез их в родильный дом неподалеку от метро «Сокол».

– Идите, идите, – сказала ему сестра в приемном покое, – когда ваша жена родит, сразу же сообщим. Не беспокойтесь, все будет в порядке, обеспечим вам богатыря.

Ему отдали одежду Бегони, и он отправился домой. Транспорт еще не ходил. Он шагал словно в тумане. В голове была какая-то круговерть: боль в глазах Бегони, вымученная улыбка, мысль – мальчик будет или девочка, наверное, мальчик. Почему наверное, он не знал. Вид, должно быть, при этих размышлениях был у него самый странный, потому что он вдруг услышал голос:

– Гражданин, ваши документы,

Борис встрепенулся и увидел перед собой молоденького милиционера, который сурово смотрел на него.

– Что? А, документы… сейчас, сейчас. – Борис полез было в карман, но сообразил вдруг, что в суете и спешке забыл надеть пиджак, и никаких документов у него с собой не было. Но только он начал объяснять милиционеру, что у него рожает жена, как тот под пальто заметил сверток с одеждой Бегони. Милиционер лишь кивнул – не подвела его интуиция.

В отделении Борис спокойно сидел и курил (тогда в моде была моршанская махорочка), ожидая, пока установят его личность, а заодно и… откроется метро. Он думал о том, каким будет сын, и ему совершенно безразлично было, где думать об этом.

– Простите, Борис Сергеевич, – сказал ему дежурный и улыбнулся. – Сами понимаете…

Он понимал, он все понимал. Вышел из отделения и все в том же счастливом тумане отправился на завод.

В обед позвонил в роддом, и дежурная сообщила, что Бегоня родила мальчика. Об имени думать не нужно было, заранее решили, если мальчик, то Валерий, в честь младшего брата Бориса Сергеевича.

ПРИНЯТ В ЦСКА!

В 1954 году супруги Харламовы получили комнату недалеко от станции метро «Аэропорт». Целых двадцать четыре метра! Три окна! Свой лицевой счет! Борис Сергеевич пошучивал с товарищами: «Повежливее, пожалуйста, как-никак с ответственным квартиросъемщиком общаетесь!»

Дети были устроены в ясли, потом пошли в детский сад – тоже свой, заводской. Позже они ездили в пионерлагерь «Коммунара» «Лесные поляны» близ Звенигорода. (Теперь там стоит бюст Валерия Харламова, переданный пионерам его родителями.) Пока ребятишки были маленькими, Бегоня и Борис Сергеевич работали в разные смены. Борис Сергеевич успевал на мотоцикле под вечер съездить за малышами, сдать их на руки маме или принять на свое попечение. Часто гостили внуки и на Соломенной сторожке, где с утра до вечера Валерка зимой гонял на коньках, а летом сражался в футбол.

Тут естественно было бы написать, что игры на свежем воздухе и дедовское спартанское воспитание закалили здоровье малыша. Игры на свежем воздухе имели место, более или менее спартанское воспитание было, но болел Валерка, к сожалению, много: и корь, и скарлатина, и простуды, и даже ревматизм сердца.

Вскоре после того как Валерию исполнилось тринадцать лет, у него отнялись правые рука и нога. Его отвезли в Морозовскую больницу. Он пролежал там несколько недель, потом три месяца долечивался в подмосковном санатории в Красной Пахре. Когда его выписывали, врач сказал родителям:

– Все в порядке, но учтите, здоровье у мальчика ослабленное. Остерегайтесь простуд, и ни в коем случае ему нельзя заниматься спортом. Он у вас записан куда-нибудь?

Борис Сергеевич испуганно пожал плечами:

– Да нет…

– Вот и отлично. Не бегать, не переутомляться, понимаете?

– Да… – пробормотал Борис Сергеевич.

Домой ехали молча. Счастье, конечно, что мальчонку поставили на ноги, и ручонка действует, но приговор врачей жесток. Он посмотрел на сына, сидевшего рядом, и вздохнул.

Жалко было Валерку до слез. За время болезни он похудел, осунулся, стал каким-то длинноносеньким. Совсем малышка, а уже обделенный. Борис Сергеевич с трудом мог представить, как может расти парнишка, не надевая коньки, не беря в руки

клюшку, не гоняя мяч. Сам он, можно сказать, вырос с плетеным оранжевым мячом русского хоккея и с мячом футбольным. Конечно, мысли его не были сформулированы именно так, но скорбел он, что мальчик никогда не сможет промчаться по льду с клюшкой, вытянувшись в струночку, чтобы дотянуться до мячика, не сможет оставить всех позади, резко срезать угол, выскочить к воротам и коротким точным замахом послать мяч в сетку. Не услышит звона туго надутого футбольного мяча, когда со всей силы бьешь по нему и нога чувствует его твердость и податливую упругость, не захватит его чуть леденящее спину предвкушение игры, когда выходишь на ответственный матч, не услышит он аплодисментов, не похлопает его по плечу товарищ, спасибо за пас, выложил, как на блюдечке.

Для Бориса Сергеевича спорт никогда не был профессией, но играл огромную роль в его жизни. Он дарил ему радость товарищества, радость доброй усталости, защищал от жизненных невзгод, от легких соблазнов: пойдем, возьмем бутылочку…

Сыну он строго-настрого приказал не бегать, не носиться с ребятами, как угорелый, и ни в коем случае не играть в футбол, а уж тем более в хоккей.

– Понял, Валера? – строго спросил он мальчика.

Тот кивнул.

– Смотри, ослушаешься, выпорю!

Пороть, конечно, своего длинноносенького Валерку он не собирался, но уж очень напугали его врачи.

Через месяц они снова поехали в больницу.

Потом еще раз. Немолодая врач привычно пропускала перед собой ленту кардиограммы, кивала:

– Ну, хоть не хуже. Предписания выполняете, спортом не занимается?

– Упаси боже, – отвечал Борис Сергеевич.

Юный Харламов относился к предупреждениям врачей, зубцам кардиограммы и угрозам отца с чисто детским легкомыслием. Он играл и в футбол, и в хоккей до изнеможения, выходя во двор, носился, словно заведенный.

Мы вовсе не призываем не обращать внимание на советы врачей. Мы лишь констатируем, что вопиющее нарушение Валерием Харламовым всех медицинских рекомендаций привело к тому, что когда в четырнадцатилетнем возрасте ему потребовалась очередная кардиограмма для клуба ЦСКА, куда его приняли в хоккейную команду, врачи долго сравнивали предыдущие бумажные ленты с новой и пожимали плечами. Его обследовали со всей тщательностью, но так и не нашли никаких следов былых хворей.

Но пока до того момента, когда невозмутимый Борис Павлович Кулагин посмотрит, как бежит по льду Валера Харламов, и коротко кивнет, было еще далеко.

Для того чтобы Борис Павлович коротко кивнул – жест, невообразимо желанный для множества ребятишек, приходивших в ЦСКА, нужно было хорошо кататься на коньках.

Вначале после больницы Валера катался украдкой, делая все, чтобы не узнала мать или отец. Ему казалось, что он дьявольски хитер и осторожен. Но отец знал об обмане. Знал и делал вид, что не догадывается. Потому что в глубине души не верил, не хотел верить, что Валерке и впрямь нельзя было побегать с клюшкой в руках.

Так бы и играли они в молчаливые кошки-мышки, если бы отец однажды не сказал:

– Я тебе коньки наточил…

Валера ничего не ответил. Да и что он мог сказать? Спасибо? Нет, словами он не смог бы выразить всего, что переполняло его маленькое сердечко, которое позже привело в такое изумление врачей Морозовской больницы. Он бросил короткий взгляд на отца и широко улыбнулся. И отец тоже улыбнулся. Это было как пароль и ответ. Они понимали друг друга.

Довольно скоро его стали принимать в игру ребята постарше. Нет, пожалуй, в мире такого жестко иерархического общества, как ребячья компания во дворе. Каждый занимает там положенное ему место, которое прежде всего определяется возрастом. И лишь необычайные какие-то качества позволяют отдельным счастливцам выскочить за рамки своего возрастного сословия.

Валерка не был ни самым быстрым среди дворовых футболистов, ни самым сильным среди хоккеистов, ни самым высоким, ни самым экипированным. Но все, кто сражался рядом с ним или против него, уже тогда не могли не заметить удивительную ловкость, реакцию, быстроту. Никто никогда в то время не учил его обводке в хоккее. Да и самих слов «дриблинг», «финт» он скорее всего не знал. Просто таков был его природный талант (или генетическое наследство, если угодно), таковы природные данные, ум, настойчивость, что он легко обыгрывал почти всех во дворе. И тем самым быстро завоевал самую высокую оценку своей игры, пусть в масштабах двора, но зато искреннюю.

Другими видами спорта Валерка не занимался, но мы полагаем, что займись он, скажем, гандболом, он бы и там достиг успехов. По врожденной координации движений его можно было сравнить разве что с великим нашим спортсменом Всеволодом Бобровым, с которым позже свела его судьба. Бобров по своей

спортивной одаренности был чудом. Его фантастически стремительный прорыв из безвестности в первые ряды советских футболистов и хоккеистов общеизвестен. Менее известно, что, взяв однажды впервые в жизни теннисную ракетку, Бобров через полчаса играл так, будто вырос на кортах.

Может быть, потому, что мальчишечья жизнь Валерки ориентирована была в основном на школу, футбольный мяч и хоккейную клюшку, а может быть, потому, что родители старались скрыть от сына и его сестры Татьяны ожидавшие их перемены, но до поры до времени он ничего особенного дома не замечал. А дома тем временем решался вопрос чрезвычайной важности, вопрос, который непосредственно затрагивал и Валерия Харламова.

В 1956 году многие испанцы, приехавшие почти двадцать лет назад в Советский Союз, получили возможность при помощи Красного Креста вернуться на родину. Они уехали оттуда еще детьми, и теперь, став взрослыми людьми, отцами и матерями, хотели увидеться с родными.

Когда Бегоня первый раз сказала мужу, что две ее подруги возвращаются в Испанию, он лишь пожал плечами. Ну, возвращаются и возвращаются, о чем разговор.

Бегоня вздохнула:

– Маму хочется повидать… и отца… Знаешь, мне иногда кажется, что я не узнала бы их… Папе уже много лет, мама пишет, что он совсем поседел… Представить себе не могу… Я как глаза закрою, так вижу, как отец все старался улыбнуться, когда провожал меня в Советский Союз. А глаза печальные, в них застыли слезы. Мама плакала вовсю… Пароход уже отходил от причала, а я все глаз не могла оторвать от них. Мне двенадцать лет было, я понимала, что скорей всего расстаемся надолго…

Борис Сергеевич понимал, что значат эти воспоминания, почему Бегоня иногда как бы между прочим бросала:

– А знаешь, Мария уезжает. Уже билет есть. И Педро тоже…

Он понимал и молчал, потому что был необычайно деликатен и не хотел ни в малейшей степени давить на жену. Конечно, мысль, что Бегоня может уехать, что уйдут из его жизни шустрый Валерка и улыбчивая Танечка, заставляла его сердце замирать от ужаса. Об этом было лучше не думать, и он положился на решение жены. Он привык доверять ей. Она всегда отличалась ясным умом и силой воли, была душой семьи.

Он видел, как она мучается. Иногда, проснувшись ночью, он слышал, как Бегоня тихонечко шмыгала носом, тяжело вздыхала. И он вздыхал. Она чувствовала, что муж проснулся, и молчала.

Однажды ночью она спросила;

– Борь, а ты согласился бы…

Ей не нужно было кончать фразу, потому что и без ее вопроса все было обдумано-передумано десятки раз.

Борис Сергеевич глубоко вздохнул – господи, сколько же вздыхали они в те дни! – и ответил:

– Не могу… Все ведь там мне чужое… И потом, сама понимаешь, как я говорю по-испански, если это можно назвать разговором… Нет, родная, не смогу… Какой из меня испанец…

Был момент, когда Бегоня твердо решила: нет, не поеду. Сама уже давно русской стала. И ребята русаки. И без Боречки трудно представить себе жизнь. Но по-прежнему стояли перед ней лица матери и отца, и во снах сияло над ней жаркое испанское солнце, и она шла куда-то…

Она похудела от непрестанной душевной борьбы, устала от бесконечных сомнений, стала нервной, дерганой. А тут мать прислала письмо, что отец тяжело заболел. Наверное, именно это письмо подтолкнуло ее принять решение. Знала, что не простит себе, если не сможет обнять отца…

Борис Сергеевич так ни разу и не пытался отговорить жену, и она была бесконечно признательна ему за это.

И вот в начале 1956 года Бегоня сказала мужу:

– Боренька, не могу я… Не прощу себе, если не увижу родных…

– Не плачь, – вздохнул Борис Сергеевич, – я все понимаю…

Начались сборы, хлопоты. Восьмилетний Валера довольно смутно осознавал, что ждет его впереди. Нет, он конечно, знал, что мама его родом из Испании, что есть такая страна, а в ней город Бильбао. Слышал даже от родителей, что это центр провинции басков и что баск Сабастьян Элькано после гибели Магеллана возглавил первую кругосветную экспедицию и привел единственный уцелевший корабль к испанским берегам. И что еще до войны, когда и папа был совсем маленьким, в СССР приезжала футбольная команда басконцев, оставившая о себе яркое впечатление на многие годы.

И конечно, было очень интересно поехать в этот большой белый город. Почему именно белый, он не знал, но таким он представлял себе мамин южный город. О том, что ждет его в Бильбао, он особенно не думал, полагал, что все будет так же, как в Москве. Так же будет он гонять футбольный мяч и хоккейную шайбу во дворе, так же отец будет точить ему коньки… Да, но ведь отец не едет с ними?… Вот это уже было непонятно. Оставалось только чисто детское нетерпеливое предвкушение перемен и желание похвастаться. Он говорил ребятам во дворе:

– Еду в Испанию.

– Че-е-го? – недоверчиво тянули товарищи. Им было обидно, что Валерка едет куда-то очень далеко, и удобнее было не верить в это.

– В Испанию. Страна такая. Там испанцы живут. Ребята смеялись и с издевкой спрашивали:

– Это понятно. На то она и Испания, чтобы там испанцы жили, а ты-то кто? Ты зачем туда едешь?

Ответить на этот вопрос было не так-то просто, и Валерка говорил:

– Да ну вас, вам разве объяснишь чего… Единственный человек, с кем можно было поговорить по душам, была сестра Таня. Но ей было только семь лет, и она еще меньше него понимала всю громадность перемен, ожидавших их. Во всяком случае, куклам своим она говорила, что они едут к бабушке и дедушке, и куклы молчаливо соглашались.

Чем ближе подходил день отъезда, тем стремительнее неслось время, все становилось каким-то странным, ненастоящим. Теперь уже восьмилетний Валерка понимал, что привычная жизнь вот-вот рухнет и исчезнет, и душу сжимал холодный страх, но тут же его смывало возбуждение сборов.

В Одессе он впервые увидел море. Особого впечатления оно на него не произвело: вода и вода. Зато теплоход «Крым» был огромный, белый. Такой же белый, каким он представлял себе город Бильбао. (А Бильбао оказался не белым, а четверть-миллионным серым промышленным городом, окруженным горами.)

Когда они прощались, он вдруг впервые по-настоящему понял, что расстается с отцом, и острая боль кольнула его: и сегодня уже папы не будет, и завтра, и послезавтра. Он плакал вообще редко, а тут не выдержал, зашмыгал носом. Вцепился в отца мертвой хваткой. А Борис Сергеевич лишь повторял:

– Ничего, ничего, Валера…

Уже когда Бегоня с ребятами прошла пограничный и таможенный контроль и стояла на палубе теплохода, он вдруг вспомнил, что забыл отдать сумку с учебниками для первого и второго класса. Зачем Тане и Валерке нужны были советские учебники в Испании, он не знал, но почему-то ему казалось необыкновенно важным, чтобы они все-таки взяли эти книжки.

– Нельзя, – строго сказал молоденький пограничник. – После того, как проходят таможенный контроль, передачи запрещены.

– Я знаю, товарищ сержант, – растерянно бормотал Борис Сергеевич, – но ведь учебники… Как же он без учебников… Родная речь…

Пограничникам и таможенникам положено

руководствоваться четкими и ясными инструкциями, а не эмоциями. Но столько горя, наверное, было написано на лице Бориса Сергеевича Харламова, что пограничник, вздохнув, сказал:

– Ладно, сейчас передадут.

Они стояли втроем на палубе «Крыма», как стояла в Ленинградском порту на борту теплохода двадцатью годами раньше двенадцатилетняя девочка Бегоня, но тогда она смотрела на незнакомый город незнакомой страны, а сейчас покидала родину. Вторую родину. И внизу, на пирсе, ее муж потерянно и печально махал рукой. Заревела Татьяна, всхлипнул Валерка. Бегоня вцепилась в поручень. Можно было бы – сейчас перенеслась с ребятами вниз, к Бореньке.

Но пирс уже тихонечко отплывал от них, поворачивался, и Валерка вдруг понял, что это не берег плывет, а их корабль отплывает от него, от отца, и заревел, уже не стесняясь, во весь голос.

* * *

В Бильбао все говорили по-испански. И даже бабушка и дедушка говорили по-испански, что было удивительно: ведь это его бабушка и дедушка, и ни слова по-русски. Хотя, если разобраться, и дедушка Сережа и бабушка Наташа тоже ни слова не знали по-испански. Испанский дедушка Валерия пошел работать еще раньше, чем мама и папа, – с двенадцати лет. Много лет он плавал мальчиком-матросом на баржах по рекам. Потом работал шофером. Скопил денег и стал владельцем грузовика, между прочим, советской трехтонки – марки «ЗИС-5».

Дочку с внучатами дедушка с бабушкой встретили в просторной квартире на втором этаже благоустроенного семиэтажного дома. Прямо под ними, правда, располагалась таверна и было шумновато, но ведь к этому можно привыкнуть.

Ребята здесь оказались такие же, как и в Москве, если опять не считать, что не говорили по-русски, но Валера быстро осваивал мамин родной язык. Танька – та вообще вскоре стрекотала по-испански так, будто никогда не говорила ни на каком другом языке.

Еще было странно, что в воскресенье все отправлялись в церковь, и не с кем было поиграть. Церковь в Испании могущественна, а страна басков – цитадель католицизма. Родители, не окрестившие ребенка, работу здесь не найдут.

Церковь же выплачивает и пособие на новорожденного.

Четыре месяца Валерка учился в испанской школе. Учился хорошо. Только на уроки закона божьего старался опоздать или не ходил вообще. Как-то классный руководитель – учитель математики – спросил у него, верит ли он в бога. Валерка удивился такому глупому вопросу и сказал:

– Нет, конечно, сеньор.

– Почему? – рассердился учитель.

– Как – почему? Потому что его нет.

– А откуда ты знаешь, что его нет?

– Папа сказал.

Наверное, папа был недостаточно авторитетным источником для учителей, потому что все они говорили о боге. Но для Валерки авторитет Бориса Сергеевича был непререкаем, и он отказывался и креститься, и молиться.

Классный наставник за это его невзлюбил.

Казалось бы, страна и город, где выросла Бегоня, должны были быть родными для нее, но ребята адаптировались к новой жизни куда быстрее, чем она. Так же, как раньше мучили ее сны об Испании, так и теперь она видела заснеженную Москву, снегоуборочные машины и аккуратные валики сугробов вдоль тротуаров. И ее Борю, который бежал вдоль этих снежных валиков и все махал ей, как будто хотел догнать.

Она все чаще стала задумываться о возвращении домой. Именно домой. Так она себе и говорила: «домой». Потому что дом был там, в Москве, и подруги были там, и родной «Коммунар» был там.

Наверное, принять окончательное решение о возвращении ей помог небольшой эпизод в местной радиостудии. Ее пригласили туда выступить с рассказом о жизни испанцев в Советском Союзе. Она согласилась. У многих испанцев дети – теперь уже взрослые – оставались в России, испанцы всегда испытывали глубокий интерес к этой стране. Сколько раз ее расспрашивали соседи, знакомые родителей: а правда, что там круглый год снег, что запрещено молиться, что… что… что…

На студии были очень любезны.

– Пожалуйста, сюда, сеньора Карламофф. Вот, пожалуйста, листок с вашим выступлением. Не волнуйтесь, прочтите его спокойно… Просмотрите текст вначале, вам будет легче читать.

– Текст? – переспросила Бегоня. – А зачем текст? Я думала…

– Видите ли, сеньора, очень трудно выступать перед микрофоном без подготовки, и мы просто хотели помочь вам.

Она взяла листок и начала читать о том, какой трагедией для нее была жизнь в Советском Союзе, как страдала она…

Она почувствовала, как на нее нахлынуло возмущение. Годы с ее Боренькой были трагедией? Работа на родном «Коммунаре» заставляла ее страдать? Она фыркнула и отшвырнула листок.

– Это все клевета, – твердо сказала она, – спасибо за такую помощь, сеньоры, но я это читать не буду.

Объявленная заранее передача не состоялась. Пришлось пустить в эфир музыку.

Вот тогда-то она и решила: уеду. Домой. К Бореньке. К снегоуборочным машинам, что с грохотом идут строем по Ленинградскому проспекту. К подругам. Домой.

После возвращения в Москву с родителями и родственниками продолжалась оживленная переписка. Отец умер в конце шестидесятых годов. А мать прожила еще десяток лет. В начале 1981 года по настоянию Валерия Бегоня поехала отдать матери последний долг. Пробыла там почти до осени – вдоволь наговорилась по-испански, повидала всех родственников и добрых знакомых. Домой поехала на поезде – через всю Европу. Она и не подозревала, какой удар судьбы ее ожидает.

Из ЦСКА позвонили в Брест, попросили оградить Бегоню от волнений. Товарищи из Бреста пошли навстречу: из газетного киоска изъяли газеты с некрологом ее сына, отключили в ее вагоне радио. На вокзале в Москве Бегоню встретила Татьяна. Ее подкрасили, дрипудрили, дали цветы. Бегоня возвращалась радостная, с подарками. А за машиной ехал доктор ЦСКА Игорь Силин, и по его просьбе шла еще машина реанимации.

Дома Борис Сергеевич встретил жену в черном костюме и сам весь черный от горя. Едва вошли, не выдержала Татьяна, расплакалась. Сказали Бегоне о гибели сына. Дверь по договоренности с Силиным была не закрыта, он влетел со шприцем. Бегоня попросила газету. Дали. Она снова упала в обморок: «Зачем жить, если мой любимый Валерик погиб?»

Всякий ее поймет: потерять 33-летнего сына – только жить начинал по-взрослому. Внуки сиротами остались. Как такое пережить? Армейцы, друзья, знакомые и незнакомые люди не оставили семью в беде. Хоккеисты сборной СССР, прилетев с Кубка Канады, прямо с самолета отправились к Валерию на кладбище. Потом приехали к Харламовым домой…

* * *

И вот Борис Сергеевич снова едет в Одессу. Телеграфные

столбы пролетают стремительно, а темный лес на горизонте, похожий на декорацию, почти не движется.

Стоит он и курит, и смотрит на поля и далекий лес, но все сегодня выглядит иначе, чем год назад. Тогда пейзаж за окном был печальный, угнетающий, а сегодня дышал покоем, радостью. Потому что ехал он встречать жену, сына и дочь, и если не стеснялся бы, хватал за руку каждого и каждому бы пел во весь голос:

– Еду встречать Бегоню и ребят…

Бреясь перед отъездом, посмотрел на себя в зеркало и усмехнулся: глядел на него почти незнакомый мужчина, лицо осунувшееся, глаза провалились, нос заострился. И то удивительно, что все-таки жив и даже подмигивает. Все, кажется, сделал, чтобы вогнать себя в гроб: ел кое-как, курил без остановки. Раз постучали в дверь. Открыл. Дворник спрашивает испуганно:

– Что горит?

– Где горит? – удивился Борис Сергеевич.

– Да вот посчитали, ваше окно. Дым столбом из него валит.

Борис Сергеевич невесело рассмеялся. Почти всю ночь не спал, курил и только сейчас открыл форточку. Наверное, и впрямь похоже было на пожар.

Как прожил он этот год, лучше не вспоминать. В каком-то тяжком тумане. Ходил на работу, разговаривал, но как заводной, мысли были в Бильбао. И если что-то поддерживало его, то это письма Бегони с Валеркиными приписками. Все чаще писала жена, что скучает, рвется в Москву. А когда сын написал, что на коньках здесь не катаются, про хоккей не знают, в горле запершило.

И вот едет он в Одессу, с трудом сдерживается, чтобы не запеть от счастья:

– Еду встречать Бегоню и ребят.

Дед в Москве тоже почти обезумел от радости. Никому не признавался, но страдал старый краснодеревщик без внуков жестоко. Словно пружину вынули из старика, сдал на глазах, поседел за год так, что и не узнать.

Когда получил телеграмму из Одессы, заметался, всю ночь не спал, поехал на вокзал часа за три до прихода поезда. И хорошо, потому что от волнения перепутал все на свете и приехал не на Киевский вокзал, а на Курский.

И пока ехали с Киевского вокзала по набережной мимо гостиницы «Украина», все держал внука за руку, словно не верил, что дождался.

Удивительно быстро вошли в ритм привычной жизни Бегоня

и ребята. Словно и не уезжали. Только говорить по-испански стали лучше.

Валерка вышел во двор такой же, разве чуть смуглее, чем до отъезда, и его тут же окружили ребята:

– А бой быков видел?

– А на футбол ходил?

– А скажи по-испански что-нибудь!

На бой быков он не ходил, и дорого, и никакого интереса к этому странному развлечению он не испытывал, а на футболе один раз был, дедушка брал, когда играла команда «Атлетико». Играют так же, так же, бывает, мажут, а вот на трибунах все по-другому: и трещотки, и трубы, и даже подушки специальные можно взять напрокат. А про хоккей на коньках и слыхом не слыхивали.

Это было удивительно. Трудно было представить мальчишкам, что где-то не играют в хоккей, где-то не слышали про советских легендарных игроков, даже не знали, кто такой Всеволод Бобров.

Валерий Харламов с самого раннего детства любил коньки, а теперь, после возвращения из Испании, словно спешил наверстать упущенное: каждую свободную минуту на льду. И играл он теперь со старшими.

Как-то раз – было ему тогда почти четырнадцать лет – кто-то из ребят сказал:

– Пошли в ЦСКА записываться.

– Как это – записываться? – спросил Валерка.

– Очень просто. Просмотр у них. Кто понравится, тому сразу форму дают, настоящую, цээсковскую, и в команду берут. Но только…

– Что только? – спросил кто-то.

– Эта… Попасть еще надо.

– Попасть?

– Ну… Чтоб тебя взяли.

Родителям о том, что пойдет пробоваться в ЦСКА, Валера ничего не сказал, но накануне вечером попросил отца получше наточить коньки. Смотрел на желобок, пробовал лезвие на ноготь. Борис Сергеевич так наточил, как, наверное, себе никогда не точил.

Около дворца спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте гудела толпа ребятишек. Говорили, что просматривает сам Борис Павлович Кулагин, что строг и придирчив он необыкновенно. Ребята нервничали и, чтобы разрядить напряжение, врали напропалую, хвастались безбожно.

Спустя много лет Валерий Харламов рассказывал нам:

– Сам не знаю почему, но я почти тогда не волновался.

– Наверное был уверен, что тебя возьмут?

– Не-ет, я ведь и не собирался идти записываться, мне это и в голову не приходило. Так, заодно с ребятами увязался. Я тогда всерьез свои хоккейные дела не принимал.

– Но все-таки, Валерий, когда подошла твоя очередь, должен был ты нервничать?

Валерий улыбнулся своей обычной, чуть лукавой улыбкой и сказал:

– В общем-то, конечно, нервничал. Но я это понял уже потом. А тут только одно в голове было: пробежать по площадке как следует. Вышел на лед, смотрю – стоит Кулагин, хмурый такой, сосредоточенный. Уже потом я узнал, что долго никого отобрать в тот раз не мог. Оттого, наверное, и был хмурый. Ну, подошла моя очередь, поехал. Тут я уж точно ни о чем не думал, кроме того, чтобы и скорость показать, и владение коньками. Прокатился круг, смотрю на Бориса Павловича, он – на меня.

– Фамилия? – спрашивает.

– Харламов Валерий.

– Год рождения?

И тут, сам не знаю зачем, я соврал. Сказал, что мне тринадцать лет, а мне уже исполнилось четырнадцать. Наверное, хотел повысить свои шансы. – Валерий усмехнулся. – Хорошо, хоть хватило ума всего год себе убавить, а то ведь мог брякнуть, что мне, скажем, десять лет.

Борис Павлович кивнул удовлетворенно, и кивок этот обозначал для меня начало новой жизни. Конечно, тогда я этого не понимал, но это движение головы знаменитого тренера предопределило мою дальнейшую судьбу.

Домой летел, как на крыльях, и все удивлялся, что никто на меня не смотрит. На меня, на человека, которого приметил сам Борис Павлович Кулагин!

КАК СТАТЬ ЛЮБИМЦЕМ

Любимцами становятся, как замечено, обычно те, кто специально для этого усилий не прилагает. Валерий Харламов был (как ни горько, но приходится употребить это слово в прошедшем времени) всеобщим любимцем! Его боготворили поклонники ЦСКА, обожали все советские любители хоккея, знали и поклонялись любители игры и спорта во многих странах мира. Зрители овацией приветствовали Валерия на стадионах Канады и Чехословакии, США и Швеции, Польши и Австрии, Швейцарии и ФРГ.

Сам Харламов, уверены, знали его много лет, «рецепта», как завоевать всеобщее признание, не дал бы. Если и задали бы ему такой вопрос, отшутился бы и все.

…Как-то во время встречи со школьниками Б. Кулагина спросили:

– Скажите, а как быть Харламовым? Чтоб так же болельщики любили?

Тренер посмотрел на рыженького худенького мальчика в очках, который задал вопрос, усмехнулся:

– Это очень просто…

– А что нужно делать? – настаивал рыженький, от нетерпения даже привстав с места.

– Если вы хотите стать любимцем не только болельщиков ЦСКА, но всех поклонников хоккея, нужно совсем немного… – Кулагин выдержал актерскую паузу и продолжал, – нужно собрать в своей коллекции десяток золотых медалей чемпионатов СССР, восемь медалей мировых первенств, две – Олимпийских игр. Кроме того, очень не помешает стоять во главе списка бомбардиров чемпионатов мира, Европы и Олимпиад по системе гол плюс пас, имея на своем лицевом счету сто девяносто два очка – больше всех. Рекомендую также произвести такое впечатление на родоначальников хоккея с шайбой канадцев, чтобы во всех канадских провинциях любой произносил твое имя почти без акцента…

Ребята улыбались, и шире всех рыженький мальчик в очках. Совсем не разочарованно, нет, скорее влюбленно, наверное, потому, что тоже принадлежал к многомиллионной армии поклонников Харламова.

– Но это еще не все, – продолжал Борис Павлович Кулагин. – Нужно еще быть спокойным, добрым человеком, ладящим с товарищами и тренерами, что порой не так-то легко. Нужно

обладать чувством юмора, чтобы не очень-то всерьез принимать свою славу. Короче, нужно быть Валерием Харламовым.

Рецепт, как видите, чрезвычайно прост. Но в 1962 году, когда Валера Харламов, невысокий, четырнадцатилетний мальчуган, увязавшись за товарищами по дворовым играм, пришел на Ленинградский проспект на стадион ЦСКА, он меньше всего думал о славе. Еще меньше о болельщиках. Думал он о первой тренировке, на которую шел.

Тре-ни-ров-ка. Серьезное, деловое слово. Это тебе не «Валер, пошли погоняем». Тре-ни-ров-ка. Он уже почти, настоящий спортсмен, идущий на тренировку. Почти, потому что в глубине сознания то и дело юркой ящерицей проскакивала пугающая мыслишка: а что, если тренер Кулагин ошибся накануне? Что, если сейчас ему скажут: «Мальчик, ты куда? Иди домой».

Мысль эта так овладела им, что Валера даже чуть удивился, оказавшись на льду вместе с другими новобранцами клуба.

На этот раз с ребятами занимался Виктор Георгиевич Ерфилов, неторопливый, приветливый человек.

– Так, ребята, – сказал тренер, хлопнув в ладоши,- прошлый раз на просмотре вы просто катались, потому что Борис Павлович Кулагин хотел получше узнать, что вы умеете, поэтому прошу вас сейчас разогнаться и резко затормозить.

Вот когда по-настоящему оценил Валера папину заботу. Велико ли дело – наточить коньки. Прижми лезвие к наждачному кругу, а если нет его, поработай напильником, проверь на ногте края, остры ли, и вся недолга. Но в точку коньков, как, наверное, и в каждое дело, нужно вложить душу. Борис Сергеевич Харламов – человек сдержанный, отнюдь не сентиментальный, сына никогда не зацеловывал. Но очень любил. И выражал эту любовь сдержанно, по-мужски. Одним из проявлений этой любви и были всегда идеально наточенные коньки.

Валера разогнался из всех сил, резко повернул коньки, наклонив круто тело. И по тому, как точно впились ребра лезвий в лед, подняв маленькое облачко ледовой пыли, по тому, как удовлетворенно кивнул тренер, мальчик понял, что зря боялся.

Потом ребятам раздали клюшки, и тренер попросил их делать передачи соседу, сначала стоящему на месте, потом бегущему на коньках.

В конце занятий Виктор Георгиевич Ерфилов сказал:

– Ребята, сейчас вы получите форму, пусть пока не новую, но хорошую, берегите ее, и пусть родители придут расписаться за ее получение.

Форма! Настоящая клюшка! Настоящие шайбы! Настоящие хоккейные перчатки на руках! Только тот, кто годами гонял

палкой на дворе пустую консервную банку, может увидеть волшебное сияние, исходившее от стираных-перестираных рубашек, щитков, гетр, наплечников, нагрудников, налокотников. Только тот, кто годами мечтал о шлеме, может понять восторг, который ощутил четырнадцатилетний мальчик, несмело надев на голову красную пластмассовую каску.

Эх, посмотрели бы на него сейчас ребята со двора! Конечно, жалко, что из всей компании он один попал в ЦСКА, но очень хотелось похвастаться своим видом.

Он вспомнил первую свою клюшку. Ее сделал отец из своей клюшки для хоккея с мячом: подстругал, подрезал, распарил и выгнул немного крюк. Как гордился тогда ею Валерка, как удобно лежала клюшка в руке, как легко было подхватить ею гремящую консервную банку и отправить ее между двух потрепанных ранцев, которые изображали стойки ворот.

Возможно, эти строчки вызовут сегодня у ребят снисходительную улыбку: нашли что вспомнить – консервную банку! В чем-то они правы, эти сегодняшние ребята, делающие первый шаг на льду в купленном накануне шлеме. Пустая консервная банка из-под сайры или судака в томате, безусловно, не заслуживает вдохновенных од. Но не забывайте, что многие волшебники футбольного мяча начинали с тряпочного, а кудесники шайбы – с пустой консервной банки.

Мы не беремся отстаивать педагогическую и методическую ценность диких дворовых баталий, но где-то в глубине сознания таится мысль: а может, и не так-то уж худо, если самые первые шаги ребята делают в спорте сами, с консервной банкой, с полуспущенным детским мячиком, с перекладиной пожарной лестницы вместо турника? Может, именно такие дички, облагороженные затем уже настоящей школой, и становятся быстрее неповторимыми Пеле, Федотовыми, Бобровыми, Харламовыми?

Дома Валера сказал отцу:

– Пап, тебя капитан вызывает…

Борис Сергеевич почувствовал, как сердце его пропустило удар, а потом помчалось, как пришпоренное. Неужели милиция? Как, почему? Такой ведь хороший парень…

– Какой капитан? – спросил он и облизнул сразу пересохшие губы.

Валера опустил голову и виновато сказал:

– Капитан Кулагин. В ЦСКА. Тренер. За форму расписаться.

– Ты… ты… – от мгновенного прилива облегчения Борис Сергеевич никак не мог закончить вопрос, а хотел он спросить, каким образом его сын очутился в ЦСКА и причем здесь форма.

– Я там… в хоккейной группе… Еще справку надо о состоянии здоровья…

Теперь Борис Сергеевич уже знал, что делать. Он схватил сына под мышку и помчался с ним в Морозовскую больницу. В ушах стоял голос строгого врача, говорившей ему годом раньше: «И ни в коем случае ему нельзя заниматься спортом».

В больнице долго искали карточку сына, потом врач устало прочел ее и посмотрел на Бориса Сергеевича:

– Что, у мальчика ухудшение? К сожалению, госпитализировать сейчас мы не сможем…

– Да нет, спасибо. Госпитализировать его не нужно. Он, понимаете, играет в хоккей и даже записался в хоккейную школу при ЦСКА. Теперь ему нужна справка.

Врач помассировал средними пальцами веки под очками, несколько раз зажмурил и открыл глаза и спросил:

– Как вы сказали, простите? Хоккей?

– Да, – тихо промолвил Борис Сергеевич и почувствовал острую вину: все-таки никудышный, видно, он отец, если не уследил за парнишкой и дал ему тайком играть в хоккей. «И ни в коем случае, – опять прозвучал предупреждающий голос врача, – и ни в коем случае…»

– Вы понимаете, что делаете? – врач перестал массировать веки и смотрел на Бориса Сергеевича прокурорским суровым взглядом.

– Я… – смешался Борис Сергеевич, – он…

– Позовите мальчика.

Борис Сергеевич втолкнул Валеру в кабинет.

– Подними рубашку, – строго скомандовал врач и прижал к мальчишеской костлявой груди холодную чашечку фонендоскопа. – Повернись спиной.

Через десять минут, в течение которых врач безостановочно выслушивал, выстукивал и выспрашивал мальчика, он снова перечитал историю болезни и вдруг улыбнулся.

– Послушайте, – сказал он Борису Сергеевичу,- а вы уверены, что это тот самый мальчик?

Как и большинство людей, Борис Сергеевич привык относиться к врачам настороженно, и шутки их казались неинтересными и даже пугающими.

– Как… в каком смысле? – промямлил он.

– Мы еще будем исследовать вашего сына, но совершенно неожиданно для нас он здоров, если не как бык, то уж как бычок, безусловно.

– И мне можно играть в хоккей? – спросил Валера.

– Думаю, можно. Впрочем, если очень захочешь, можешь

выбрать регби или какой-нибудь другой «тихий» вид спорта, например, бокс. Значит, куда, вы говорите, нужна справка?

Так неожиданно Валерий Харламов получил медицинское благословение в начале своей хоккейной карьеры и смог начать долгий путь к вершине, на которой мы его видели столько незабываемых лет. А путь шел через тренировки, тренировки и еще раз тренировки. И вели его тренеры.

Тренеры делятся на две неравные по величине группы. В одной – той, что всегда на авансцене, – знаменитые тренеры, наставники знаменитых команд, чьи лица мы часто видим на экранах телевизоров. Они стоят, по-наполеоновски скрестив руки на груди, сидят, напряженно следя за игрой, медленно прохаживаются за скамейкой, молчат, делают замечания, подбадривают, дают интервью. Они полководцы, бросающие в бой все свои резервы, люди, отвечающие головой и репутацией за вверенные им клубы. Они пожинают славу в звездные часы и пишут заявления об уходе по собственному (желанию в дни неудач.

В другой части тренерского корпуса трудятся люди, почти неизвестные широкой публике. На них не направляют камеры, и их не осаждают репортеры. Но в их относительной анонимности есть и плюсы: они работают в более спокойной обстановке, это часто лучшие педагоги. И немудрено, потому что трудно учить в свете юпитеров, трудно быть терпеливым педагогом, когда зрачки объективов напряженно ждут драматических ситуаций.

Виктор Георгиевич Ерфилов принадлежит ко второй группе тренеров. Он играл в молодости в футбол, хоккей, окончил институт физкультуры, стал тренером. И нашел себя в работе с ребятами. Он обладает удивительным даром выявлять в ребятах дремлющие способности, открывать таланты. Назовем лишь некоторых, кто прошел его школу: Владимир Лутченко, Владислав Третьяк, Валерий Харламов, Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов.

Позже его пригласили в маленький, но яро хоккейный городок Кирово-Чепецк, где он тренировал команду «Олимпия». И здесь он открыл вратаря Владимира Мышкина и многих хоккеистов, впоследствии выступавших в командах высшей лиги.

Вот к такому тренеру попал Валерий Харламов.

Увы, среди детских тренеров немало нетерпеливых, невыдержанных, резких людей, забывающих, а то и не ведающих, что в тринадцать-четырнадцать лет одно необдуманное слово может нанести незаживающую душевную травму.

К счастью для Валеры Харламова, Ерфилов был прирожденным педагогом. Снова и снова, не раздражаясь, он

терпеливо показывал своим подопечным хоккейные азы, всем своим видом подчеркивая, что учит он ребят, достойных уважения, толковых и способных.

Пройдут года, и Валерий Борисович Харламов будет возвращать долг любви и уважения младшим, вспоминая уроки Виктора Георгиевича Ерфилова. Он, взрослый человек, офицер, заслуженный мастер спорта, торопясь к своим детям после тяжелого и утомительного дня, никогда не мог пройти мимо дворовой хоккейной коробки, когда оттуда неслось:

– Дядь Валера, сыграйте с нами, хоть минутку, хоть чуть-чуть…

Чуть-чуть обычно растягивалось минимум на полчаса. И нахмуренная жена никак не могла понять, как драгоценны были эти минуты для Харламова, как отдыхал он среди визжащих от восторга ребятишек, когда укладывал их на лед неуловимыми финтами…

А пока что Ерфилов говорил ребятам:

– А сейчас посмотрим, зрячие вы у меня или не очень.

– Как это? – галдели юные хоккеисты.

– Да никак. Играйте себе, а я посмотрю.

Ребята начинали играть, и в самый разгар игры по знаку тренера вратарь неожиданно и незаметно покидал ворота. Большинство в пылу схватки не обращали ни малейшего внимания на пустые ворота. Но не Харламов. О, этот черненький ловкий мальчуган словно обладал четырьмя глазами: где бы он ни находился, мгновенно замечал опустевший створ ворот и тут же посылал туда шайбу…

Как-то Ерфилов отозвал в сторону Валеру и тихонько сказал:

– Может быть, не стоит твоему отцу носить тебе на тренировки рюкзак? А то как-то неудобно – взрослый парень, он же тебе не слуга. Хорошо?

– Обязательно ему скажу, – вспыхнул Валера. Он уже не раз говорил об этом отцу, но тот отмалчивался.

Пройдут годы, и Борис Сергеевич Харламов признается нам:

– Не в моем характере таскать за парня рюкзак, какой бы тяжелый он ни был. Но, – и тут он смущенно улыбнулся, – так мне было интересно следить за тренировками, что я готов был любой повод выдумать. Эх, мне бы в свое время такого тренера, может, и из меня классный игрок получился…

На одну из тренировок к Ерфилову пришел тренер, занимавшийся с ребятами возрастом постарше.

– Форвард у меня один заболел, – посетовал он, – хороший парнишка, боюсь, некем заменить, а играть со «Спартаком» на первенство Москвы. Никого не можешь порекомендовать?

– Посмотри сам, – пригласил Ерфилов, – может быть, приглянется кто.

Тренер посидел на трибуне минут десять и снова подошел к Ерфилову:

– Меня заинтересовал вон тот паренек, черненький, это кто?

– Харламов Валерий. Наш капитан. Способный пацан. Скорость есть, бросает неплохо.

– Щупленький очень…

– Кто чем берет.

– Забивает?

– На тренировках выделяется, – осторожно ответил Ерфилов.

Как и многие тренеры в подобной ситуации, переживал он в эту минуту некую раздвоенность. С одной стороны, это было его тренерское назначение – готовить ребят в старшие группы. С другой – не хотелось отпускать такого паренька. Какой-то особой прозорливостью детского тренера видел он перед собой не худенького длинноносого воробушка, а стремительного и необычайно ловкого форварда, одетого в такой мускульный панцирь, который давал ему возможность не бояться силовых схваток даже с тяжелыми и мощными защитниками.

– Какого года? – спросил тренер.

– Харламов? Сорок девятого. У меня все сорок девятого.

– Попробуем, выхода у меня нет.

Четырнадцатилетние армейцы и спартаковцы набрали в тот сезон в первенстве Москвы одинаковое количество очков, и предстояла переигровка, в которой должен был принять участие Валерий Харламов. Волновался ли он? Много лет спустя, когда вспоминали мы с ним тот матч, он не ответил на этот вопрос: едва заметно пожал плечами и улыбнулся. Мы настаивали.

– Понимаете, – улыбнулся Харламов, – ваш вопрос немножко наивный. Судите сами: четырнадцатилетний мальчишка выходит первый раз в жизни на официальный матч. Не на тренировку, а на матч. И рядом на льду не будет Виктора Георгиевича Ерфилова. И он не скажет: «Валер, смотри, как надо делать». Вместо него будут чужие ребята, каждый из которых норовит обыграть тебя, задержать, оттереть, отнять у тебя шайбу. А тут еще мучит мысль: вдруг узнают, что год себе убавил. Как не волноваться. Да я, пока амуницию в раздевалке прилаживал, прямо трясся весь.

Другое дело, что в игре все забываешь. Наверное, один из секретов успехов в спорте, причем в любом виде, – это способность предельно концентрироваться в каждый данный момент на решении одной конкретной задачи, стоящей перед тобой.

Допустим, ты хоккейный форвард. И ты выходишь один на

один с вратарем. Бросать сразу или сделать еще несколько шагов? Обводить вратаря, стараясь уложить его финтом на лед, или пробивать в лоб? Решение требуется принять в доли секунды, именно в доли, это я не для красного словца говорю.

Однажды кто-то из журналистов, не помню уж кто, с маленькой черной машинкой в руках подсчитал, что иногда форварду требуется принять решение за десятую долю секунды. Так вот, остается ли время на страх, волнение? Если остается – плохо. Без предельной концентрации внимания нет игры. – Валерий чуть виновато усмехнулся, словно извинялся за вспышку красноречия, и добавил: – А вы спрашиваете, волновался ли…

Вспоминает Виктор Георгиевич Ерфилов, который, естественно, пришел посмотреть матч:

– Удивительно, столько лет прошло, а вижу тот матч поразительно отчетливо, с мысленными замедленными повторами. В основном я следил, конечно, за Харламовым. Я чувствовал, что не потеряется он на площадке, но все-таки игра есть игра. И вот в какой-то момент Валера прорывается с шайбой к синей линии. На него бросаются сразу два спартаковских защитника, Игорь Лапин – он потом в мастерах не один сезон играл – и Саша Стеблин, ныне он во Всесоюзном спорткомитете работает. Оба мощные ребята, рослые, широкоплечие. Валерка рядом с ними выглядел совсем маленьким. Он затормозил перед ними. Лицо испуганное, вот-вот заплачет, уже нос наморщился. Защитники тоже остановились, любопытно все-таки посмотреть на плачущего форварда – не каждый день увидишь. Остановились они, а Валерка тут же ногами заработал, набрал скорость и объехал их. Защитники только разворачивались, а улыбающийся Харламов уже вышел один на один с вратарем и точным броском отправил шайбу в сетку.

Знаете, хотя я и был в то время еще молодым человеком – ведь больше двадцати лет прошло, – но всетаки не новичок, кое-что повидал. А тут прямо дух у меня захватило: так артистически сыграл в тот момент мой подопечный! Именно артистически, потому что, кроме техники,скорости, проявил он в этом мгновенном эпизоде чисто актерское дарование… Забил он и еще один гол в этой игре, решающий. Армейцы выиграли, если не ошибаюсь, со счетом 4:3.

Еще один рассказ зрителя, присутствовавшего на том матче детских команд.

– Когда Валерка забил второй гол, сидевший рядом со мной мужчина спросил: «Не знаете, что это за мальчик?» – «Знаю, – говорю, – это мой сын В.Харламов». Так почему-то и сказал: В. Почему В., а не Валерий, до сих пор понять не могу. Нервничал,

надо думать, и гордился.

Вечером В. Харламов долго шмыгал носом, ходил вокруг да около отца, потом решился.

– Пап, – тяжко вздохнул он, – не знаю, чего делать…

– А что случилось?

– Да сам не знаю зачем, брякнул, когда записывался, что я сорок девятого года. Год себе убавил. Ну, а теперь, наверное, выяснится все…

– Помнишь, что делают те, кто заваривает кашу? – нахмурился Борис Сергеевич.

– Помню. Расхлебывают.

– Вот именно. Завтра тренировка, завтра и расхлебай.

Ерфилов был строг и сух:

– Вопрос о твоем пребывании в клубе будет решать коллектив. Ты ведь всех обманул.

На голосование поставили два предложения: первое – отчислить за обман, второе – перевести в команду мальчиков, старше на год, с испытательным сроком. Проголосовали за второе. Но подняли бы ребята руки за предложение отчислить, и неизвестно, стал бы заслуженным мастером спорта Валерий Харламов.

Если вы, дорогой читатель, должны будете тоже когда-нибудь голосовать, отчислить кого-нибудь или поверить человеку, не торопитесь, еще раз взвесьте все «за» и «против»…

Тем временем будущему суперзвезды мирового хоккея угрожала еще одна опасность – футбол. Футбольные гены коломенского деда, переданные сыну Борисом Сергеевичем, бушевали в Валерке, тянули его на зеленый газон, благо летом хоккейная жизнь замирала.

В футбольной школе ЦСКА он «не показался», но в детских и юношеских командах «Метростроя» на Красной Пресне поиграл на первенствах Москвы немало. Там одобряли его дриблинг, точные передачи, взрывную скорость, красивые голы.

Но на помощь хоккею пришел телевизор. Зимой

1963 года наше телевидение впервые проводило показ матчей чемпионата мира по хоккею. И Валерий все вечера просиживал перед маленьким телевизионным экраном. Смотрел, как играли гранды мирового хоккея. Следил за виртуозным владением клюшкой Вениамина Александрова, поразительно выверенными пассами Александра Рагулина, финтами Бориса Майорова, катапультными выстрелами Александра Альметова.

И не просто следил. Ловил себя на том, что мысленно повторял все то, что выделывали на льду премьеры ледовых спектаклей. А порой думал пятнадцатилетний паренек, что он

сыграл бы не так. Оригинальнее. Острее. Конечно, на 99 процентов то была юношеская наивная самоуверенность. А остающийся процент? То был незаурядный талант, который зрел в мальчишке, сидевшем перед телевизором. Он не желал уже тогда слепо копировать других. После закончившегося чемпионата решил хоккей не бросать.

– Лентяем никогда не был, но, честно говоря, и носиться без толку по футбольному полю не любил. Моими футбольными кумирами были Всеволод Бобров и Эдуард Стрельцов. Оба казались на поле спокойными, даже сонными. Но вот приходит момент, и они оказывались именно в той точке поля, где им выгоднее всего было быть, и делали все то, что им следовало делать, с такой скоростью, какую нужно было включить. Они и забивали и делали игру умной, захватывающей. Они делали игру игрой, а не нудной работой. УвЫ, большинство футбольных тренеров того времени, да и нынешнего тоже, только и повторяли: работай, работай, двигайся больше! В хоккее хоть проще: оттолкнулся раз – и всю площадку пересек. В общем, остался я в хоккее.

А футбол люблю, стараюсь не пропускать матчи, когда есть возможность посмотреть. И играю при случае. Помню, как-то в Хосте мы, хоккеисты ЦСКА, сыграли в футбол с футболистами «Локомотива». И что вы думаете? Выиграли. Несколько раз мне удалось сделать точные передачи, Мишаков ловко и неожиданно пропускал мяч между ног, выскакивал из засады Кузьмин и забивал!

Позже, когда В. Бобров стал старшим тренером футболистов ЦСКА, он приглашал Валерия в свою команду, но к тому времени Харламов уже был «звездой» хоккея советского и мирового. И футболистов порой поддразнивал: ваша игра самая умная… после перетягивания каната.

Но вернемся в 1962 год. На одной из тренировок в Харламова неожиданно врезался сзади кто-то из ребят. Он упал на лед лицом вниз. Несколько секунд никто не обращал на него внимания: упал и упал, сейчас встанет, кто не падает в хоккее. Но Валера не вставал, и тренер поспешил на помощь, а за ним и врач. Пришел он в себя только в медпункте, и всю дорогу домой его слегка покачивало.

Дома, как назло, дверь открыла мать, увидела изжелта-синие подтеки на лице, испугалась:

– Валерик, мальчик, кто же тебя так?

– Да никто, мам, в хоккее. Упал…

И тут Бегоня произнесла фразу, которую потом, во время первых встреч с канадцами, когда грубо атаковали и вывели из

строя Харламова, как бы повторил знаменитый наш спортивный комментатор. Она твердо заявила:

– Не нужен тебе такой хоккей!

Если в нашем рассказе мы чаще говорим об отце хоккеиста Борисе Сергеевиче Харламове, чем о матери, то это вовсе не потому, что она меньше была привязана к сыну или он к ней. Просто клюшки, шайбы, счет – все эти вещи были ближе отцу и сыну, объединяли их внутри семьи в некую спортивную секцию.

Слово Бегони было почти всегда в делах семейных решающим, но здесь отец и сын взмолились в один голос, и, вздохнув, она пошла на уступки. Он продолжал бегать три раза в неделю в сумрачный и гулкий Дворец спорта ЦСКА, тренировался усердно, но и школьные дела не запускал.

По этой части Ерфилов был строг: дневники просматривал регулярно и за плохие отметки карал безжалостно. Конечно, совмещать тренировки с учебой в школе не так-то просто, но, с другой стороны, привычка к точности и собранность позволяют экономить время.

Во всяком случае, Валера учился успешно. Чаще получал четверки, пятерки и тройки – реже, двойки – почти никогда. Математика и другие точные науки давались ему легко, даже брал призы на школьных математических олимпиадах, но на уроках русского языка бывал рассеян: порой забывал в конце слов писать букву «а».

Отношения с ребятами никогда не были для него проблемой, он никогда не хвастался, не задирался, не перебивал товарищей «а вот я…». Терпеливо и внимательно слушал других, иногда лишь, если уж кто-то очень завирался, лукаво посмеивался.

По натуре был скорее склонен к компромиссу и таким остался на всю жизнь. И хотя, случалось, в пылу спора товарищи по легендарной тройке бросали ему: «Ты, Валер, дипломат», потом отходили и прислушивались к разумным речам товарища.

Родители в 1964 году получили квартиру в Угловом переулке. Дом Харламовых – небольшая двухкомнатная квартирка на пятом этаже – всегда был открыт для товарищей сына, и они любили приходить в эту приветливую дружную семью, где все четверо ее членов были спаяны глубокой и нежной привязанностью друг к другу. Тетя Бегоня – так ребята звали Валеркину маму – любила петь, могла перетанцевать любого. Харламов тоже неплохо танцевал и пел – детсадовским малышом даже в Колонном зале выступал. И взрослым он любил танцевать на вечеринках. А дядя Боря был всегда своим человеком для юных спортсменов.

Валера рос, набирался сил, играл в хоккей, учился. Подходил

момент, когда, окончив школу, нужно было выбирать жизненный путь.

«МЕТР С КЕПКОЙ»

Как-то мы спросили у Харламова, когда он окончательно решил связать свою жизнь с хоккеем. Валерий подумал немножко и сказал:

– Наверное, это было, когда я играл у Виктора Георгиевича Ерфилова в молодежной команде ЦСКА. Помню, на турнире в Минске после игры с «Сибирью» он заговорил со мной о моем будущем. Я тогда сказал, что хотел бы поступить в институт физкультуры. Он одобрил мой план:

– Пригласят в команду мастеров – будешь заочно учиться, не позовут сразу – побудешь студентом, золотое время.

– Отлично помню тот матч, – вспоминает Ерфилов.- У «Сибири» в воротах стоял крупный, могучий парень с длинными руками. Ворота рядом с ним казались совсем крошечными. Мои ребята все время атаковали, бросали беспрерывно, но он буквально забаррикадировал собой ворота, и шайба отскакивала от него, как горох от стенки.

Я чувствовал, как у ребят появляется неуверенность. Знаете, бывает в игре, когда кажется, что какая-то сверхъестественная сила не дает шайбе влететь в ворота. В такие моменты и проверяется характер игроков и команды. И вот тут-то Харламов почти с линии ворот, едва отъехав от борта, четким броском послал шайбу в дальний от себя угол. Для того чтобы она попала в ворота под таким углом, требовалась поистине ювелирная точность.

Вратарь не сразу понял, что шайба в воротах, и все еще в стойке у ближней штанги недоуменно оглянулся на красный свет, который зажегся за его спиной.

Через несколько минут ситуация повторилась. Валерий снова прошел по краю и оказался на той же точке, откуда уже забросил шайбу. Вратарь теперь знал, что делать. Этот парнишка здорово бросает по дуге, в дальний угол. И он сместился, закрыв дальний угол. А Харламов «щелчком» бросил в ближний угол. Гол. И, словно спали чары, шайбы так и посыпались в ворота «Сибири».

Через мои руки прошли сотни ребят. Я знаю, чему можно научить любого мальчишку, если он добросовестно относится к тренировкам. А что зависит от таланта, если, конечно, этот талант умножается на фанатичную преданность игре. Так вот, Харламов сыграл тогда так, как может сыграть только талантливый игрок. И я понял, что, если он бросит хоккей, это будет потерей и для него, и для нашего хоккея.

Валерию казалось, что он решил связать свою жизнь с хоккеем после матча в Минске с «Сибирью». На самом деле он врастал в игру постепенно. Он уже четыре года тренировался в хоккейной школе ЦСКА. За это время его мышцы привыкли к большим физическим нагрузкам, его сердце привязывалось к игре. И теперь нередко его фантазия рисовала ему картину, как он выезжает на лед в красно-белой рубашке цээсковца, в рубашке игрока сборной, а по залу прокатываются волны аплодисментов. Он улыбается, сдержанно, с достоинством, но улыбается, потому что все-таки приятно, когда трибуны скандируют «Хар-ла-мов!». Нет, Валерий никогда не был мечтателем, никогда выдуманный мир не заменял ему реального, но он был восемнадцатилетним пареньком, и мечты о славе частенько пробивались сквозь заслон здравого смысла.

Сразу в ЦСКА Харламова не взяли. Летом, за день до истечения срока, они с Вадимом Никоновым, другом юности, впоследствии известным футболистом и капитаном «Торпедо», подали документы в инфизкульт, успешно прошли все экзаменационные «рифы» и были приняты на первый курс.

– С Валерием мы проучились в одной группе три семестра, полтора года, – вспоминает сейчас один из детских тренеров торпедозского клуба Вадим Никонов. – Поступить в то лето в институт физкультуры было непросто: заявлений имелось 250, а мест в десять раз меньше – 25. Но мы конкурс выдержали. Валера, должен заметить, ни в чем, никому не терпел проигрывать. Был оптимистом. Верил в свои способности и силы, хотя никогда по этому поводу не распространялся. Пока мы учились вместе, он проиграл только в матче первенства института футболистам третьего курса. У третьекурсников команда была не классная, но подобрались ребята дружные, сильные духом. Таким и проиграть не зазорно. Но Харламов все равно огорчился:

– Ну, погодите, – ворчал он, – придет зима, мы с вами в хоккей сразимся, поквитаемся тогда.

На хоккейной площадке, на футбольном поле, «малыш» Харламов – весь из мускулов – уже в ту пору не боялся грубых защитников, умел за себя постоять. Я у него этому научился, и в жизни приемы «самообороны» мне очень пригодились.

Валера никогда не курил. Когда учились, не пил даже пива. А ведь после бани так хочется «Жигулёвского». Он рубль «сдаст» и сидит с нами разговоры разговаривает. Поговорить любил. Но никогда не хвастался и лишнего не болтал. Ему можно было полностью довериться во всем. Товарищ мировой! Я знал, что всегда найду у него поддержку моральную, а понадобится, и материальную.

Родителей Валерий очень любил. Часто покупал тете Бегоне цветы, ее любимые красные гвоздики. На праздники маме и папе делал подарки. Потом племянник у него появился – тоже Валерий. Он его почему-то прозвал «хиппарь», сын и дочь родились. Он всех троих обожал.

…Валерий продолжал играть в молодежной команде ЦСКА под руководством Ерфилова. Виктор Григорьевич и Борис Павлович Кулагин снова и снова рекомендовали его старшему тренеру ЦСКА Анатолию Владимировичу Тарасову.

Тарасов – выдающийся хоккейный тренер. Он вначале играл в футбол и хоккей с мячом, считался игроком неплохим, но особых высот не достиг. И это было великолепно, потому что окажись он поудачливее в футболе или бенди, он не стал бы в первые послевоенные годы заниматься новомодной диковинкой под названием «канадский хоккей» – игрой, о которой одна из московских газет писала несколькими годами раньше: «В матчах по канадскому хоккею играют по шесть человек. Во время состязаний бессменно дежурят два запасных. Они заменяют уставших игроков… Единственная командная комбинация – это передача плашки своему партнеру, находящемуся в правильном положении. Других комбинаций в игре не существует…»

Тренеров в то время в хоккее с шайбой у нас не было, и функции его выполнял кто-нибудь из игроков. Руководители центрального армейского клуба опросили у Всеволода Боброва, который успел за фантастически короткий срок проявить свой спортивный гений в футболе и теперь блистал в новомодной игре, не согласится ли он стать играющим тренером. Было ему тогда чуть больше двадцати, по к нему обращались уважительно как к ветерану – Михалыч.

Михалыч пожал плечами и кивнул в сторону своего партнера по команде:

– Вон Тарасов у нас все записывает после игр и тренировок, пусть он, если так надо, значится тренером.

Дело, конечно, было не только в том, что Анатолий Тарасов записывал ход тренировок. Обязанности у играющего тренера были довольно многообразные и хлопотливые: нужно было и составлять расписание тренировок, и получить форму и инвентарь, а для этого – всем известно – приходится иногда основательно побегать, и обеспечивать своевременный выезд на игры и бог знает, что еще. И Михалычу не очень хотелось взваливать такой груз себе на плечи.

И это тоже было великолепно, потому что иначе – кто знает – наш хоккей, может быть, и не получил бы такого незаурядного тренера и не стал бы тем лучшим в мире хоккеем, который мы

знаем и любим.

В 1968 году Тарасов был уже много лет старшим тренером ЦСКА и тренером сборной страны – многократного чемпиона мира. Человек он крутой, властный. Рассеянно выслушав своих помощников, рекомендовавших ему восемнадцатилетнего Харламова, он произнес фразу, которую многие потом вспоминали:

– Ну, вот, еще один метр с кепкой. Зачем он нам?

Анатолий Владимирович – человек темпераментный – часто пользуется в разговоре преувеличениями. Харламов, конечно, богатырем не был, но и «метром с кепкой» назвать парня ростом 174 сантиметра и весом 72 килограмма было трудно. Помощники привели его к хоккейному самодержцу. Тот остренько посмотрел на Харламова, пожал плечами и сказал:

– Ну что ж, хочешь рискнуть – давай. Пробьешься – молодец. Не пробьешься – винить некого будет. Тебе в армию по годам пора?

– Пора.

Валерия призвали в армию, но первое время в жизни его мало что изменилось. Разве что теперь он играл не за молодежную, а за первую мужскую команду армейского клуба и иногда тренировался с мастерами основного состава.

Слова старшего тренера «Пробьешься – молодец» были далеко не пустой фразой. В основном составе армейской команды блистали в те годы великолепные мастера: чемпионы мира, Европы и Олимпийских игр Анатолий Фирсов, Виктор Полупанов и Владимир Викулов. У Фирсова обводка, скорость, бросок, игра в пас могли служить учебным пособием. Полупанов выделялся бойцовскими качествами и мастерством в комбинационной игре. Викулов был непревзойденным мастером паса, снабжал партнеров точнейшими передачами и в то же время сам немало забивал.

Играли Юрий Моисеев, Евгений Мишаков и Анатолий Ионов, считавшиеся самой быстрой тройкой в мире.

Выступал еще Вениамин Александров. Его игрой вместе с сошедшими к тому времени Александром Альметовым и Константином Локтевым – грандов мирового хоккея – с мальчишеских лет восхищался Харламов.

Александров был удивительно быстр (он принес с собой скорость из русского хоккея), обладал непревзойденным кистевым броском. Мощный Альметов, хоть и был моложе партнеров, но звали его уважительно по отчеству «Давлетыч», стал тараном тройки и ее снайпером, а неутомимый Локтев – ее «мотором».

Не один год это была первая тройка клуба и страны, тройка-лидер, тройка, которая может только сниться наставникам команд неспокойными ночами. Именно этой тройке-эталону искал замену старший тренер ЦСКА. Искал и не находил. Только с приходом Харламова звено, наконец, появилось.

Новое поколение хоккейных болельщиков не видело этих мастеров, и многие задаются вопросом, а как, интересно, сыграли бы они с нынешними асами ледовых площадок. Может, не столь они были и велики, и лишь ностальгия немолодых любителей хоккея по своей юности приукрашивает их таланты? Увы, время течет, и никогда тройка Альметова не сыграет против тройки Ларионова. Но не так ведь далеки те годы, и помнят в деталях игру незабываемых наших виртуозов и могут сравнивать ее с игрой сегодняшних мастеров. Помним и мы. И свидетельствуем: то были мастера действительно экстра-класса, которые ни в чем не уступали нынешним своим преемникам, а кое в чем, может быть, и превосходили их.

Как-то одна американская телекомпания попыталась использовать компьютер, чтобы при помощи электроники смоделировать схватки современных боксеров с бойцами предыдущих поколений.

Может быть, когда-нибудь мы сможем посмотреть на экране телевизоров игру, скажем, ЦСКА образца восемьдесят пятого или девяностого годов против ЦСКА образца семидесятого года. А пока что будем полагаться на память, на коллективную память великого братства любителей хоккея, свято хранящую имена, лица и игру своих любимцев.

Играли уже и будущие партнеры Валерия – Борис Михайлов и Владимир Петров. Появились в составе В. Еремин, А. Смолин, Ю. Блинов, Б. Ноздрин, Е. Деев и другие. Что называется «на подходе» было уже целое звено юных дарований: Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов.

Вот в таком-то высшем хоккейном обществе и предстояло найти свое место восемнадцатилетнему пареньку. И не так уж трудно понять скептицизм старшего тренера ЦСКА, когда помощники сватали ему щупленького юношу.

* * *

Валерий Харламов выходил теперь на тренировки, как другие игроки выходят на решающий матч чемпионата мира. Даже

стоять рядом, скажем, с Фирсовым было непросто. Уверенность в себе подвергалась гигантским перегрузкам. Он видел поистине цирковую ловкость, с которой тот обращался с шайбой и клюшкой, чарующую непринужденность всех его движений и еще острее осознавал, что ему еще ох как далеко до хоккейных гроссмейстеров.

А тут еще вес! Да, вес. Каждый из нас, даже те, кто не слишком успевал в школьной физике, помнят, что энергия движущегося тела, в том числе и тела хоккеиста, зависит от скорости и массы. И если скорость у Харламова была более или менее сравнимой со скоростями мастеров, то массы ему явно не хватало.

Стоило стокилограммовому Александру Рагулину вытянуть руку, как Харламов натыкался на нее, как на противотанковый надолб. Отставлял Владимир Брежнев ногу – и Харламов совершал воздушный полет.

Внешне Валерий не выходил из себя, он вообще человеком был довольно спокойным. Но тогда он сказал себе, что раз природа не наделила его фигурой Старшинова, он научится проходить могучих защитников не в лоб, а за счет ловкости и скорости. Не знал Харламов, что тренер ЦСКА в то время решил сделать ставку на крупных ребят. А решения этого человека увлекают его, и в своем энтузиазме он не желает считаться ни с какими препятствиями.

Владимир Петров тогда играл в команде «Крылья Советов» в тройке «трех Владимиров», как ее называли: Владимир Городецкий – Владимир Петров – Владимир Марков. И вот Петров приглянулся наставнику армейцев, он несколько раз ездил к Петрову домой в подмосковный Красногорск, уговаривал перейти в армейский клуб.

«Крылья Советов» тренировал Владимир Кузьмич Егоров. Он просил коллегу-тренера не разрушать его лучшую тройку, дать Петрову еще поиграть в «Крыльях». Но как мы уже сказали, Тарасов не признавал препятствий. Владимир Петров в конце концов оказался в армейском клубе.

Мы не присваиваем себе права выставлять героям этой книги отметки по поведению. Тем более что Петров стал всемирно известным хоккеистом именно в армейском клубе и именно под началом Тарасова. Стал бы он им, останься Петров в «Крыльях»? Кто знает…

Кулагин и Ерфилов продолжали ходатайствовать за Харламова.

– Давай попробуем, – предлагал Тарасову Кулагин, – паренька в игре.

В октябре 1967 года в Новосибирске, когда москвичи бесповоротно выигрывали у «Сибири», на льду появился Харламов. Дебют его прошел более чем скромно. Не было ни цветов, ни аплодисментов, ни поздравлений.

– Ничего особенного, – равнодушно полол плечами Тарасов, – какой-то «Конек-горбунок». – Подумал немножко и добавил: – Давай-ка его в Чебаркуль вместе с Гусевым.

В небольшом городке Чебаркуль, что находится в живописном уголке Челябинской области, базировалась хоккейная команда Уральского военного округа «Звезда», которая играла тогда в третьей группе.

Александр Гусев, впоследствии защитник мирового класса, которого канадские и американские специалисты считают равным прославленному Бобби Орру, нарушил спортивный режим. На «перевоспитание» он был отправлен в Чебаркуль.

Идею фарм-клубов, дочерних команд, тесно связанных с главной командой, от профессионалов НХЛ у нас в числе первых переняли в ЦСКА. Здесь широко пользовались так называемыми стажировками.

Вот в такую дочернюю команду «Звезда» и отправились Гусев с Харламовым.

В общем, если отбросить деликатное слово «стажировка», это был первый в жизни девятнадцатилетнего Валерия крупный щелчок по носу.

Как он пережил его?

С каким настроением ехал в далекий Чебаркуль? Знал ли он слова Владимира Петрова о том, что это только называется «стажировка», а на самом деле мало кому удавалось вернуться из хоккейной ссылки.

Сам Харламов спустя много лег так и не ответил на эти вопросы. Он лишь пожал плечами и сказал нам:

– Послали – поехал. Верил ли, что вернусь? Наверное, верил.

Мы склонны думать, что все было гораздо сложнее. Ведь никогда не был он апатичным, равнодушным человеком, безразлично относившимся к своей судьбе. Иначе не стал бы он так яростно тренироваться, не стал бы уплотнять свои дни до предела, чтобы совместить уроки в школе, тренировки, игры. И это в беспечные юные года, когда вокруг столько задорных девчонок и интересных кинофильмов.

Конечно, он был огорчен. Конечно, в мечтах все виделось другим. Конечно, это была неудача. Но спорт, как это ни странно, развивает в человеке, помимо других положительных качеств, и философское отношение к жизни, эдакую спортивную мудрость. Ведь всегда выигрывать нельзя, хотя к этому надо стремиться.

Уметь проигрывать так же важно, как и выигрывать. Везение – штука переменчивая. Гораздо надежнее – высокий класс. Но если не веришь в себя, в спорте делать нечего.

Валерий рассчитывал на свое мастерство, а духом не падал никогда. Вовремя поддержал и Саша Гусев.

– Нос кверху, парень, – сказал он. – Все еще впереди, мы вернемся.

Слова были банальные, но они соответствовали тому, что он думал и чувствовал, на что надеялся, и он благодарно кивнул в ответ.

Они быстро стали приятелями, помогали друг другу и вместе вернулись через год в Москву, но об этом чуть позже, потому что нужно было еще доказать, чего они стоили.

Начальником команды в «Звезде» был майор В. Альфер, человек, искренне преданный хоккею. Он отлично понимал состояние обоих «стажеров». Рассказывая о приезде Гусева и Харламова на Урал, он как-то пошутил:

– Я прямо слышал, как у них кошки на душе скребут.

Он знал, как бороться с этими кошками: с места в карьер чебаркульские новобранцы включились в военноспортивную жизнь. Они поселились вместе, тренировались и играли. Большинство стадионов у команд третьей группы были открытыми, так что тренироваться и играть нередко приходилось при морозах в тридцать и даже сорок градусов. Чебаркульский каток располагался на краю городка, у подножья живописных лесистых гор. Ограда кольями была сработана из цельных стволов деревьев, и за это хоккеисты команд гостей называли стадион «острогом».

Валерий привык к жизни на колесах: сегодня Омск, завтра Серов, потом Златоуст, Челябинск, Калинин и другие большие и малые города, где проходили игры третьего дивизиона нашего хоккея.

В команде третьей лиги было немало способных молодых хоккеистов: Николай Макаров (старший брат знаменитого Сергея), Владимир Смагин и другие.

В Чебаркуле Валерий быстро обрел веру в себя и игровой опыт. В третьей группе мало было хоккеистов, которые могли бы сравниться с ним в скорости. Да и в обводке. И он забивал много: 34 шайбы за первый в своей жизни сезон в классе «А».

Очень помогала ему спокойная, доброжелательная атмосфера, которая царила в «Звезде». Тарасов, как мы уже говорили, был хорошим хоккейным тренером, новатором. Тренировки, которые он проводил, были неповторимы. Но человек он властный, нетерпеливый, требовательный, и во Дворце

спорта ЦСКА в любое время могла раздаться его ироническая реплика: «Ты на тренировке или штаны по льду возишь?»

Напряженная, нервическая обстановка, с одной стороны, подгоняла спортсменов, заставляла их трудиться с полной отдачей сил, с другой – вынуждала постоянно оглядываться на старшего тренера.

В Чебаркуле Харламов чувствовал себя спокойно. Он видел, что другие игроки надеются на него, и постепенно привыкал к роли лидера.

– Харламов и Гусев приехали в Чебаркуль поздней осенью, – вспоминает игравший в то же время в «Звезде» Владимир Смагин, впоследствии известный форвард Воскресенского «Химика». – Поначалу они ходили очень удрученные. Да их и можно понять: после столицы, лучшего клуба страны они попали в небольшой, далекий от дома городок, в малоизвестную команду. У Саши были даже срывы в спортивном режиме. Но недаром говорят: время лучший лекарь. Постепенно оба акклиматизировались. Во многом помог им строгий, но доброжелательный человек, начальник команды майор Владимир Филиппович Альфер.

Жили мы в четырех двухкомнатных квартирах, все друг у друга на виду.

Первые недели Харламов и Гусев держались особняком. Впрочем, как и мы, пятеро хоккеистов из Нижнего Тагила. Постепенно, однако, команда становилась коллективом, а Харламов завоевывал всеобщее уважение.

Мы ценили Валерия за высокое мастерство и как доброго, отзывчивого товарища. На меня, помню, огромное впечатление произвела его игра в матче с командой Нижнего Тагила, в которой я выступал до призыва в армию. Тагильчане были сильнее нас. Но мы их обыграли, во многом благодаря Валерию, забившему три гола. Одну шайбу он забросил, обведя четверых игроков соперника!

После этого матча игроки «Звезды» начали внимательнее присматриваться к дриблингу Харламова. Многому мы у Валерия научились…

Весной, завершив сезон выходом в первую лигу, мы провожали нашего лучшего бомбардира и Гусева, снова вызванных в ЦСКА, в алма-атинском аэропорту. Валерий понимал, что пробиться в основной состав ЦСКА и теперь ему будет нелегко, но с оптимизмом смотрел в будущее. «Вот увидите, – говорил он нам, – буду играть в ЦСКА и сборной СССР. Раз я в Чебаркуле не закис, то в Москве, дома, и подавно не увяну».

Слова Валерия не разошлись с делом.

Вполне оправданно было бы желание наставников «Звезды» сохранить для своей команды талантливого игрока, но они понимали: большому кораблю – большое плавание. И В. Альфер попросил Бориса Павловича Кулагина приехать в Калинин, где «Звезда» должна была играть в матче чемпионата страны с командой Московского военного округа. А тут случилось так, что из-за травм выбыло из строя сразу два защитника, и в ЦСКА вспомнили об Александре Гусеве. Кулагин отправился в Калинин присмотреться к Гусеву: может, пригодится?

Посмотрев матч, Борис Павлович понял, что надо вызывать в Москву не одного Гусева, но и Харламова. Тренерская интуиция, когда пятью годами раньше он приметил этого паренька, не подвела его: молодой хоккеист буквально раскрылся за сезон и показывал игру незаурядную.

У Бориса Павловича Кулагина, которого можно назвать первооткрывателем Харламова, биография для тренера обычная. Служил в рядах Советской Армии. Мальчиком и юношей играл в московском «Динамо» в футбол и хоккей с мячом. В числе первых у нас освоил шайбу. Выступал за команду мастеров ВВС. Был дружен с Юрием Тарасовым – братом тренера ЦСКА. Тяжело пережил гибель в авиакатастрофе 5 января 1950 года близ Свердловска команды ВВС, когда разбились такие мастера, как В.Бочарников, В.Володин, Е.Воронин, Ю.Жибуртович, З.Зигмунд, Н.Исаев, Х.Меллупс, А.Моисеев, Н.Новиков, Ю.Тарасов, Р.Шульманис.

Играл в челябинском «Тракторе» вместе с Н.Эпштейном и В.Шуваловым.

Будучи игроком ЦСКА, в 1951 году получил тяжелую травму колена. Выступать закончил. Три года учился в Ленинграде, у него высшее физкультурное образование, и после этого перешел на тренерскую работу.

Когда трудился в Оренбурге, у него занимался спортиграми военный летчик Юрий Гагарин.

Потом принял команду куйбышевского СКА, которую вывел в высшую лигу. С 1962 по 1970 год работал в ЦСКА. Позже добивался успехов, руководя «Крыльями Советов», сборной СССР.

Кулагин пришел в «Крылышки», когда они были командой-середнячком, и привел ее за короткий срок к чемпионскому титулу.

Под руководством Б.Кулагина сборная СССР становилась чемпионом мира в 1975 году, выиграла золотые медали на Олимпиаде 1976 года, суперсерию-74 у заокеанских профессионалов. Он привел к победе в первенстве страны до того заурядный датский клуб «Радовре» из Копенгагена. С московским

«Спартаком» не раз завоевывал серебряные награды во всесоюзных соревнованиях.

…Ездил с Кулагиным в Калинин на матч «Звезды» с командой Московского военного округа и Борис Сергеевич Харламов, старавшийся всегда, когда представлялась возможность, быть на играх сына, выхлопотав себе по этому случаю на работе отгул. В дороге Кулагин снова убедился, что Харламов-старший – хороший помощник и сыну, и тренерам, работающим с ним.

Кстати, Борис Сергеевич не только помог сына довести до большого мастера, но привел в ЦСКА мальчика, что заприметил во дворе дома на Коровинском шоссе, куда после сноса деревянного домика на Соломенной сторожке перебрались его старики. Мальчика этого сейчас знает весь хоккейный мир – это Вячеслав Фетисов.

Из Калинина Харламов и Гусев поехали в Чебаркуль, но вскоре их отозвали в Москву.

– Как сейчас помню, – рассказывала Бегоня Харламова, – приехал он восьмого марта. С утра я все ждала от него весточки: у нас в семье дети приучены уважать родителей, с праздником поздравлять, преподносить цветы, подарки. А тут ничего. Какой же это праздник? Расстроилась, принялась полы мыть. Вдруг звонок в дверь. «Кто там?» – спрашиваю. «Мам, это я». Валерик приехал! Снова в Москве будет играть. То-то радости у нас в семье было: снова все вместе! Вроде и немного времени прошло, а возмужал сын заметно.

Настала осень 1968 года. Валерий тренировался в основном составе ЦСКА, но постоянного места в нем для него все не было, хотя все чаще играл с Михайловым и Петровым.

Знаменитая тройка Альметова распалась к тому времени, в команде оставался последний из могикан – Вениамин Александров, которого обычно ставили в тройку с совсем молодыми Петровым и Михайловым. Ветерана и заменял Харламов.

Каждый спортсмен знает, что спортивный век скоротечен: не успеешь оглянуться, как тренеры уже тяжко вздыхают, глядя на тебя. Одни предпочитают уйти в зените славы, не дожидаясь свиста трибун, другие не могут найти в себе сил на это и мучительно спускаются со ступеньки на ступеньку.

Можно знать все тайны игры, все понимать, но приходит время, когда чуть-чуть притупляется реакция, чуть-чуть теряется скорость. Иногда спортсмену кажется, что это временный спад. Стоит лишь стиснуть зубы и удвоить нагрузки на тренировках. Ведь он все помнит, каждый финт, каждое движение запечатлено не только в мозгу, но и в мышцах, во сне сделаешь, как надо.

Приходит, однако, горький час, когда становится ясно, что это, увы, не спад, и надо принимать мучительное решение – уйти из большого спорта. И сразу ночи становятся бесконечно длинными, когда память прокручивает неповторимые твои годы и шайбы, шквальные волны аплодисментов, вскинутые вверх руки, сладостную обессиленность после игры.

И трудно поверить, что не будет больше аплодисментов, не будет острого ощущения плеча товарища – ведь мало что так сплачивает людей, как игра в команде. В расписанной по часам кочевой жизни не будут мелькать города, страны и стадионы. Все позади.

Впереди новая жизнь, в которой заново нужно завоевать место, а ты уже не мальчик, ты глава семейства, и давно уже прошло время, когда можно было поплакать на маминой груди.

Всех нас подкарауливает старость, но ни к кому она не подкрадывается так неожиданно, так жестоко рано, как к спортсменам, и нужно обладать настоящим мужеством и стойкостью духа, чтобы достойно встретить ее приход. Чтобы жить и работать с полной отдачей сил.

Великий мастер Вениамин Александров еще играл, но он понимал, что доигрывает. Он еще был капитаном армейской команды, но знал, что скоро повязку с буквой «К» наденет другой. Это закон жизни, закон спорта. Жестокий, но справедливый. Одни сталкиваются с ним чуть раньше, другие – чуть позже. Но все ему подвластны. Он был, в сущности, еще молодым человеком, ему был 31 год, но в нашем особенно скоростном хоккее ему уже стало недоставать скорости.

В нем не было горечи, разве что нервы были напряжены более обычного…

Приближались игры Московского международного турнира (позже он стал проводиться под патронатом «Известий»), Александров был в числе кандидатов в сборную.

И получилось, что в тройке Петрова оказалось… четыре форварда: Михайлов, Петров, Александров и Харламов.

– Как вы встретили тогда новичка? – спросили мы тренера столичной армейской команды майора Бориса Петровича Михайлова.

– Харламов – воспитанник клуба. Видели парня много раз на тренировках, примелькался. Честно говоря, никак его не встретили – ни горячо, ни прохладно. Уж стольких игроков с нами перепробовали, а никак наша тройка не могла устояться. Показался, не показался он нам – мы тогда так не рассуждали. Мы были молоды и честолюбивы, думали только об одном – закрепиться в основном составе. Новичок был тогда для нас не

Валерой, не другом, а лишь кандидатом в партнеры.

Но вот мы начали играть вместе и поняли: игра пойдет. И мы так определили, и тренеры. И дело тут не в первом же результате. Результат был, можно сказать, самый плачевный. Играли мы первый матч с Харламовым в октябре 1968 года в Горьком на стадионе автозавода. И проиграли – 0:1. ЦСКА вообще редко проигрывал, а с таким футбольным счетом и подавно. Казалось, за такую беспомощность в атаке тренер уж точно разгонит нас. Но не разогнал. Или лучшего варианта звена у него в тот момент не было, или увидел, что мы можем и должны заиграть, кто знает? Но точно то, что были мы все трое «на скорости», могли много бегать. Все трое хотели и – главное – любили играть в хоккей. Не трудиться на льду, а именно играть. И как только почувствовали, что игра у нас ладится, как только научились чувствовать товарища, интуитивно угадывать его следующий ход, стали получать мы от игры истинное удовольствие.

В игре наши «я» растворялись в тройке, и это тоже было радостно. Знаете, это очень острая радость – радость полного взаимопонимания. Даю слово, нам было абсолютно безразлично, кто забрасывал шайбы, лишь бы тройка записывала на свой лицевой счет как молено больше.

– А как все-таки распределяются у вас забитые шайбы?

Валера забил двести девяносто три, Володя Петров – триста шестьдесят две, а я – четыреста двадцать семь. А по голевым передачам Валера был среди нас на первом месте. И уже одно это качество делало его необыкновенно ценным игроком для тройки. Мы ведь редко сольные голы забивали, больше после комбинаций, в которых последняя голевая передача стоит не менее гола, а порой и больше. Можно смело сказать, что в нашей тройке тотальный хоккей существовал много раньше голландского тотального футбола.

И, наверное, естественно, что наше тотальное товарищество на льду сделало нас друзьями и в жизни…

Поддержали нас и защитники Виктор Кузькин и Владимир Брежнев. Они были опытнее нас. Много полезного подсказывали. И играя с ними, мы за свой тыл не опасались, смело мчались вперед. Наверное обратили внимание, еще с той поры у нас Петров всегда больше впереди играл, в отличие от других центральных нападающих. Его позже за это критиковали. Но действовал он не потому, что ленился или не успевал в оборону, а просто так у нас уже сложилась комбинационная игра в нападение.

– А нам с Харламовым и его партнерами тоже приятно было выступать, – вспоминает ныне один из тренеров ЦСКА В. Кузькин:

– На защитников при них особой нагрузки не падало – соперники больше об обороне думали, когда эта тройка была на льду.

Добавим к рассказу Бориса Михайлова и Виктора Кузькина несколько деталей об игре тройки Петрова. Было старшему из них – Б.Михайлову – 24 года. Он был быстр, резок, был бесстрашным бойцом. Именно бойцом, потому что никогда не избегал схваток, наоборот, лез в самую их гущу. Обладал Михайлов редким и необъяснимым чутьем на добивание. Мы не случайно употребили слово «необъяснимым». Пожалуй, и электронной машине с ее миллионами операций в секунду невозможно было бы учесть множество факторов: бросит партнер или не бросит, примет ли вратарь шайбу или отобьет ее, где она окажется через долю секунды, где будут защитники. Нет, машине такие уравнения со множеством неизвестных явно не под силу. А если бы машину при этом всячески толкали, пытаясь оттереть с пятачка, то и говорить нечего. А Борис Михайлов не раз, и не два, и не десять оказывался именно там, где была шайба, и уже тогда никто никакой жестокостью не мог помешать ему забить гол.

Владимиру Петрову был 21 год. Но он уже тогда выделялся мощью, комбинационным дарованием и сильными снайперскими бросками.

Валерий Харламов физически особого впечатления не производил. Всеволод Михайлович Бобров, бывший в ту пору старшим тренером «Спартака», рассказывал:

– Как сейчас помню один из первых его матчей. На льду появился небольшого роста паренек. Выглядел он на разминке этаким насупившимся воробушком: бросил пару раз по воротам, столкнулся с кем-то из своих же армейцев и отъехал к борту. Наш спартаковский защитник Владимир Мигунько заметил: «Похоже, лапша». Но уже в первом перерыве признался: «Ошибся. Сильный малый!»

Итак, богатырем Харламов не был, но он виртуозно владел коньками: мгновенно менял ритм бега, без видимых усилий буквально на месте набирал скорость и так же ее гасил.

Ноги у него были сильные с детства, сказывались бесконечные часы, проведенные на коньках на Соломенной сторожке. Руки же укрепил упорными тренировками. Обладал Валерий редким для хоккеиста качеством: он умел одновременно маневрировать скоростью и работать руками, играл при этом с поднятой головой, отлично видел, как говорят игроки, «поляну».

Добавьте к этому артистический дар. Он смотрел, допустим, налево, видел там партнера, начинал поворачиваться туда, и соперник был уверен, что он именно туда пошлет пас. Но прекрасно развитым периферическим зрением он в то же время

видел партнера справа, и именно ему следовала абсолютно неожиданная Для обороняющихся передача.

На редкость сплавленная и гармоничная была тройка! Заслуженный тренер СССР Николай Семенович Эпштейн, долгие годы тренировавший «Химик», точно подметил:

– Никого из этой тройки опекать персонально было нельзя. Стоило защитникам сосредоточиться на комнибудь одном, как тут же начинали забрасывать его партнеры.

Вот такая тройка и появилась в армейском клубе, но тогда, осенью 1968 года, ей еще предстояло доказать скептикам, чего она стоит.

А Вениамин Александров, чье место занял Валерий, что испытывал тогда ветеран по отношению к новобранцу. Подполковник Александров вспоминает с улыбкой:

– Знаете, у нас в хоккее всегда были блестящие левые края: Всеволод Бобров, Борис Майоров, Анатолий Фирсов, Валерий Харламов, Александр Якушев…

– И вы ведь тоже играли слева?

– Ну, к себе слово «блестящий» применять как-то не очень принято… Что ж, я видел, растет игрок и, кроме симпатии, ничего к нему не испытывал. Ведь я на одиннадцать лет старше, и он мне как младший брат. Знал, что почти все уже отыграл, особо не печалился – замена-то получалась достойной…

МОСКВА, ТОРОНТО, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

Когда мы вспоминали первые недели, проведенные Харламовым в основном составе ЦСКА, нам казалось, что он должен был быть на седьмом небе от счастья. Но Валерий воспринял крутой поворот в своей хоккейной судьбе вполне спокойно. Почему? Наверное, была всегда у него философская жилка, позволявшая воспринимать жизненные перемены с завидным спокойствием.

– А что особенного? – спросил он нас, когда мы мучили его расспросами. – Приехал в Москву, стал играть за основной состав. – При этом он лукаво улыбнулся.

Он, конечно же, слегка кокетничал своим олимпийским спокойствием и отдавал себе отчет, что кокетничает. Свидетельством чему была эта лукавая улыбка и смешинки в глазах.

Особенное, без сомнения, было. В каждом деле, в каждой профессии есть своя вершина. Для многих советских хоккеистов это была и есть команда Центрального спортивного клуба армии, и если тебе действительно безразлично, где играть, то ты не мастер, а поденщик.

Валерий был необыкновенно горд тем, что играет в прославленной команде, но не считал нужным это афишировать. К тому же пребывать на седьмом небе было опасно. В Чебаркуле он сразу почувствовал себя асом, здесь же нужно было завоевывать место под солнцем.

Для тех, кто знаком с хоккеем только по экрану телевизора или даже по посещению Дворца спорта, хоккейная жизнь кажется одним сплошным выступлением на ледовой эстраде под аккомпанемент хоккейного гимна и аплодисментов. На самом деле, как и в каждой профессии, неизмеримо большая ее часть, скрытая от глаз болельщиков, состоит из постоянного, каждодневного, довольно однообразного и тяжелого труда. Подъем, основательная зарядка, завтрак, интенсивная тренировка, обед, отдых, снова тренировка, лечебные процедуры, если они нужны. А они о как часто бывают нужны! Хоккей – игра жесткая, синяки и ушибы неизбежны, даже если бы на лед выходили только джентльмены, и одно из требований к хоккеисту – он должен уметь терпеть боль.

Трещат борта от ударов тел, кажется, эти несчастные не только играть, ходить не смогут, а они подъезжают к своим скамеечкам, врачи побрызгают прямо через форму на ушиб

«заморозкой» – и снова в бой. С такими травмами обычному гражданину дадут бюллетень минимум на неделю, а хоккеисту говорят: «Ладно, пропусти смену». Своя смена – минута-полторы, да еще две-три смены других троек, в общем, спокойной жизни пяток минут. Потом снова нужно вскакивать, переваливать через борт и мчаться в гущу схватки…

Вечером на спортивной базе глаза слипаются, хотя так хочется взять реванш за вчерашний проигрыш на бильярде или в шахматы. Хочется почитать. Хочется погулять, хочется встретиться с друзьями, близкими, сходить в театр, поднять тост в гостях… Да мало ли что хочется молодому здоровому человеку, к тому же весьма популярному, везде желанному.

А вместо этого железный распорядок, почти казарменное положение. Только и успеваешь провести минут десять с родными, когда автобус с эмблемой клуба подъезжает к служебному входу на стадионе в Лужниках или ко Дворцу спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте.

В Чебаркуле он тоже, разумеется, тренировался. Но разве можно было сравнить те тренировки с занятиями у Тарасова?

По-разному относятся к этому тренеру. Человек он резкий, вспыльчивый, а эти качества, как известно, не гарантируют всеобщую любовь окружающих. Но даже недоброжелатели его единодушно признают, что он был мастером тренировки, неистощимым на выдумки новатором.

Да, у ЦСКА особые условия для подбора игроков. Этот клуб первым получил свой каток с искусственным льдом. Но факт и то, что на тренировках никто не имел права отдыхать на льду. Ни один игрок не имел ни секунды покоя. И те, кто привыкал к гигантским тренировочным нагрузкам, чувствовал себя хозяином положения во время матчей.

Что значат какие-то цепляющие тебя защитники, когда на тренировках ты таскаешь на своей спине товарища, а он весит в полной экипировке добрых килограммов девяносто. Что значит усталость, когда ты привык летать на тренировках отягощенный свинцовым поясом. Что значит темп, когда на тренировках ты не мог остановиться ни на секунду.

Харламов вначале для ЦСКА был хиловат, но в клубе его физически подтянули. Правда, функциональные данные Харламова всегда, как Петрова и Михайлова, оценивались в 3,5, а не 5 баллов, как, например, Леши Волченкова, которому от бога дано богатырское здоровье. Харламовцы были всегда вдоволь «накормлены» хоккеем. Ну уж такая у них конституция.

Валерий играл почти без травм. Лишь в 1972 году его сломали канадцы Кларк и Эллис. И на Кубке вызова в 1979 году в

Нью-Йорке он не смог из-за травмы провести все матчи.

Игры, повторяем, казались по сравнению с тренировками почти воскресной прогулкой, но и тогда старший тренер ни на мгновенье не выпускал подопечных из-под своего пресса. Стоило перевалиться через бортик и плюхнуться на скамеечку, чтобы перевести дух, как он был тут как тут:

– Михайлов, где же добивание?! – голос тренера звучал настойчиво, он требовал, подгонял.

– Харламов, одного обыграл, второго, а где же передача?

– Петров, ты же центр, кто за тебя в обороне отрабатывать будет?

– Мишаков, Моисеев, Ионов, вы же русская тройка, где же ваша удаль молодецкая?

ЦСКА выигрывал очередной матч. Выигрывал с крупным счетом. Но даже при результате 9:1 старший тренер не оставлял игроков в покое:

– Неужели не будет десяти, неужели не округлим! – требовал он. Настойчиво, страстно, яростно, как будто от этого десятого гола зависит судьба команды.

А матч подходил к концу, и силы небеспредельны, и твердо знаешь, что сделал уже больше, чем нужно. Хочется крикнуть: какой десятый гол? Кому он нужен? Но снова пересиливаешь себя, сжимаешь зубы и, подгоняемый этим неугомонным человеком, бросаешься в самую гущу сражения, ловишь долю секунды, чтобы бросить, втолкнуть в сетку эту никому не нужную, но такую важную десятую шайбу.

И вдруг уже после десятой шайбы раздается совершенно спокойный голос старшего:

– Ну, что ж, молодые люди, будем считать матч выигранным, и будем готовиться к следующей игре.

Не завтра, не послезавтра, а сейчас, когда остается еще двенадцать минут до конца матча. Конечно, сравнять счет соперники не рассчитывают, такое по силам лишь старику Хоттабычу. Но огорченные крупным проигрышем, они тем более опасны. И в этот момент тебе неожиданно разрешают рассматривать оставшиеся двенадцать минут как тренировку.

Так у игроков армейского клуба воспитывалась твердая уверенность, что любая игра подвластна им, что в любое мгновение они будут диктовать свою волю соперникам. Конечно, иногда игры складывались тяжело, и они проигрывали. Но все равно в них жило чувство победителей, вбитое в них Тарасовым.

В первом для Харламова сезоне в большом хоккее формула розыгрыша не походила на сегодняшнюю. В первой и во второй лигах играло по дюжине команд. (Во второй теперь выступала и

чебаркульская «Звезда», которой Саша Гусев и Валерий Харламов помогли подняться на ранг выше.) Первая шестерка первой лиги, выявившаяся после двух кругов, разыгрывала между собой медали, а остальные шесть объединялись с двенадцатью командами второй лиги и вместе разыгрывали места с 7-го по 24-е.

Конкуренция за право попасть в первую шестерку была яростной, и магчи проходили напряженно. А тут предстоял еще второй Московский международный турнир, в котором должны были выступать первая и вторая сборные страны, и в январе лучшие из лучших отправлялись в Канаду, где должны были играть со сборной Кленовых листьев.

Хоккеисты менее честолюбивые, чем Михайлов и Петров, играли бы себе и играли и были бы счастливы, что, похоже, удается закрепиться в основном составе армейского клуба. Но Борис и Владимир никогда не умели довольствоваться тем, что есть, и бились отчаянно, стремясь как можно быстрее подняться к самой вершине хоккейного Олимпа страны.

Они по-прежнему никак не выделяли нового партнера. Игр он им не портил, а большего они от него на первых порах не требовали. Близость, привязанность, уважение, дружба – все это придет позже, а пока нужно было забивать голы. В конце концов заброшенные шайбы- это самая точная характеристика форварда. Можно о ком-то говорить «полезный», «работящий», «упорный», «быстрый» и так далее, но на каждый эпитет при желании можно найти свое «но». Полезный, но не умеющий дать идеальный голевой пас. Работящий, но не мастер завершать комбинации. Упорный, но выпадающий из ансамбля. Быстрый, но не в ладах с техникой. И лишь лицевой счет заброшенных шайб не допускает кривотолков. Цифры вообще красноречивее прилагательных.

Михайлов, Петров и Харламов отчетливо это знали и забивали, забивали, забивали. За два круга чемпионата Михайлов забросил 18 шайб, Петров – 17, Харламов – 14. (В тот сезон еще не учитывали голевые передачи, которыми Валерий всегда отличался.) Вместе эта тройка забросила больше любого другого армейского звена.

И старший тренер ЦСКА, всегда хорошо понимавший язык цифр, рекомендовал тройку во вторую сборную страны, руководить которой поручили на Московском международном турнире Анатолию Михайловичу Кострюкову, Владимиру Кузьмичу Егорову и Николаю Семеновичу Эпштейну, людям многоопытным, уважаемым тренерам.

Победила первая сборная, форвард которой Борис Майоров стал самым результативным. Последующие места заняли вторая

сборная СССР, национальные команды Финляндии и Канады. Играющий тренер Кленовых листьев Д. Боуэнс был признан «самым надежным защитником».

В матче с командой Канады, выигранном нашей второй сборной – 4:3, все шайбы забросила тройка Петрова. И эта статистика не осталась незамеченной наставниками первой сборной страны. Когда из двух наших сборных для январского канадского турне стали составлять одну команду, в нее включили и петровцев, хотя мэтры и ворчали на Валерия, в считанные дни своей самобытной игрой завоевавшего доброе расположение спортивных журналистов.

«Хорошее впечатление, – писали после турнира в «Футболе–хоккее» А.Чернышев и А.Тарасов, – оставили тройки А.Мартынюк – В.Шадрин – А.Якушев, Б.Михайлов – В.Петров – В.Харламов, В.Марков – А.Мальцев – А.Мотовилов. Но почему любому из хоккеистов, выступающих в этих звеньях, надо делать скидку на молодость? Вряд ли В.Харламов быстро окажет достойную конкуренцию любому из чемпионов мира, если его игре уже сейчас давать завышенную оценку, как это делалось во время турнира некоторыми обозревателями».

Из других «отмеченных» форвардов в турне за океан полетели лишь А.Якушев, А.Мальцев и А.Мотовилов. Как объяснили, А.Мартынюка не взяли потому, что он «всего лишь трудолюбив», про В.Шадрина и В.Маркова ничего не говорили. Из ударного звена Е.Зимин – В.Старшинов – Б.Майоров «выпал» Зимин, у которого после получения золотой медали Гренобльской олимпиады 1968 года якобы появились «премьерские замашки».

17 января 1969 года самолетом Аэрофлота, выполнявшим рейс Москва – Париж, улетел в Канаду Валерий Харламов. Его философское отношение к жизни подвергалось серьезному испытанию, и улыбка то и дело расплывалась по его лицу. Всего несколько месяцев назад он ворочался на твердой скамейке поезда, шедшего в Омск, и подремывал под перестук колес, а сейчас сидит в самолете, под которым где-то внизу проплывают государственные границы. И скоро Париж, где они пересядут на другой самолет, который доставит их в Монреаль.

Пройдет время, и в другом самолете, возвращающемся из Канады, он будет вспоминать о своей хоккейной судьбе и рассказывать, рассказывать всю ночь о том, что волнует его в хоккее, в жизни. Пока вспоминать еще было нечего, и оставалось лишь улыбаться, как улыбаются, когда все впереди, когда ты впервые в жизни стал игроком национальной сборной и летишь на родину хоккея.

В мягких креслах по соседству сидели партнеры по тройке,

здесь же расположились Борис Майоров, Вячеслав Старшинов, Александр Рагулин, Анатолий Фирсов и другие корифеи хоккея, за игрой которых еще пятьшесть лет назад Харламов лишь с трепетом наблюдал у экрана телевизора. Теперь им предстояло вместе сражаться с канадцами.

О Канаде и канадском хоккее Валерий знал не очень много. В школе в девятом классе эту страну, по территории превышающую США и входящую в первую пятерку в мире, прошли за один или - два урока. (Во время турне налетали по Канаде двенадцать тысяч километров!) В учебнике говорилось, что страна большая, но с населением всего в два десятка миллионов человек, которые говорят по-английски и по-французски, поскольку раньше это были колонии Франции и Англии.

О первых турне советских хоккеистов на родину хоккея Валерию рассказывал Вениамин Александров: ездили в основном по небольшим городам в провинции Онтарио. Но любительские команды там сильные. Профессиональных клубов в НХЛ было всего шесть. Даже такому блестящему вратарю, как Сет Мартин, там не находилось места. Канадцы были прекрасно экипированы – -коньки, клюшки, защитная форма – высшего класса. Производило впечатление большое количество катков с искусственным льдом. Они имелись в каждом городке, во многих кварталах больших городов.

Встречали советских хоккеистов, вспоминал Александров и другие ветераны нашей сборной, радушно. Большая пресса, правда, обходила вниманием матчи «студентов из России», но публики на катках собиралось немало. В некоторых городках Канады наши хоккеисты были первыми советскими людьми вообще, и случалось, после игры подходили зрители и просили разрешения… потрогать Николая Сологубова, Константина Локтева или кого-то еще из игроков, словно они прилетели не из Европы, а с Марса.

Советские хоккеисты, как знал Харламов, и тогда чаще побеждали, чем проигрывали. Сейчас он не сомневался в успехе команды, но за свою игру немного опасался: «поляны» там, говорят, очень узкие, да и судьи дома позволяют канадцам действовать слишком жестко, в том числе и у бортов.

Заметим, что канадскому турне сборной СССР в январе-феврале 1969 года предшествовала «пикировка». Хозяева хотели заработать двести тысяч долларов к предстоящему чемпионату мира и при этом принять гостей по весьма низкому разряду. Наши тренеры понимали, что после шести подряд побед на мировых первенствах интерес к матчам с участием сборной СССР неизмеримо возрос, об этом свидетельствовал и тот факт, что

встречи должны проходить не в маленьких городках, как раньше, а в крупнейших городах страны – Монреале, Торонто, Ванкувере, Виннипеге, Квебек-сити, Оттаве, поэтому они настаивали на более справедливом распределении доходов.

Пока стороны договаривались, ушло время. А тут еще, как на грех, Париж окутался туманом, аэродром был закрыт, и самолет приземлился в Брюсселе. Когда наша команда попала в Париж, самолет на Монреаль уже улетел, и надо было ждать до утра следующего рейса.

Конечно, здравый смысл подсказывал, что перед серией трудных матчей нужно лечь отдыхать, но спать в Париже они сочли кощунством, и всей тройкой пошли погулять по ночным улицам.

Потом острота ощущений пройдет, страны и города калейдоскопом будут мелькать в спортивной биографии Харламова, но ту первую ночь в Париже он помнил всегда.

Из-за задержки планировавшийся матч в монреальском «Форуме» пришлось сначала перенести с пятницы на дневное время субботы, а затем и совсем отменить. Раздосадованный этим владелец команды «Монреаль канадиенс» Д.Молсон взял назад и приглашение посетить матч профессиональной Национальной хоккейной лиги «Монреаль канадиенс» с «Чикаго блэк хоукс», хотя к этой вечерней игре наши успевали.

Слова «владелец команды» звучат для советского человека дико, но владелец пивоваренных заводов мистер Молсон действительно владел в то время и монреальской хоккейной командой. Точно так же, как и своими заводами. И точно так же стремился получить прибыль из вложенного капитала. В первом случае пиво Молсона должно было конкурировать, скажем, с пивом «Шлитц», «Лабатт», а «Монреаль канадиенс» естественным образом конкурирует с другими командами лиги.

Не у всех команд НХЛ один конкретный владелец. Некоторые клубы принадлежат акционерным обществам. Но это тоже капиталистические, в сущности, предприятия, стремящиеся получить максимальную прибыль.

Реклама для бизнеса, как известно, важна необыкновенно, а репутация советских хоккеистов в Канаде была уже очень высока, отсюда и «гостеприимство» мистера Молсона, который был не против выступить в качестве радушного хозяина, но…

В Монреальском аэропорту, а затем в Торонто, где теперь предстояло провести первый матч турне, корреспонденты атаковали руководителей советской делегации, тренеров, игроков, требуя ответа, в сущности, на один вопрос: «Может быть, вы опоздали потому, что больше не интересуетесь играми с

любителями, а нацелились на встречи с профессионалами?»

– Это не так, – отвечали гости, и согласились вместо одного несостоявшегося матча провести три непланировавшихся встречи в конце турне.

В Торонто, как ни устали после дальней дороги, пошли на встречу клубов НХЛ «Торонто мэйпл лифс» – «Дейтрот ред уингс». «Играть с ними можно», – потихоньку сказал Харламов Михайлову и Петрову, когда возвращались в отель. Его партнеры, как часто случалось, заспорили на этот счет, высказывая крайне противоположные точки зрения об уровне игры «звезд» профессионального хоккея.

Стартовый матч в Торонто, собравший в «Мэйпл лифс гарденс» – в переводе звучит очень красиво: «Сад кленового листа»- 15 574 зрителя, наши хоккеисты проигрывали 1:2 за десять минут до конца встречи, но вырвали победу – 4:2.

Следующая игра была в Ванкувере. Опять дальняя дорога на Тихоокеанское канадское побережье. Но на этот раз канадцы были смяты нашим напором и пропустили семь шайб, не забросив в ответ ни одной. Харламов в этой игре забил три гола, один из которых стал юбилейным – 1500-м – нашей сборной. (Открыл счет пятнадцатью годами раньше Евгений Бабич, выступая в составе впервые игравшей под названием «Сборная СССР» команды против финнов в 1954 году.) После этого в «Футболе–хоккее» впервые появился портрет Валерия. Всего наши хоккеисты за шестнадцать дней провели девять матчей со сборной Канады и один со сборной провинции Квебек и все выиграли. Когда от имени нашей делегации министру здравоохранения (который курирует и спорт) Джону Мунро преподнесли клюшку с автографами игроков, он заметил:

– Мне теперь будет легко сформировать лучшую команду. Все имена хоккеистов для нее на этой клюшке.

Не помогли канадцам меньшие, чем у нас, площадки и канадские судьи. Анатолий Тарасов после напряженных матчей в Виннипеге, городе, где патер Дэйв Бауэр и Джек Маклеод начали создавать в начале шестидесятых годов любительскую сборную Канады, заметил репортерам с иронией:

– Руководство сборной СССР принимает канадских арбитров в свою команду, поскольку они помогают нашим ребятам овладевать игрой в меньшинстве.

В Оттаве вышел на лед не совсем поправившийся после болезни А. Фирсов и за 26 минут, пока он был на льду, забросил хозяевам шесть шайб!

После этого Д.Маклеод заметил с грустью: «Когда-то нас в России называли учителями в хоккее. Времена переменились.

Теперь вы преподаватели, а мы – студенты»,

Харламов быстро акклиматизировался в жесткой игре на меньших по размеру площадках. Он словно родился для таких состязаний: верткий, взрывной, всегда отлично видящий и партнеров в самых лучших позициях и угрожающих соперников.

Валерий и его партнеры по звену скоро поняли: с крепкими, рослыми канадцами, чтобы побеждать, надо играть в быстрый, коллективный хоккей. Овладел шайбой, продвинулся вперед и, не дожидаясь пока тебя сомнут, отдай партнеру. Но отдай так, чтобы ему было удобно ее принять, чтобы и его не успели «убить».

В то время в ЦСКА ценился пас вперед, на выход партнеру, к воротам соперников. Когда долго не было таких передач, тренер требовал: «Не вижу зовущего паса».

– С канадцами такие пасы, – как вспоминал позже Харламов, – не годились. У них всегда два защитника играют строго сзади, атаковать одному, без поддержки партнеров, почти пустое дело – «убьют». Пас этот зовущий в «могилу». Мы с Петровым и Михайловым это быстро поняли, сначала своими боками, а потом и головой. И как нас ни призывали к атакам в одиночку, на это не шли. Поскольку забивали мы больше всех, непослушание не приносило нам особых неприятностей.

Харламов не всегда спешил освободиться от шайбы, атакуемый канадцами, обычно он обводил одного, а то и двух соперников, а уж потом создавал голевые моменты партнерам. Мощные канадцы нередко мчались на «малыша» на предельной скорости, рассчитывая запугать и «размазать» по борту. Но паренек был не робкого десятка, в последний момент, даже вроде бы случайно это у него получалось, он отодвигался чуть в сторону, и канадец пулей пролетал мимо него, нередко при этом сам вступая в «соприкосновение» с твердым бортом площадки, к которому намеревался припечатать своего невзрачного на первый взгляд соперника. Это уже был не просто класс игры, а высший класс!

Триумфальное турне советской сборной вызвало волну острой критики в адрес канадских любителей. Престижу канадского хоккея был нанесен чувствительный удар, и пресса была безжалостна.

«Канадцы в матчах со сборной СССР выглядели беспомощно. Состязания напоминали наивную попытку перехватить пушечные ядра сачком для ловли бабочек», – образно и саркастически писала газета «Монреаль стар».

Обозреватель газеты «Оттава ситизен» Джек Коффман меланхолически замечал: «Советская команда была настолько сильнее, что зрелище, представшее перед нашими глазами,

оказалось почти трагичным».

Монреальская «Газетт» писала после встречи в Оттаве: «На тренировке гости попросили пятнадцать шайб. Через минуту они получили их целое ведерко. Вчера у десяти тысяч зрителей сложилось впечатление, что сборная СССР в матче против нашей команды играла всеми пятнадцатью шайбами. Казалось, что каждый из гостей идет вперед со своей шайбой, и хозяева не знают, кого опасаться. У советских было слишком много класса и таланта для игры против их вчерашнего соперника. Гости демонстрировали такую игру в пас, что публика воспринимала это как великолепное театральное представление. В общем, создалось впечатление, что сильнейшая профессиональная команда дает урок неплохому университетскому клубу»,

Спортивный обозреватель Деннис Брейтвейд отмечал: «Они навязывают нашей национальной команде вовсе не такой хоккей, какой мы знаем. В игре их преобладает математическое, строго логическое мышление».

Уже упоминавшаяся нами монреальская «Газетт» писала: «Для ребятишек не имеет никакого значения, какую форму носят игроки – красный ли свитер советских или белый – канадцев. Им нравятся те, кто лучше играет. После того как сборная СССР разгромила канадцев, почти никто не стоял у раздевалки нашей команды, зато гости не знали отбоя от любителей автографов».

Обратили внимание канадские обозреватели и на такой факт: «Встречи сборной СССР и Канады проходили по договоренности по любительским правилам. Однако не раз канадцы, в составе которых выступали несколько экс-профессионалов, пытались сыграть жестко. Гости спокойно принимали такую игру, и, судя по всему, «канадским стилем» их не испугаешь».

В данном случае, правда, канадские коллеги «поскромничали». В жесткой игре преимущество советской сборной неизмеримо возрастало – бойцовских качеств нашим ребятам не занимать. Дошло до того, что по требованию игроков сборной Канады у Саши Рагулина проверяли налокотники: не вмонтированы ли туда свинцовые прокладки – уж очень «чувствительны» были стычки на льду с «русским Гулливером». Естественно, проверкой ничего обнаружено не было, но соперники сделали для себя вывод: стараться на поле не сердить Александра, а еще лучше – объезжать его стороной…

Оттавская «Ситизен» хотя и поздновато, но занялась подсчетами. «Имели ли русские основание говорить ранее, что их не устраивают встречи в Канаде со слабыми противниками? – вопрошала газета. И сама же отвечала: – Статистика подтверждает справедливость их претензий. За одиннадцать

последних лет они совершили семь поездок к нам и выиграли 44 матча, два свели вничью и только пятнадцать, в основном в первых турне, проиграли».

Язвительно выступила «Торонто стар». «Канадцы начинают уставать от побед НХЛ над сборной СССР, одерживаемых на бумаге, в то время как наши отважные, но недостаточно сильные любители из национальной команды продолжают проигрывать им на льду!»

Эта же газета требовала: «Кленовые листья» должны освободить один вечер, чтобы сыграть с русскими и побить их. Это не только может быть сделано, но должно быть сделано, и незамедлительно!»

(Через три с половиной года собрали сборную сильнейших профессионалов, освободили вечер, и… проиграли дома, в Монреале, советским хоккеистам – 3:7.)

Спортивные комментаторы канадского телевидения в ходе проигранных матчей не раз патетически восклицали, обращаясь к президенту национальной хоккейной лиги: «Мистер Кэмпбелл, помогите победить русских!»

Лишь менеджер «Торонто мэйпл лифс» Панч Имлах заявил: «Сборная СССР потому выигрывает все матчи, что среди канадских любителей слабые хоккеисты, ни один из которых не подошел бы для моего профессионального клуба». (Канадцы, кстати, использовали во встречах более сорока кандидатов в сборную, а в составе гостей был лишь 21 игрок.)

В пику П.Имлаху Д.Боуэнс заявил: «Только когда наши профессионалы разобьют сборную СССР, они смогут утверждать, что лучшие в мире хоккеисты. Но предупреждаю, что сила советской сборной окажется для них неприятным сюрпризом».

Мы привели все эти цитаты, чтобы дать представление о реакции канадской печати на выступления советской команды. Но представление это самое поверхностное. У нас в стране хоккей очень популярен, но у нас культивируется много видов спорта, в которых мы достигли мирового уровня. В Канаде один общенациональный вид спорта – хоккей, и он вобрал в себя весь интерес, весь пыл, всю гордость канадских болельщиков. Они раньше считали: «Да, мы не преуспели в футболе, да, у нас нет теннисистов экстра-класса, да, мы не сильны в волейболе, но зато мы – это хоккей с большой буквы. Наш хоккей – это лучший в мире хоккей, единственный в мире хоккей, и все остальные – робкие ученики, со страхом приезжающие к канадским профессорам». И вдруг «робкие ученики» не только успешно сдают экзамен «профессорам». Они заставляют их покраснеть. Они показывают, что роли переменились, что нет робких

заокеанских учеников, а есть виртуозы шайбы.

В десяти матчах чемпионы мира забросили соперникам 73 шайбы. Больше всех Петров – 10, Мальцев – 9, Фирсов, Харламов, Михайлов – по 8. А пропустили 28 голов.

«Хорошо зарекомендовал себя новичок Мальцев в тройке с Фирсовым и Викуловым, – отмечал тогда А.Чернышев. – Успешно сыграли и дебютанты Михайлов, Петров, Харламов».

Некоторые еще возлагали надежды на профессионалов, но этим надеждам предстояло в недалеком будущем потерпеть крах.

Как мы уже говорили, без уверенности в себе спортсмен никогда не сможет достичь вершины. Но как же зыбка и неопределенна демаркационная линия между уверенностью в себе и самоуверенностью! Это ведь тебя канадцы называли суперзвездой, а они в этом толк понимают, это ведь тебе протягивали программки, блокноты, листки бумаги, и рука уставала от десятков и сотен автографов. Это ведь тебе рукоплескали многотысячные трибуны в разных городах Канады и протягивали микрофоны репортеры, и это тебя обстреливали блицами фотокорреспонденты. А вдруг тебя снова и снова гоняют на тренировках, будто ты не герой заокеанского турне, а рядовой игрок…

Не у всех, конечно, развит иммунитет к звездной болезни, но отдадим должное А. Чернышеву и А. Тарасову, которые зорко следили за ее симптомами у игроков и лечили заболевших не заклинаниями, а сильнодействующим средством в виде скамейки запасных и даже вывода из сборной. Лекарство, как правило, помогало, и недавние триумфаторы по-прежнему тренировались так, словно вся их жизнь зависела от одной этой тренировки.

Зазнайство безжалостно выкорчевывалось, но авторитет оставался. О, это тонкая штука, авторитет игрока в команде! Приказом его не утвердишь и приказом не отменишь. И завоевать его непросто, потому что обладает он особым свойством: чем больше ты стремишься его заполучить, тем неуловимее он оказывается. И наоборот.

Валерий Харламов не стремился во что бы то ни стало подняться по неофициальной иерархической лестнице в команде. И тем не менее поднимался. Подъем был предопределен и его виртуозной игрой, и покладистым характером, и незлобивой шуткой, и чувством достоинства.

К концу сезона он пользовался уже завидным уважением у товарищей. Ему шел всего 21-й год, но никто уже не позволял себе быть с ним резким, грубым, снисходительным. И такое положение в команде, этот авторитет нужно было ежедневно и ежечасно подтверждать, потому что прошлые заслуги в счет не

идут.

Как-то мы слышали, что молодой армеец сказал ветерану, человеку на добрый десяток лет старше его, заслуженному мастеру спорта:

– Играть не можешь, так хоть ведро с шайбами захвати…

У нас сжалось сердце. Ветеран в тот день играл, играл, как мог. Но мог уже меньше новобранца, и новобранец, обращаясь на «ты», советовал ему захватить ведерко с шайбами. Это было жестоко. На секунду показалось, что ветеран сейчас рявкнет: «Молчать, щенок!» – но он лишь пожал плечами и грустно улыбнулся.

Вместе с авторитетом менялись и отношения в тройке. Двойка Петрова и Михайлова полностью включила в сферу своей взаимопривязанности и Харламова, и стала той знаменитой тройкой, которой предстояло столько лет быть флагманом наших форвардов.

После возвращения из Канады Харламов в аэропорту Шереметьево дал первое свое интервью корреспонденту ТАСС.

– Каковы ваши впечатления от первой поездки в Канаду? – спросили его.

– Хоккейная Канада такая, как я ее себе и представлял: там очень любят эту игру. Для меня турне в составе сборной СССР было большим событием. Канадцы играют жестко, и, кажется, я эту игру воспринимал неплохо.

– Какое впечатление произвели на вас канадские профессионалы?

– Они большое внимание обращают на силовые приемы. Понравились мне вратари. У канадских нападающих хорошо поставлены броски. Но больше всего запомнилась игра 20-летнего защитника Бобби Орра.

Заметьте, уже тогда Харламов отметил Бобби Орра, которому суждено было в следующее десятилетие стать «звездой» канадского хоккея первой величины.

Заканчивался сезон, и жизнь армейской команды катилась по хорошо наезженной колее: база, стадион, тренировки, игры.

Могучий автобус привозил их на матч обычно часа за полтора, и минут десять-пятнадцать можно было спокойно побродить по еще пустым фойе Дворца спорта, перекинуться шуткой с приятелями, посидеть за чашечкой кофе в буфете со знакомым спортивным журналистом. Это тоже своего рода знак твоего статуса. Если при виде тебя журналисты вытаскивают блокноты, значит, твоим мнением интересуются, ты уже не безвестная хоккейная пешка, а заметная фигура.

С самого начала своей спортивной карьеры Валерий

неизменно вызывал интерес корреспондентского корпуса. Скорее всего, это объяснялось и манерой игры, и его обаянием. Журналисты сразу распознали в нем несомненный артистизм, некую праздничность в его игре, а они умеют ценить эти редчайшие качества.

Разговаривал он с журналистами спокойно, доброжелательно. Не заискивал, не искал благорасположения. Оба участвуют в одном деле, и надо помогать друг другу.

Слышался голос второго тренера: «Пора, ребята, в раздевалку». Переодевание хоккеиста – целый ритуал, меньше чем минут за тридцать не уложишься, и в эти полчаса можно поболтать, пошутить, если, конечно, шутится. Бывают ведь и такие игры, перед которыми в раздевалке напряженная, наэлектризованная атмосфера подготовки к решающему сражению.

А потом, высокие на коньках рядом с людьми без коньков, они стояли перед занавесом, ожидая сигнала к выходу на лед, чем-то похожие в своих шлемах и доспехах на рыцарей давних веков.

Иногда Валерию удавалось найти отца глазами почти сразу, иногда он замечал его только в перерыве. Увидев Бориса Сергеевича, он улыбался: так и есть, отец опять показывает соседям «Футбол – хоккей». Что он там показывает, догадаться было нетрудно: фотографию сына, и это заставляло Валерия усмехаться.

Ни одного матча с участием ЦСКА старался не пропустить Борис Сергеевич Харламов. Вскоре все контролеры уже узнавали его: отец Харламова.

Что же, вовсе недурное звание: отец Харламова. Особенно, когда гордишься сыном и немало вложил в это сил.

ЧАСТЬ 2. В БОЛЬШОМ ХОККЕЕ

ИЗ ПЕРВОРАЗРЯДНИКОВ – В ЧЕМПИОНЫ

Сезон 1968/69 года Валерий Харламов начинал хоккеистом-перворазрядником, а завершил его заслуженным мастером спорта, чемпионом мира и Европы! Одновременно он выполнил нормативы мастера спорта и мастера спорта международного класса, закрепился в составе сильнейшего в Европе хоккейного клуба – ЦСКА, во второй, а затем и в первой сборной СССР.

Знаменитым Валерий стал в марте 1969 года на мировом первенстве в Стокгольме.

Новичок сыграл во всех десяти матчах, забросил 6 шайб и сделал больше всех в нашей сборной голевых передач – 7. По системе гол плюс пас он в мировой иерархии занял пятое место: Анатолий Фирсов – 14 (10+4), Борис Михайлов – 14 (9+5), Ульф Стернер – 14 (5+9), Ярослав Холик – 14 (4+10), Валерий Харламов – 13 (6+7). Тройка Петрова стала самой результативной в нашей сборной и на чемпионате, забив 21 гол.

Солнечным весенним утром сразу после окончания вновь победного – седьмого подряд! – для советской сборной чемпионата мира 1969 года мы беседовали с дебютантом главной команды страны.

Работая над этой книгой, разыскали в архиве блокнот с записью той беседы в Стокгольме.

Рассказывал Валерий спокойно, словно и не отгремел лишь вчера чемпионат мира, часто чуть иронически улыбаясь: дескать, зачем это интервью. Иногда шутил.

– Играл в звене Петрова под номером двенадцать.

(Свой семнадцатый номер он получил со следующего мирового первенства, а в Стокгольме под №17 выходил Евгений Зимин.)

О себе Валерий говорил скупо, больше о партнерах по команде, товарищах по тройке, своих тренерах, выдающихся хоккеистах из команд соперников.

«Звездам» часто задают вопрос: «Когда вы сыграли первый матч за команду мастеров и когда забили первый гол в чемпионате страны?»

Гроссмейстеры хоккея, как правило, без труда вспоминают эти даты. А Харламов сказал: «Я не помню». Поморщил лоб, немного помолчал и добавил, чтобы журналист не подумал, что он, не дай бог, важничает:

– Я же не предполагал, что это понадобится…

Харламов за свою короткую жизнь сыграл на одиннадцати чемпионатах мира, Европы и трех олимпийских турнирах. Но в

марте 1969 года у Валерия был первый в жизни чемпионат мира и Европы. Первый!

Стартовые матчи состоялись на льду стокгольмского «Юханнесхофа» 15 марта, а только за пять дней до этого определился состав сборной СССР. Одиннадцатого марта наша команда вылетела в Швецию. Перед отлетом Аркадий Иванович Чернышев дал интервью корреспонденту ТАСС.

– На сей раз титул чемпионов мира и Европы,- сказал старший тренер команды, – будут защищать такие хоккеисты: вратари – Виктор Зингер («Спартак») и Виктор Пучков (свердловский «Автомобилист»); защитники – Александр Рагулин, Виктор Кузькин, Игорь Ромишевский и Владимир Лутченко (ЦСКА), Евгений Поладьев («Спартак»), Виталий Давыдов (московское «Динамо»); нападающие-Евгений Зимин, Вячеслав Старшинов и Александр Якушев («Спартак»), Александр Мальцев и Владимир Юрзинов (московское «Динамо»), Анатолий Фирсов, Владимир Викулов, Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов и Евгений Мишаков (ЦСКА).

Команда значительно помолодела, появились семь дебютантов. Вратарь Пучков, хорошо зарекомендовавший себя в матчах первенства СССР и во время поездки второй сборной в Канаду. Защитники Поладьев и Лутченко, несмотря на свою молодость, уверенно играющие в основных составах наших ведущих клубов «Спартак» и ЦСКА. Лучший нападающий чемпионата Европы среди юниоров Мальцев и молодежная тройка армейцев Михайлов – Петров – Харламов.

После годичного перерыва в сборную вернулся Якушев и выступавший на мировом первенстве в Стокгольме еще в 1963 году Юрзинов.

В Стокгольме любят и понимают хоккей. Публика, конечно, будет болеть за своих любимцев. «Хейя! Хейя!» – этот клич шведских болельщиков будет греметь две недели. Но с другой стороны, в Стокгольме сборной СССР пока везло. Здесь мы дебютировали на чемпионате мира в 1954 году. Команда, которую мне тогда было доверено тренировать, завоевала золотые медали. В 1963 году здесь же мы начали нынешнюю победную серию.

Впервые мировое первенство пройдет в два круга. Это трудное испытание для хоккеистов. Наши ребята всегда физически подготовлены неплохо. Но, конечно, когда новую систему принимали, думали совсем о другом.

Некоторые деятели международной лиги хоккея на льду и раньше предпринимали попытки осложнить нам жизнь. Ну, например, сначала в случае равенства очков чемпиона

определяли по разнице забитых и пропущенных шайб. Сборная СССР много забрасывает шайб. Тогда перешли на иную систему: чемпион выявляется по личной победе над основным соперником. Не помогло! Теперь ввели двухкруговую систему. Что ж, поиграем – увидим.

…Чемпионаты мира по хоккею проводятся в самом конце сезона. И подобно тому как грядущие мартовские оттепели угадываются уже в снежном феврале, приближение чемпионата заранее несет с собой волнующее: кого возьмут? Для ведущих игроков вопрос: возьмут или нет их в первую сборную страны, имеет решающее значение – это ведь оценка того, чего ты стоишь на сегодняшний день. И если тебя не включают даже в список кандидатов, предстоит нелегкое раздумье, то ли это случайность, тренерский каприз, то ли ты уже возвращаешься «с ярмарки», и пора готовить себя к неизбежному расставанию с большим спортом.

Борьба в чемпионате Советского Союза в сезоне 1968/69 года проходила остро. Лидировал «Спартак», который тогда вел к победе старший тренер Николай Иванович Карпов. И ударное звено «Спартака» в составе Евгения Зимина, Вячеслава Старшинова и Бориса Майорова не без оснований рассматривалось многими как первая тройка советского хоккея. В первую тройку армейского клуба входили тогда Владимир Викулов, Виктор Полупанов и Анатолий Фирсов. Вторую тройку «Спартака» составляли Александр Мартынюк, Владимир Шадрин и Александр Якушев. В армейском же клубе эти роли исполняли Юрий Моисеев, Евгений Мишаков и Анатолий Ионов.

Молодежная тройка Петрова, которая так отличилась в турне по Канаде, казалось, оставалась за чертой. Ведь в Стокгольм на чемпионат мира можно было взять только девятнадцать игроков. Два вратаря, три пары защитников – это уже восемь человек, и на долю форвардов приходилось одиннадцать мест. И тем не менее Михайлов, Петров и Харламов в глубине души все-таки надеялись попасть в сборную. В двадцать лет не хочется упираться лбом в безжалостную арифметику. В двадцать лет человек обычно оптимист. И, хотя, как мы уже говорили, спорт способствует выработке философского взгляда на жизнь, но здесь они отбрасывали философию.

Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов несмотря ни на что надеялись, играли, забивали.

Тарасов, как известно, человек увлекающийся, страстный, настойчивый. Он никогда не был склонен прислушиваться к советам. Большинство специалистов считало, например, что армейский защитник Владимир Лутченко, тогда еще

девятнадцатилетний паренек, не готов пока к борьбе на высшем уровне, нередко допускает грубые ошибки. На тренерском совете старшему тренеру рекомендовали дать талантливому молодому игроку, так сказать, дозреть годик до сборной. Тарасов гневно воскликнул:

– Володька талант, а вы не хотите рекомендовать его в сборную! Парень из Раменского тренируется у нас в клубе с малых лет, по три часа в день на дорогу тратит…

Мы вспомнили этот эпизод, чтобы еще раз подчеркнуть, как всегда напористо шел к намеченной цели старший тренер ЦСКА. Он мысленно уже смоделировал команду, явственно видел в ней Лутченко, и ничто не должно было помешать ему в этом.

Но, может быть, не было опытного классного шестого защитника? Были. Например, Алексей Макаров, Владимир Мигунько и Валерий Кузьмин из «Спартака», Вячеслав Жидков из «Торпедо», Валерий Никитин и Юрий Ляпкин из «Химика». Вся эта «шестерка» стояла в ту пору выше классом и В.Лутченко и И.Ромишевского.

Наконец, если вернули в сборную А.Якушева, надо было брать к нему в пару В.Шадрина, а еще целесообразнее, как на декабрьский международный турнир, целиком спартаковскую тройку: А.Мартынюк – В.Шадрин – А.Якушев. Но тогда не было бы места армейцу Е.Мишакову и динамовцу В.Юрзинову.

К счастью для хоккея, Валерия Харламова и его партнеров вся эта хоккейная «политика» не коснулась. И молодежная, как ее тогда называли, тройка Петрова почувствовала, что у нее появляются шансы.

О, кандидаты в сборную чувствуют, что замышляет тренер! Они видят, как на тренировках формируются звенья, к кому приковано внимание, а кто вдруг начинает ощущать себя статистом.

Последние дни перед окончательным определением состава тяжелы и для тренера, и для кандидатов в сборную.

Арне Стремберг, много лет бывший наставником «Тре Крунур», говорил нам:

– Вы не представляете, что это такое – отбросить людей, которые надеялись, которые усердно тренировались, которые настроились на игру за сборную. В эти жуткие для меня последние дни перед чемпионатом я всегда начинаю сожалеть, что стал тренером. Знаете, я ведь готовился стать пастором, потом работал коммивояжером. Так вот, я все время повторяю себе: Арне, ну почему тебя потянуло в этот дьявольский хоккей? Был бы ты сейчас пастором в тихом шведском городке, читал бы по воскресеньям мирные проповеди подремывающим

прихожанам, и тебе не пришлось бы отводить глаза, говоря игроку: «Олле, ты понимаешь, в настоящий момент, мне кажется, было бы лучше, если ты…» и так далее. О, в такие минуты я чувствую себя так, словно должен отрубить себе пальцы…

К сожалению, не все тренеры так же относятся к отбору кандидатов, не все думают о том, как пощадить их чувства. Как-то один из нас стал свидетелем такой сцены: из раздевалки на катке ЦСКА вышли с мешками за плечами два кандидата в сборную. Лица их были серы, и они молча смотрели перед собой.

– Ребята, что случилось? – спросили стоящие в фойе.

Они не могли ответить. Губы их лишь подрагивали и кривились от обиды.

Но если бы тренеры собрали всех игроков и сказали: «Товарищи, как вы знаете, всех взять мы не можем. Еще двоих нужно отсеять. Не обижайтесь, но, по-нашему мнению, на сегодняшний день таким-то придется остаться дома. Надеемся, что в будущем году вы ещё наденете красную рубашку сборной. Мы благодарим вас за старания и желаем удачи», они бы поняли. Им все равно было бы тяжело, но они бы поняли… Ничего не поделаешь, спорт есть спорт. Значит, надо вкалывать на тренировках не до седьмого пота, а до девятого. Значит, нужно не просто выкладываться, а выворачиваться наизнанку…

А вместо этого к ним подошел администратор и объявил:

– Ребята, велели вам сказать, чтобы вы брали свои вещи и ехали по домам…

Вот почему у взрослых, уже немало повидавших людей были серые лица и губы подрагивали от сдерживаемых слез.

Мы специально не называем фамилии этих игроков. Зачем напоминать об обидах. Скажем лишь, что один из них стал известным тренером. И он-то никогда не посылал администратора или массажиста с сообщением такому-то игроку «сматывать удочки».

И вот настал день, когда Михайлов, Петров и Харламов узнали, что включены в состав сборной и вылетают в Стокгольм.

Лет десять спустя мы спросили Валерия:

– А было у вас тогда ощущение, что вы попали в сборную не по праву, что вам просто повезло?

Харламов хмыкнул, потянулся, почесал нос, подумал немножко и сказал:

– Не так-то просто ответить на ваш вопрос.

– Почему?

– Да потому, что игрок, наверное, испытывает одновременно множество чувств. Часто противоположных. Если в тебе нет уверенности, что ты игрок экстра-класса, ты, скорей всего, таким

и не станешь. Но если ты считаешь себя «звездой», ничего не стоит потерять самокритичность, и тогда, будьте уверены, покатитесь вниз, да еще на собственном седалище.

Наверное, в глубине души мы знали, что, скажем, первая спартаковская тройка сыграла бы лучше нас, но она распалась, и мы не задумывались над вопросом, справедливо это или нет.

Это был наш шанс, и мы понимали, что не должны пропустить его. Ну, и главное, мы верили в себя. Верили, что сыграем как надо. Может быть, без железной воли Володи Петрова и несгибаемой веры Бори Михайлова мне было бы труднее. Они заряжали меня своей яростной решимостью доказать всем, включая и нас самих, кто есть кто в хоккейном мире, и я благодарен им за это.

И вот снова аэропорт Шереметьево, Харламов сидит с закрытыми глазами и то ли улыбается во сне, то ли делает вид, что спит.

– Да нет, конечно же, не спал, – рассказывал позже Харламов. – Это уже после привыкаешь, начинаешь управлять своими нервами, эмоциями. А тогда летел на первый в своей жизни чемпионат мира и думал о том, что я должен быть благодарен канадцам.

– Канадцам?

– Угу. После жесткой, а порой и жестокой игры канадцев, когда они продули нам подряд все десять матчей, я уже не так боялся. Известно, за одного битого двух небитых дают.

– Как оценивались тогда шансы соперников?

– Расклад представлялся таким. Шведам довольно сложно найти равноценную замену своим выдающимся игрокам, таким, как Свен Тумба, Нильс Нильсон, Роланд Стольц, Рональд Петтерсон.

Экс-профессионалу Ульфу Стернеру предстояло повести команду на очередной штурм пьедестала почета. Лидеру «Тре Крунур» было всего 27 лет, десять из них он выступал в форме национальной сборной.

Кому еще вместе со Стернером доверено было защищать честь хозяев чемпионата? Главные надежды на испытанного стража ворот Лейфа Хольмквиста, защитников Арне Карлсона, Леннарта Сведберга, тройку нападающих из клуба «Брюнес» Стефана Карлссона – Хокана Викберга – Торда Лундстрема, Бьёрна Пальмквиста, Лейфа Хенрикссона и других.

Шведам не хватало «жесткости» в игре, невысокой была у них и физическая подготовка, особенно если учесть, что впервые чемпионат мира проводился в два круга.

Но имелся у них и колоссальный «козырь» – поддержка тысяч

зрителей.

Ларс-Еран Нильсон, например, один из самых результативных форвардов «Тре Крунур», рассказывал: «Родом я из местечка Вуоллерим на севере Швеции. Отсюда с чемоданчиком, в котором больше половины места занимали коньки, приехал в город Евле, где и стал потом известным хоккеистом.

В Вуоллериме всего 1500 жителей, но все они стала страстными болельщиками. После матчей с моим участием многие считают своим долгом позвонить мне по телефону и высказать свое мнение. Понимаете, когда я ложусь спать в ночь после игры…»

А когда у вратаря Лейфа Хольмквиста случился приступ радикулита, доктор сборной Швеции по телефону и письменно получил больше семнадцати тысяч (!) советов, как быстрее вылечить голкипера.

Обозреватели стокгольмских газет писали, что «Тре Крунур» можно после товарищеской игры в Чехословакии поздравить с «почетным» поражением – 1:2. В следующем матче сборная ЧССР победила – 6:2. В составе сборной ЧССР «знакомые все лица»: вратарь – Владо Дзурилла, защитники – Ян Сухи, Йозеф Хорешовски, Олдржих Махач, Франтишек Поспишил, нападающие- Ярослав Иржик, йозеф Черны, Иржи и Ярослав Холики, Йозеф Голонка, Ян Клапач, Йозеф Августа и другие. Для многих чехословацких игроков чемпионат 1969 года – лебединая песня. «Спеть» ее они, естественно, захотят в полный голос.

После того как канадцы на последних чемпионатах мира три раза подряд довольствовались бронзовыми медалями, в 1969 году они были полны решимости добиться наконец золотых. Не только игрокам, но и всем жителям страны Кленового листа надоело терпеть поражения. А кроме того, «пятилетка» тренеров Джека Маклеода и патера Дэйва Бауэра близилась к завершению. Правда, такие «звезды», как Гарри Дайнин и Денни О'Ши, покинули национальную сборную после Олимпийских игр (оба стали профессионалами), однако в команде осталось немало классных игроков: вратарь-Уэйн Стефенссон, защитники – Гарри Бэгг, Джек Боуэнс, форварды – Фрэнк Хакк, Тед Харгривс, Морис Мотт. Канадцев здорово «потренировали» сборная СССР и советская вторая сборная.

Команды ЧССР, Швеции и Канады – главные соперники. Сборные Финляндии и США значительно слабее.

Небольшой комментарий нынешних дней к оценкам соперников давних лет. Сборные СССР, Швеции и ЧССР набрали по 16 очков, а канадцы – только 8, финны – лишь 4, американцы

проиграли все десять матчей.

На чемпионате было много туристов из разных стран. Из СССР, например, приехало более трехсот поклонников хоккея. Не было на трибунах лишь гостей из США. Впрочем, по мнению стокгольмской газеты «Экспрессен», американская сборная была настолько слаба, «что самих хоккеистов можно считать туристами из США».

Поначалу с такой оценкой соглашался и играющий тренер американцев, олимпийский чемпион 1960 года и лучший защитник чемпионата мира 1962 года Джон Меясич. «Мы приехали в Стокгольм напрасно – наш класс слишком низок», – заявлял он. Однако в дальнейшем, после того как американцы неплохо сыграли с канадцами – 0:1, финнами – 3:4, сборной СССР – 4:8, он прославился как большой оптимист. «…Если бы чемпионат начался завтра снова,- заявил он,- без медалей домой мы не уехали бы».

У финнов игра не пошла – вторая половина марта для хоккеистов страны Суоми не лучшее время, а играть в два круга они вообще были не готовы. Силу шведов, выступавших дома, наши тренеры оценили реально. А шансы Кленовых листьев, думается, завысили. В 1967 году главная профессиональная лига Северной Америки выросла с шести клубов до дюжины. Разыскивать таланты в любительскую сборную Канады стало вдвое труднее, в то же время «профи» призвали в свои клубы нескольких ведущих игроков из команды патера Бауэра. Как говорилось в предыдущей главе, сборную канадцев громила не только наша национальная команда, но и вторая сборная СССР у них на родине, на их меньших по размерам площадках, при судействе их арбитров.

В Стокгольме, на полях международных размеров, при судействе европейских рефери, часто удалявших «жестких» канадцев, вряд ли от них можно было ожидать резкого улучшения игры.

В то же время не предполагалось увидеть яркой игры сборной ЧССР, явно перегруженной возрастными хоккеистами. Иначе вряд ли занялись бы «воспитанием» В. Коноваленко (на следующий год здесь же, в Стокгольме, он сыграл блестяще). Да и Б. Майорова не стали бы «отцеплять», стоило ему обмолвиться о том, что у него «побаливает нога». Решался вопрос: кого оставить дома, Е. Мишакова или В. Юрзинова? А остался Б. Майоров. Разрушенной оказалась бывшая ударной в сборной и «Спартаке» – чемпионе СССР 1967 и 1969 годов – тройка Е. Зимин – В. Старшинов – Б. Майоров.

Улететь-то Харламов, его партнеры по звену Михайлов и

Петров и другие дебютанты сборной СССР в Швецию улетели, однако в том, что они выступят на чемпионате, уверенности у них все еще не было. Во-первых, до его открытия предстояли еще два контрольных матча в Швеции, во-вторых, окончательно было не известно, примет ли директорат чемпионата предложение шведского хоккейного союза об увеличении числа игроков в каждой сборной до девятнадцати. В противном случае кто-то в команде оказался бы лишним.

Спецкор ТАСС в канун чемпионата встречал сборную СССР на стокгольмском вокзале, когда они приехали из Карлстада, где выиграли у местного клуба «Фэрьестад», усиленного игроками «Тре Крунур».

– Сыграли достойно, – поделился А. Чернышев. – Молодежная тройка Петрова хороша. Особенно Харламов. Ему два зуба вышибли, а он сплюнул и вперед помчался. Запомни мои слова – игрок будет и боец!

К четырнадцатому марта вся шестерка – сборные СССР, ЧССР, Швеции, Канады, Финляндии и США собрались в Стокгольме. Гости поселились в отеле «Фламинго». Все команды провели тренировки на подкрашенном, принаряженном к чемпионату катке «Юханнесхоф». Качеству льда высшие оценки дали даже такие авторитеты, как Анатолий Фирсов и Фрэнк Хакк. Пять сборных в тот день занимались по часу, чемпионы мира провели на льду на 35 минут больше.

Прямо у бортика несколько коротких интервью. Наставник канадцев патер Дэйв Бауэр: «Золотые медали и кубки чемпионов я бы заранее отправил в Москву».

Йозеф Черны – форвард сборной ЧССР: «Главные претенденты на победу- чемпионы мира и хозяева чемпионата. Мы постараемся составить им достойную конкуренцию».

Капитан сборной СССР Вячеслав Старшинов: «В команде все здоровы, настроение хорошее. О наших победах за океаном и в последних тренировочных матчах много пишут и делают из этого самые радужные для нас выводы. Но расставят команды по местам на чемпионате мира только предстоящие матчи».

В ресторане отеля «Фламинго» участников чемпионата мира в еде не ограничивали, был организован «шведский стол». Тренеры предупреждали новичков:

– Ребята, помните, это вещь опасная, держите себя в руках.

При такой системе обслуживания, как «шведский стол», все блюда – от закусок до десерта – выставляются на столы, и каждый выбирает себе, что хочет и сколько хочет. Система эта, как можно легко догадаться, отнюдь не филантропическая, стоимость «стола» оплачивается постояльцами и, естественно, покрывает

среднестатистический аппетит гостей. Но при первом знакомстве со «шведским столом» глаза разбегаются.

Команда имела время познакомиться со столицей Швеции, которую сами шведы любят называть Северной Венецией.

Билеты на чемпионат были довольно дорогие, поэтому организаторы разделили игры на три категории. Соответственно и цена билета колебалась от пяти до тридцати крон. На некоторые матчи собиралось немного публики. И тогда большую часть зрителей составляли ребятишки, которым на состязания, где не ожидалось аншлага, билеты продавались очень дешево. Такой опыт не грех перенять.

В первом матче на лед выходили сборные Чехословакии и Канады. Этот поединок был определен как встреча первой категории.

Советские хоккеисты проводили стартовую встречу со сборной США. Американская команда, по мнению организаторов чемпионата, представляла собой «несложную добычу» для многократных чемпионов мира, и матч был причислен к второстепенным. Вообще из тридцати матчей только двенадцать были отнесены к состязаниям высшей категории. В шести из них играла сборная СССР.

Интерес к выступлению шведской сборной был велик, и одна из стокгольмских газет писала; «Зачем притворяться и лицемерить – хоккей сейчас так всех интересует, что передачи по второй телепрограмме можно не передавать вообще, когда по первой транслируются матчи с участием «Тре Крунур».

Встречи первого же тура разбили участников на лидеров и аутсайдеров. Убедительную победу одержали хоккеисты Чехословакии над канадцами- 6:1. Кленовым листьям так и не удалось заполучить в состав прекрасного голкипера Сета Мартина – ветеран не смог поехать в Европу. Зато неутомимый патер Дэйв Бауэр привлек Роджера Бурбонэ, а позже вызвал третьего вратаря – известного впоследствии стража ворот «Монреаль канадиенс» Кена Драйдена.

Начали не спеша. В таком темпе начинают бегуны-марафонцы. Впрочем, ничего удивительного в этом нет, ведь командам впервые предстояло играть в два круга. Через 13 минут 41 секунду Иржи Холик открыл счет. Братья Холики, надо сказать, на чемпионате сыграли отлично. В этой семье спорт издавна в почете: их отец – прыгун с трамплина. «Мои сыновья, – шутил он, – выбрали более скользкий путь в спорте».

В самом начале второго периода Кинг отквитал шайбу. После этого чехословацкие хоккеисты пошли почти всей командой вперед, переключили скорость, и это нашло яркое отражение на

табло. Сначала шайбу в свои ворота подтолкнул канадский защитник. Потом голы забили Сухи – два, Шевчик и Хорешовски.

Через час после победы чехословацкие хоккеисты вновь появились на стадионе: пришли посмотреть игру шведов с финнами. Канадцы же остались в отеле. Да, видно, точно подмечено: победа прибавляет сил.

Многочисленная публика тепло встретила своих любимцев, и они оправдали их надежды, победив – 6:3. Канадцы при счете 1:3 фактически прекратили сопротивление. У финнов же результат 0:3 вызвал иную реакцию. Они мобилизовались и отквитали две шайбы. Шведам пришлось почти начинать сначала. У них на это хватило сил и мастерства.

Шведы, как и сборная СССР, имели шесть защитников и одиннадцать нападающих, в то время как команды Канады, Чехословакии и Финляндии предпочли выступать четырьмя тройками форвардов и ограничились пятью защитниками. У американцев дюжина нападающих и только четыре защитника. Пятым по ошибке в заявочный список внесли… тренера Джона Меясича, в свое время действительно прекрасного игрока обороны. Девятнадцатого хоккеиста американцы в Европу не привезли, а позже вызвать не смогли.

Вечером на лед вышли сборные СССР и США. Сборная СССР просто, как писала одна из стокгольмских газет, «стерла со льда» американскую- 17:2. По поводу крупной стартовой победы чемпионов мира позже говорили: «Советские тренеры и хоккеисты оказались и самыми предусмотрительными. Забросив в первой же игре со студентами из США семнадцать шайб, они обеспечили себе лучшую разницу забитых и пропущенных голов в случае равенства очков у двух или нескольких команд на финише».

В советской команде из девятнадцати игроков семь – новички, и вполне понятно, что волнение вначале сковывало их. Можно тысячу раз твердить себе, что волноваться, собственно говоря, не из-за чего, что силы команд неравны, но когда ты впервые вышел в рубашке первой команды страны, когда ты знаешь, что миллионы людей от Калининграда до Владивостока следят за твоей игрой у экранов телевизоров, даже в легкой игре с волнением справиться дано не каждому. И первые минуты матча были нелегки для наших дебютантов.

Но тем-то и важен сплав опыта с молодостью, что в такой момент есть кому взять игру на себя. Это сделал капитан команды спартаковец Вячеслав Старшинов, забросив в ворота американцев первые две шайбы. Третью на 18-й минуте первого периода провел дебютант Борис Михайлов после отличной передачи дебютанта Валерия Харламова. А двадцать минут спустя

Харламов впервые в своей хоккейной биографии зажег красный свет на чемпионате мира.

И игроки и тренеры горячо поздравляли новичков. Поздравляли так, словно гол или передача были решающими. Дебютанты понимали почему, смысл этих поздравлений им был ясен: все в порядке, ребятки, вы молодцы, вы все делаете здорово, играйте спокойно.

После игры в пресс-центре шутили:

– Чтобы присутствовать на послематчевой прессконференции после такого результата, надо быть очень воспитанным человеком – ведь она должна быть очень похожей на похороны.

Во втором туре, в котором советская команда встречалась со шведами, все ее игроки прошли испытание на прочность. Наши выиграли – 4:2. По одному голу забили Михайлов и Харламов.

После игры мы спросили у Валерия:

– Как вы себя чувствовали в первых двух матчах?

– В легкой игре с американцами волновался больше. Как-никак первый матч на первом в жизни чемпионате мира. А во втором уже был занят привычным делом: думал только о том, как забить, как дать хороший пас. В общем-то, я полагаю, тут срабатывает своего рода условный рефлекс. Перед игрой иной раз кажется, что от волнения на коньках не устоишь, не то чтобы приличную игру показать. Но выезжаешь на лед, делаешь первые шаги, и игра захватывает тебя…

– Значит, совсем не нервничали во второй игре? Харламов усмехнулся:

– Ну, нельзя сказать не нервничал. Волнение всегда остается, и душевный подъем, и чувство великой ответственности, но все это служит как бы фоном, и на первом плане желание выполнить свой долг как можно лучше.

Хоккей ведь игра быстрая, некоторые эпизоды укладываются в секунду, а то и в долю секунды, и когда ты все силы концентрируешь, скажем, на том, как пройти на скорости защитника, который преграждает тебе путь, больше в голове ничего нет. Такие игровые эпизоды требуют предельной концентрации, ты весь внимание. И волнению уже просто нет места.

Вначале, правда, немножко беспокоился за Михайлова. Ему ведь тренеры дали задание опекать Стернера. Я уж не говорю, что игрок он классный, но к тому же еще и центрфорвард, а Борис привык играть на краю.

Но прошло несколько минут, вижу – порядок, справляется…

Тарасов не был бы выдающимся тренером, если бы успокоился аплодисментами в адрес своих подопечных,

обыгравших хозяев чемпионата. На следующий день он провел две тренировки без всяких скидок на уплотненный график игр. Да еще заставил игроков таскать друг друга на спине. Девятнадцатилетний Володя Лутченко волок на себе стокилограммового Александра Рагулина. Волок и приговаривал: «Ничего, ничего, сейчас мы поменяемся». Приговаривал не без основания, потому что и он не пушинка – весил девяносто килограммов.

Наш третий матч, выигранный у канадцев – 7:1, лучше всего резюмировал обозреватель Чехословацкого телеграфного агентства Карел Буреш. Он передал в свою редакцию: «Канадцы не могли сражаться с советской командой с помощью клюшек, не могли вести силовую борьбу, даже не имели возможности схватить их руками – они могли только следить за ними глазами. Теперь все поняли, как сборной СССР удалось одержать серию блестящих побед во время турне по Канаде».

В пятом туре, заключительном в первом круге, шведы выиграли у канадцев, финны – у американцев. А наша сборная проиграла команде ЧССР – 0:2.

Соперники в этой игре превзошли самих себя. Ветераны команды доказали, что при полном напряжении духовных и физических сил можно сыграть выше своих возможностей. Они решительно вступали в силовую борьбу, отчаянно сражались в споре за шайбу. Вновь отличился атакующий защитник Сухи: он забил первый гол, а вторую шайбу Черны забросил с его подачи.

У чемпионов мира игра не клеилась. Если до этого в сравнительно спокойную погоду наш корабль уверенно следовал намеченным курсом, то во время шторма появилась течь – сказались просчеты, допущенные его конструкторами: Старшинову явно не хватало привычных для него партнеров, Якушев неуютно чувствовал себя на поле без понимающего его Шадрина, не было свежести в игре Зимина, прилетевшего на чемпионат сразу же после утомительного турне по Канаде в составе второй сборной. Да и появлялся на площадке он эпизодически. Даже Д. Маклеод заметил: «Мне жаль Зимина. За время канадского турне он стал любимцем публики, а здесь ему доверяют лишь короткие отрезки, в которых он не может полностью раскрыться».

Слов нет, формирование сборной – процесс сложный. Но, сконструировав команду, наставники ее должны доверять игрокам – своим избранникам. Нужны вера и терпение. А когда начинается лихорадочная перетасовка по ходу игры, игрокам мгновенно передается эта нервозность, и, казалось бы, отлично отлаженный механизм вдруг начинает давать сбои. Даже

молодежная тройка Петрова сыграла не лучшим образом, хотя в ней перестановок не было.

Спустя несколько лет Валерий Харламов вспоминал:

– Мы видели, что игра не идет. И хотя не говорили этого друг другу, и Володя Петров, и Борис Михайлов, и я изо всех сил старались переломить ход встречи. Стараться-то старались, а опыта, мудрости хоккейной нам еще недоставало. И чем больше мы старались, тем хуже получалось. Я себя виню: почему-то, очевидно от нетерпения, вдруг сбился на солирование, хотя мне это как будто не свойственно. Я тогда для себя такой вывод сделал: мудрость в нашем деле обязательно включает в себя терпение. Что бы ни происходило на льду, надо терпеть, надо действовать так, как привыкли, а не надеяться одному спасти игру.

И в подтверждение вышесказанного вспомним необыкновенно напряженный второй матч сборных СССР и Швеции, который наши выиграли – 3:2. Все три гола на счету молодежного петровского звена, единственной, тройки, сохранившей свой состав. И, соответственно, единственной тройки, игравшей в свою игру.

Умение извлекать уроки из допущенных ошибок важно в любом деле, в том числе и в спорте. Михайлов, Петров и Харламов быстро и твердо это усвоили, что во многом способствовало не только восхождению их тройки на самую вершину хоккейного Олимпа, но и многолетнему пребыванию там. А это, пожалуй, потруднее самого восхождения.

Игра тройки Петрова в матче со шведами была образцовой именно потому, что они не подлаживались под чужую игру, а заставили шведов действовать по их сценарию, даже знаменитое звено Стернера, которое они полностью нейтрализовали.

Но путь в спорте никогда не бывает прям, крутые повороты поджидают на каждом шагу, ибо игра есть игра. Во второй игре с чехами, уже после того, как Харламов эффектно подправил шайбу в ворота соперников, Валерий в своей зоне вдруг сделал передачу противнику. Защитник Хорешовски бросил от самой синей линии, и наш вратарь Виктор Зингер не уследил за броском. Два отличных хоккеиста допустили одну за другой ошибки. Ничего не поделаешь, всякое в игре бывает. История хоккея не знает игрока, который бы никогда не ошибался. Класс – это всегда соотношение плюсов и минусов, а даже в самом начале спортивной биографии Харламова было очевидно, что плюсы его неизмеримо значительнее редких промахов.

Руководству команды тут бы подбодрить молодого игрока: мол, с кем не бывает! Но вместо этого они ухватились за

возможность снять с себя ответственность и за допущенные при формировании сборной ошибки, и за проигрыш. На пресс-конференции было заявлено во всеуслышание, что матч проигран двумя хоккеистами – Зингером и Харламовым.

Обида не только ранит, она и ожесточает. Валерий имел все основания быть жестоко оскорбленным, но, к его чести, он перенес ее стоически. Харламов не стал носиться с ней, пестовать ее, не дал обиде парализовать себя. Он лишь еще сказал себе, что лучше быть смелым, чем трусом, справедливым – чем несправедливым, благороднее взять вину на себя, чем судорожно взваливать на других. И следовал этим принципам до конца своей яркой, но короткой жизни.

Драматическим был предпоследний матч чемпионата, в котором шведы выиграли у сборной ЧССР – 1:0. Забей они хотя бы еще гол, и стали бы чемпионами мира. Сравняй счет соперники – и золото досталось бы им.

Наши ребята смотрели этот матч по телевидению в гостинице «Фламинго» и нервничали, пожалуй, больше, чем в любой игре, в которой сами участвовали. Их судьба была в чужих руках, они теперь ничего не могли сделать, а только судорожно хватались за подлокотники кресел в острые моменты игры, которая разворачивалась перед ними на экране телевизора. Но на этот раз его величество Случай явно симпатизировал нашей сборной. Он выбрал единственный вариант, при котором советская команда, выиграв заключительную встречу турнира у канадцев – 4:2, стала чемпионом мира: набрала она столько же очков, сколько сборные Швеции и Чехословакии, но разница забитых и пропущенных шайб оказалась лучше у нашей сборной.

* * *

После чемпионата мира 1969 года Харламов завоевал любовь зрителей. В традиционной анкете еженедельника «Футбол – хоккей» новичок сборной получил от спортивных журналистов 51 очко, немного уступив признанным лучшими хоккеистами сезона Анатолию Фирсову (69), Виктору Зингеру (63) и Вячеславу Старшинову (56).

Валерий стал офицером Советской Армии, и ему было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта».

Кончился чемпионат, получены все поздравления, и наступили хоккейные будни. Это выражение, наверное, вполне

приемлемо для большинства хоккеистов, но только не для Валерия Харламова.

Да, добрых триста дней в году он проводил на базе, и вся жизнь была подчинена жесткому хоккейному расписанию. Он играл, и большая часть матчей была буднична, ничего не решала и никого особенно не волновала. Все было уже знакомо, от раздевалок до аэропортов, от игроков до судей, от результатов до отчетов в газетах.

Но Валерий Харламов был большой спортсмен и большой талант. А талант и будни несовместимы. Для Харламова не существовало будней. Конечно, это не значит, что все игры были одинаковы. Это невозможно. Но всегда он выходил на лед творить, а не отбывать хоккейную повинность.

Ему было интересно играть. И его партнерам было интересно играть. А зрителям было интересно смотреть. Они присутствовали при акте творчества. Пусть это творчество проявлялось то в неожиданном пасе, то в артистической обводке, то в неуловимом, почти невидимом кистевом броске. Но это было созидание. И зрители это ценили, и журналисты. И следить за игрой этого армейского нападающего, и писать о нем было истинным удовольствием.

Харламов постоянно стремился к совершенствованию. Он рассказывал после Стокгольмского чемпионата:

– Мне кажется, для спортсмена очень важно уметь посмотреть на себя со стороны. Посмотреть без восхищения, а, наоборот, зло и придирчиво. Не скажу, что я так уж умел это делать, но старался, во всяком случае. Например, поглядел я на себя после Стокгольма и подумал: ты, друг Валера, еще очень и очень уступаешь такому игроку, как Вениамин Александров, в умении отдать вовремя пас. Почему? Потому что ты по-детски жаден до шайбы, словно тебе жалко расставаться с игрушкой. А ведь ни один большой игрок, все те, кем ты так восхищаешься, Борис Майоров, Анатолий Фирсов, Вячеслав Старшинов, Константин Локтев, Александр Альметов, да и твои товарищи Володя Петров и Боря Михайлов, не были жадны. Они расставались с шайбой легко и великодушно, когда это было удобнее партнерам. Они не жадничали, потому что думали не об аплодисментах, а об общем деле. Еще и потому, что знали простую жизненную, а стало быть, и игровую истину: чем больше ты отдаешь другим, тем больше от других и получаешь. И поэтому, заметьте, все эти мастера не только отлично пасовали, но и много забивали.

Все, что я передумал, старался применять на практике. И заметил, что стал лучше отдавать пас, следовательно, прибавилась и скорость. Почему? Да потому, что меньше возился

с шайбой и, естественно, быстрее двигался по площадке.

Потом еще раз произвел, так сказать, ревизию своей игры и понял, что нужно совершенствовать кистевой бросок. Я не против щелчка с замахом, особенно когда вратарь закрыт и тебя не видит. Но кистевой бросок для вратаря опаснее. Он неожиданнее, и ему труднее предугадать направление полета шайбы. А еще лучше, если действуешь не в хронологическом порядке…

– А что это значит?

– Большинство игроков действуют последовательно. То есть, допустим, сначала обведут защитника и, когда завершат обводку, уже будут бросать. Я стараюсь совмещать операции. В какой-то момент обводки, когда вратарь ждет, чем единоборство кончится, я стараюсь, не завершая ее, бросить. Если это удается, вратарь, как правило, оказывается застигнутым врасплох. Это, конечно, не мое открытие. Я видел, как делали это корифеи игры.

Не раз писали о моем артистизме. Не буду спорить о терминах. Артистизм так артистизм. Думаю, это не столько от натуры, сколько от необходимости. Если вратарь, например, стоит в воротах на месте, стеной, забить ему тяжело. Но заставь его двигаться – полдела сделано. Это ведь не футбольный вратарь, а хоккейный – в тяжелой амуниции ему трудно мгновенно прервать движение, а тем более изменить направление. Слишком велика сила инерции. Вот я и стараюсь всем своим видом показать ему, что сейчас, предположим, буду бросать, вот уже бросаю в правый угол. Если он поверил мне, он начинает двигаться вправо, чтобы закрыть угол. Все: левый угол гостеприимно открыт, и забросить туда шайбу уже не составляет труда.

– Валерий, но ведь хоккей – игра жесткая, и в ней, кроме артистизма, существует силовая борьба…

– А я не вижу никакого в этом противоречия. Я уже давно понял, что не надо бояться столкновения. Наоборот, надо искать его…

– Это при вашем-то сравнительно малом весе?

– Столкновение – это ведь не взвешивание двух игроков на весах. Если стокилограммовый защитник стоит, а я мчусь на него, моя кинетическая энергия больше. Важно только поймать момент, когда он расслабится, застигнуть его врасплох. А для этого надо убедить его в том, что я не иду на столкновение, постараюсь сейчас избежать его. И толкнуть. Тут необходимо то же умение перехитрить противника, о котором мы уже говорили.

Мне кажется, можно определить, чего стоит игрок, посмотрев, как он ведет силовую борьбу. Если сам охотно идет на нее – толк будет…

И ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН, И «ЗВЕЗДА»

Талант, труд, настойчивость, постоянное стремление к совершенствованию – черты характера Харламова, которые позволили ему подняться на спортивный Олимп. В 1970 году офицер Советской Армии, заслуженный мастер спорта Валерий Харламов во второй раз подряд становится чемпионом мира, а в 1971 году в Швейцарии в третий раз завоевывает это звание. Но самым памятным и счастливым он считал 1972 год. Из японского города Саппоро в феврале Харламов возвратился на родину с золотой олимпийской медалью, увековечив свое имя в анналах всемирного спорта. А в сентябре после первой, мы бы сказали, исторической серии матчей с сильнейшими канадскими профессионалами был назван, наряду с Владиславом Третьяком и Александром Якушевым, в числе трех самых ярких «звезд» сборной СССР.

Мы никогда не подсчитывали точно, сколько в среднем длится век хоккеиста в большом хоккее, но, как правило, лет десять, редко чуть больше. Бывали, правда, случаи удивительного хоккейного долголетия: Николай Сологубов, Виктор Якушев играли до сорока лет, а в Канаде легендарный Горди Хоу выходил на лед в пятьдесят.

Отдельные исключения, однако, лишь подтверждают общее правило, да к тому же хоккей все время убыстряется, и именно скорость прежде всего теряет игрок с возрастом. Не случайно поэтому, что, как только тихоходный прежде хоккей в Канаде стал переходить на рельсы скоростной комбинационной игры, средний возраст игроков пошел заметно вниз.

Но и короткий хоккейный век меньше всего напоминает триумфальное шествие по дороге, усыпанной лепестками роз. Прошлые успехи могут гарантировать уважение, но не место в основном составе и своего клуба, а тем более сборной. Нужно постоянно доказывать свое право на это, связи, покровительство и интриги здесь не помогут. Можно как угодно ловчить в жизни, но на льду это еще никому не удавалось. Когда ты отдаешь партнеру шайбу, в ничтожную долю секунды решая сложнейшую задачу – твоя скорость, его направление, где он будет через мгновение, что сделают противники и так далее, – ты или делаешь это хорошо, и товарищ потом кивнет тебе благодарно, или плохо. Ты весь на виду, на виду у партнеров, на виду у любителей спорта, и каждый раз сдаешь на льду суровый экзамен. И никого в приемной комиссии на задобрить, никаких переэкзаменовок тебе не

назначат. В этом смысле спорт обладает мощным воспитательным потенциалом.

Подводные рифы подстерегают спортсмена на каждом шагу. Даже механизмы время от времени требуют ремонта и регулировки, а организм человеческий – машина, тысячекратно превышающая по сложности все машины рукотворные. Да, конечно, есть тренер, врач, массажист, которые призваны следить за состоянием спортсмена, строить его режим и тренировки так, чтобы в определенный момент он подошел к пику формы, но ни они и никакие научные бригады никогда не заменят тому жесткого, порой даже сурового самоконтроля.

Можно обладать редчайшим талантом, преподнесенным тебе в дар матерью-природой, но если ты не в состоянии твердо отставить от себя рюмку, когда друзья и поклонники так убедительно доказывают, что от «капельки» вреда не будет, что надо «уважить» именинника, ты обречен.

Можно обладать всеми титулами, но если на бесконечных и порой нудных тренировках ты не умеешь яростно подхлестывать себя, отгоняя соблазнительный шепоток уставших мышц: ты же мастер, ты же все умеешь, чего корячиться, ты и так сработаешь лучше других,- ты обречен. Прокатишься матч, другой, третий по инерции, но инерция, как известно, быстро иссякает, и вдруг заметишь, что перестаешь успевать вовремя к шайбе, поспевать туда, куда умел поспевать.

Но это еще не все опасности. Жизнь хоккеистов в большом спорте вынужденно однообразна. Больше трехсот дней в году она расписана по минутам: тренировки, переезды, игры, врачебные процедуры. Идут годы, и хоккеисту все перестает быть в новинку: он знает все. Он знает всех судей, кто что сделает, что скажет. Он знает всех игроков. Он знает все раздевалки, все дворцы спорта. Даже стюардесс он начинает узнавать в самолетах,

И незаметно подкрадывается душевная усталость, пресыщенность игрой. А она смертельный враг хоккеиста. Чтобы быть игроком с большой буквы, надо уметь сохранять жадность к игре. Праздничное отношение к ней. И если взвесить все те причины, которые способствуют иногда появлению проплешин на трибунах, а то и их полному облысению, далеко не последняя – будничность, скука. Если игрок с трудом сдерживает зевоту, что уж говорить о зрителе? Он просто засыпает. Но, как известно, спать на жестких трибунах не очень удобно, и зритель в следующий раз предпочтет делать это дома.

Все эти рассуждения понадобились нам, чтобы объяснить, каким образом Валерию Харламову удавалось в течение всей своей блестящей карьеры в спорте сохранить высокий

артистический подъем. Интересны высказывания по этому поводу самого Харламова:

– Говорят: «хоккей – не балет!» В смысле жесткости – это, безусловно, так, но во многом хоккей похож на балет. Артисты балета тоже должны адски много тренироваться. Пусть их тренировки называются репетициями, но, в сущности, это те же тренировки.

Я никогда не был за кулисами во время балетного спектакля, но не могу себе представить, чтобы прима сидела, зевала и вязала чулок, а через минуту божественно летала над сценой с победной улыбкой на лице. А ведь она тоже все уже знает. Где какая выщербина на доске сцены, что в следующее мгновение сделает кордебалет.

Знает, а все равно волнуется. А почему? Да потому, что она артистка. Она стремится каждый раз превзойти себя. Ей как воздух нужно признание. Она не может танцевать одна в пустой комнате. Ей нужны зрители, их восторг. Она живет и творит для них.

А мы? К сожалению, мы часто выходим на лед для галочки, чтобы вписать результат очередного матча в турнирную таблицу. Играем без огня, без вдохновения. Чего ж мы хотим от зрителя? Он не дурак, он это чувствует. У зрителя на это фантастический нюх! Стоит выйти на лед с тяжким вздохом подневольного, как вирус скуки начинает свирепствовать на трибунах.

Я это к чему? Мне кажется, мы часто чересчур рациональны и недостаточно артистичны…

Харламов имел право говорить так. Хотя бы потому, что всю свою славную спортивную жизнь сам был артистом на льду. Артистом в самом высоком смысле этого слова.

Владислав Третьяк вспоминает в своей книге «Когда льду жарко…», что Харламов часто говорил: «Люблю сыграть красиво». И далее наш замечательный вратарь добавляет: «Что верно, то верно: хоккей в исполнении Харламова – это подлинное искусство, которое приводит в изумление миллионы людей».

Не одним хоккеем была заполнена его жизнь. Он постоянно интересовался театром, кино, много читал. Его артистической натуре были духовно близки люди искусства: Валерий был дружен с артистами театра на Таганке Владимиром Золотухиным и Борисом Хмельницким, а те познакомили его с Владимиром Высоцким, чьи песни он очень любил.

«Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И.Ильфа и Е.Петрова он знал чуть ли не наизусть, наверное, потому, что сам любил шутку и понимал толк в ней. Помнится, однажды, после того как армейцы выиграли первый период у своего противника

со счетом 6:1, Харламов улыбаясь сказал в перерыве директору Дворца спорта ЦСКА:

– Чего дальше играть? Давайте распоряжение, чтобы гасили свет и распускали публику.

О команде, игроки которой все время выясняли отношения на льду, он заметил:

– Ну и команда – один на всех и все на одного. Писатель Яков Костюковский, большой поклонник футбола и хоккея, даже собрал в записной книжке образчики юмора Валерия Харламова и напечатал их в еженедельнике «Футбол–хоккей».

И артистизм и интеллект Харламова накладывали яркий отпечаток на игру Валерия: ему всегда претила шра грубая, бездумная. Как-то мы сидели на трибуне на стадионе в Лужниках, и Харламов заметил:

– Посмотрите, сколько беготни и как мало мысли.

Слово «мысль» тут весьма знаменательно. Валера всегда думал, как сыграть оригинальнее, неожиданнее для противника, а не метался по коробке в хаотической броуновской толкотне. (Помните эту картину под окуляром школьного микроскопа?)

Когда мы работали над книгой, мы не раз говорили о Харламове со спортивными журналистами, пишущими о хоккее или комментирующими его. Слова были разные, но все сошлись на том, что писать и говорить о нем было интересно, что комментировать его игру скучными, рыбьими словами было стыдно. Что своей яркой изящной игрой он и их заставлял искать слова яркие, незатасканные.

Мастерство Харламова всегда восхищало зрителей. Теперь он был лидером звена. Далеко позади осталось время, когда к Петрову и Михайлову подключили худенького парнишку, и они приглядывались к нему, думали: потянет этот черненький или нет? Забылся и тот неудачный для команды, но такой важный для них матч в Горьком, который они впервые сыграли вместе. Это была уже тройка экстра-класса, получившая мировое признание.

Они достигли удивительного взаимопонимания, когда не обязательно смотреть, чтобы знать, где сейчас или где будет через секунду партнер. Ученые до сих пор никак не разрешат сомнения в существовании телепатии, хотя тратят немало времени на исследование парапсихологических феноменов, а эта легендарная тройка постоянно показывала чудеса телепатии, тонкое и глубокое понимание игры.

Чехарда игроков, которых тренеры подбирали для Петрова и Михайлова, была прервана Валерием, который сразу стал равноправным членом их маленького, но крепкого коллектива. Каждый из них был индивидуальностью, но вместе они

составляли единый слаженный ансамбль и в жизни, и на льду.

Владимир Петров – человек далеко не кроткий, отчаянный спорщик, всегда на все имеющий свое мнение и горячо его отстаивающий. Борис Михайлов тоже никогда в жизни ведомым не был. Он, казалось, и родился лидером, волевым, смелым. И Харламов при всей своей покладистости в «овечках» никогда не ходил.

И тем не менее они не только отлично играли вместе, дружили, уважали друг друга. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не подводили друг друга. Что бы ни случилось, как бы ни складывалась ситуация, спортивная или жизненная, в голове у каждого мелькала одна и та же мысль: а что ребята скажут? Как бы не подвести!

Можно было бы, наверное, математически доказать, как точно Петров, Михайлов и Харламов дополняли один другого: техника одного, помноженная на энергию другого, усиленная настойчивостью третьего и так далее. Все это верно. Но в том-то и была сила этой тройки, что она являла собой не просто сумму качеств трех игроков. Каждый из них был как бы катализатором, способствовавшим проявлению сильных качеств партнера. Благодаря этому они стали лучшей тройкой нашего хоккея тех лет.

Но к удивлению многих на Олимпиаде в японском городе Саппоро в 1972 году Харламов выступал в звене с Владимиром Викуловым и Анатолием Фирсовым, а Михайлову и Петрову придали в партнеры дебютанта сборной Юрия Блинова.

Тренер ЦСКА и сборной А. В. Тарасов, очевидно, счел необходимым укрепить тройку Фирсова. В сезоне 1971/72 года тридцатилетний Фирсов был на излете своей блестящей спортивной карьеры. И можно понять тренера, который стремился максимально продлить жизнь в большом хоккее выдающегося форварда. Харламов был подключен в его звено, чтобы помочь и своим умением дать математически выверенный пас, и дриблингом, и скоростью, а главное, молодостью – Валерию шел тогда всего двадцать четвертый год.

Харламова новые партнеры приняли безоговорочно. А к Блинову Петров и Михайлов отнеслись, мягко говоря, «без энтузиазма» и не раз высказывали вслух свое недовольство.

Харламов лишь пожимал плечами. Нет, не от равнодушия, конечно. По классу своему, по стилю игры, по умению легко адаптироваться, он мог играть с кем угодно и где угодно, почему, видимо, Тарасов и ввел Харламова в звено Фирсова. Он ведь никогда не был капризным «премьером», на которого должны работать, «горбатиться», как говорят хоккеисты, другие.

Наоборот, он был волшебником ювелирного паса и не случайно всегда лидировал по результативным передачам. Просто он был реалистом, понимал замысел тренера, хотя, конечно, предпочел бы играть с постоянными своими партнерами. Ну, а с такими мастерами, как Викулов и Фирсов, ему было нетрудно найти общий язык.

Викулов – один из выдающихся крайних форвардов советского и мирового хоккея. Чемпион Олимпиад 1968 и 1972 годов, многократный чемпион мира и Европы, с прекрасной техникой катания, мастер точного паса. Как отмечал Фирсов, Викулов и Харламов обыгрывали опекунов не столько за счет скорости, сколько ловкости, и не ждали, когда партнеры придут к ним на помощь – забивали сами. Забивал Владимир много. В 414 матчах чемпионатов СССР он забросил 233 шайбы. Лучший бомбардир первенства страны 1972 года. В сезоне 1971/72 года Харламов, Фирсов и Викулов были удостоены приза газеты «Труд» «Три бомбардира» как самая результативная тройка.

«Хоккей – игра, где важна не только сила, ловкость н скорость, но и тактическое искусство, и именно потому Фирсов – один из самых лучших мастеров» – такую характеристику дал нашему форварду Йозеф Черны. Лучшим нападающим его называл Директорат чемпионатов мира в 1967 (11 голов), 1968 (12) и 1971 (11) годах; единственный форвард, который трижды становился олимпийским чемпионом. Игра с таким выдающимся нападающим много могла дать и дала Харламову, и недаром три замечательных мастера, объединенные в одном звене, блестяще сыграли на Олимпийских играх.

Итак, в составе новой тройки Харламов отправился на первую в его жизни Олимпиаду в далекий Саппоро.

В Японию Харламов должен был ехать в составе ЦСКА еще осенью 1968 года. Пришел к автобусу, отправляющемуся на аэродром, но оказалось, что в последний момент вместо него взяли А. Смолина. Теперь же никто не оспаривал его права на участие в олимпийских состязаниях.

Олимпиада, должны сказать по собственному опыту, оставляет неизгладимое впечатление. Туристы, приезжающие почти из всех стран мира, тысячи спортивных журналистов, прибывающих ее освещать, и, конечно, участники с восторгом рассказывают, пишут, вспоминают об этом замечательном спортивном празднике.

Саппоро находится на самом северном из японских островов – Хоккайдо. До Олимпиады этот город был далек от международного спорта, но отлично подготовился к зимним Олимпийским играм. Помимо чисто спортивных сооружений

было построено метро, новые здания, дороги.

Зима на Хоккайдо в тот год выдалась многоснежной. Однако самолет, на котором летели наши хоккеисты-олимпийцы, приземлился в метельном Саппоро без помех – бетонные взлетно-посадочные дорожки, оборудованные искусственным подогревом, были сухи, как в жаркий летний день. Квартировать устроились в олимпийской деревне – девятнадцать пятиэтажных домов для мужчин и две одиннадцатиэтажные «башни» для женщин. «Слабый пол» может ходить на мужскую половину в любое время, а молодым людям к «барышням» вход категорически запрещен.

Такая традиция сложилась еще с 1932 года, когда на летней Олимпиаде в Лос-Анджелесе впервые была устроена олимпийская деревня. Поблизости от спальных корпусов – центр обслуживания, столовая с блюдами кухни многих стран мира, международный клуб с кинозалом, дискотекой, читальней.

К Олимпиаде район Макоманаи, где расположены олимпийская деревня и многие спортивные арены и сооружения, соединили с центром линией метро. Станции просторны, нарядны, и, что удивляло, поезда идут по… одному рельсу.

Знакомясь с Саппоро, хоккеисты побродили среди снежных статуй средневековых воинов, монахов, крестьян, поражающих своими громадными размерами. Потом погуляли по подземному городку, слушая звучащую отовсюду музыку, порадовались тому, что здесь популярна блантеровская «Катюша». Любовались разноцветными струями многочисленных фонтанов.

6 февраля был зажжен олимпийский огонь. Оказывается, чтобы поддерживать его лишь на большой арене, потребовалось столько газа бутана, что средней японской семье его хватило бы на… двести лет. Вот это огонек!

Праздничная атмосфера Олимпиады была по душе Валерию Харламову, и он играл вдохновенно. Уже где-то в середине олимпийского турнира он стал самым популярным хоккеистом, спортивные обозреватели всего мира буквально атаковали наших журналистов в прессцентре, прося рассказать о нем поподробнее. А на табло снова и снова появлялась фамилия нашего форварда и забрасывавшего шайбы, и дававшего голевые пасы.

В матче с американцами, который наши хоккеисты выиграли – 7:2, Харламов и Викулов разыграли великолепную комбинацию. Она была столь стремительная, что те, кто смотрел матч в прессцентре по телевидению, не сразу установили, Харламов ли забросил шайбу или Викулов. Начался спор. Оказалось, все-таки Харламов.

Это была не просто комбинация – от чересчур частого употребления комментаторами слово изрядно поистерлось – это

был шедевр хоккейного искусства. И, как всегда в таких случаях, стало грустно, что мелькнула она яркой звездочкой и погасла. Промчались два игрока на огромной скорости, перепасовывая так, словно жонглировали шайбой, и забили гол. Все. А комбинация заслуживала того, чтобы войти в хоккейные учебники как пример высочайшего мастерства.

Советские хоккеисты выиграли, за исключением одной, все встречи олимпийского турнира. Матч со шведами завершился вничью – 3:3. Этот самый трудный для нас поединок, в котором канадский тренер скандинавов, применив тактическую новинку – сыграл в четыре звена в атаке с одним «скользящим» форвардом, – доставил, немало хлопот нашим наставникам и хоккеистам. Но Валерий и в этом матче был на высоте. Он открыл счет. Потом Фирсов забил гол с его подачи. Харламов забросил и третью шайбу.

Первый олимпийский турнир завершился для Харламова блестяще: он стал олимпийским чемпионом в составе сборной. Серебряные медали завоевали американцы, бронзовые достались хоккеистам Чехословакии, которые спустя два месяца на чемпионате мира и Европы в Праге доказали, что они достойные соперники нашей сборной, завоевав звание чемпионов мира и Европы.

Повезли команду в Прагу новые тренеры – В.Бобров и Н.Пучков, поскольку А.Чернышев и А.Тарасов попросили освободить их от руководства сборной страны.

Оба новых тренера личности в нашем спорте выдающиеся.

Восхождение звезды Всеволода Боброва на спортивный небосклон было стремительно. Родился он под Ленинградом, в Сестрорецке, и так же как отец Харламова обучил сына азам хоккея с мячом и футбола, так и кадровый рабочий Михаил Бобров приохотил сына к двум этим самым популярным в стране до войны играм.

Приехав после окончания военного училища в 1944 году из Омска в Москву, Бобров попал в команду ЦДКА (Центральный Дом Красной Армии) к одному из наших самых знаменитых футбольных тренеров Борису Андреевичу Аркадьеву. Нелегко в ту пору было пробиться в основной состав именитого клуба. Но Боброву это оказалось по силам.

Впервые он вышел на поле в красной футболке в матче с московским «Локомотивом», заменив ветерана Петра Щербатенко. Счет в этот момент был уже 4:0 в пользу армейцев, и Аркадьев мог позволить себе без риска испытать новобранца.

Так уж получилось, что играл против дебютировавшего на месте левого полусреднего В. Боброва в том матче полузащитник

Николай Эпштейн, ставший впоследствии известным хоккейным тренером.

Николай Семенович вспоминает:

– До конца игры оставалось минут пятнадцать, счет был 4: 0 в пользу армейцев, команда которых была в то время сильна необычайно. Игра была сделана, мы понимали всю тщетность попыток отыграться и спокойно доигрывали оставшееся время. Но вот на замену вышел высокий, хорошо сложенный парень, но какой-то полусонный. Не бегает, а как бы бродит по полю, словно все происходящее его ни в малейшей степени не касается.

Ну, думаю, можно хоть немного перевести дух. Этого сонного нечего опасаться. А какое может быть настроение при счете 4: 0 в пользу соперника, сами понимаете. И в этот момент этот долговязый получил мяч и двинулся с ним к нашим воротам. Любой игрок, предпринимая ускорение, вкладывает в рывок все силы. Мой противник, казалось, не делал ни малейших усилий набрать скорость. У него даже выражение лица не изменилось: оно оставалось такое же безмятежно-спокойное.

Но не успел я понять, что происходит, как этот новый игрок армейцев оказался прямо передо мной. Он не остановился, чтобы обвести меня, не замедлил бег. Я даже не понял, как это он сделал, но через мгновение он оказался у меня за спиной, вышел к воротам и аккуратно, все так же легко уложил мяч в сетку.

Минут через пятнадцать все это повторилось, как в кошмарном сне. На этот раз я уже знал, чего опасаться, знал, на что способен этот флегматичный на вид армеец, и как только мяч отпасовали ему, атаковал его в момент приема.

Он начал делать финт, чтобы обойти меня. Мне казалось, что делает он его очень медленно, бесхитростно. Я видел, что он на самом деле приготовился пройти слева, и у меня более чем достаточно времени, чтобы отнять мяч. Но мне показали фокус: молодой армеец мгновенно обошел меня справа и уже мчался к воротам. Пока я разворачивался, он успел забить второй в этом матче гол.

Потом я множество раз видел игру Боброва и на зеленом поле, и на льду и всегда поражался этому мгновенному рывку, этой способности оказываться в нужный момент именно там, где ему следовало быть, этому редкостному умению делать все необыкновенно быстро, нисколько при этом не спеша, не суетясь.

Защитнику вспоминать, как его подряд дважды легко обыграли в одном матче, причем не просто обыграли, а обыграли, забив оба раза по голу, должно быть тяжело. Мне не тяжело. Я столкнулся с редким талантом.

А талантлив Всеволод Михайлович Бобров был необычайно.

Осенью 1945 года, всего несколько месяцев спустя после дебюта в чемпионате страны, Бобров ездил в знаменитое турне по Англии в составе московского «Динамо».

Хоккей с шайбой начался в нашей стране в сезоне 1946/47 года, и в первом же сезоне Бобров играл за хоккейную команду армейцев. Причем играл так, что прибывшие в 1948 году чешские хоккеисты из пражского клуба ЛТЦ только развели руками. Пражане были в то время неизмеримо опытнее нас и приехали поучить советских коллег новой для нас игре. Но, увидев на льду Всеволода Боброва, сказали:

– Такой «звезды» мы никогда не видели.

Они не ошибались и ничего не преувеличивали, В 1954 году наша сборная по хоккею с шайбой впервые отправилась на чемпионат мира в Стокгольм, и Всеволод Бобров был признан лучшим нападающим чемпионата.

Одного из авторов этой книги судьба впервые свела с Бобровым, «Бобром», как звали его болельщики, еще во время его учебы в военном училище. Поэтому мы с полным основанием можем засвидетельствовать, что уже тогда Всеволод Михайлович играл в футбол великолепно, как играл позже в ЦДКА и сборной, восхищая любителей футбола и болельщиков.

Природа наделила его редкостным даром координации. Он управлял своим большим, отлично развитым телом поистине виртуозно, а главное, легко, без видимых усилий. Этот дар плюс интуиция, без которой нельзя достичь высот в игровых видах спорта, делали Боброва спортсменом уникальным. К сожалению, травмы преследовали его и ограничили его спортивный век, а смерть прервала его тренерскую карьеру, отмеченную многими большими успехами.

В 1972 году ему было пятьдесят лет, Бобров уже успел завоевать тренерский авторитет, приведя «Спартак» к золотым медалям в чемпионате страны, и вполне естественно, что к нему, человеку ослепительной славы, обратилось руководство Спорткомитета с просьбой возглавить сборную страны.

Николай Георгиевич Пучков, как и Бобров, начинал с футбола. Играл он вратарем в команде ВВС, а зимой, чтобы не терять форму, в хоккей. В то время многие спортсмены совмещали футбол и хоккей. Когда хоккейная команда ВВС погибла в авиакатастрофе, Пучков стал основным вратарем. А потом хоккей его совсем перетянул.

К этому времени он уже успел присмотреться к игре рижанина Харри Меллупса. В то время, когда наш хоккей с шайбой только рождался, рижане, уже имевшие опыт в этой «странной» игре, в которой вместо привычного плетеного мячика

гоняли по льду тяжелую резиновую плашку, как тогда называли всем знакомую теперь шайбу, были непререкаемым авторитетом.

Нынешним хоккеистам и любителям хоккея теперь даже трудно представить себе то время, когда в стране не было ни одной площадки с искусственным льдом, когда играли в мороз, в оттепель, во вьюгу и даже буран, а зрители дружно пританцовывали, стоя на трибупах, и хлопали себя по-извозчичьи по бокам, чтобы както согреться.

Хоккей с шайбой пришел из Канады и назывался в те времена канадским, и Николай Георгиевич засел за английский язык, чтобы читать канадскую хоккейную литературу в оригинале. Осваивать терминологию хоккея было непросто, потому что словари наши давали какие угодно значения слов, но только не хоккейные, и не сразу можно было догадаться о значении, скажем, слова «стэк». Чего только не было в словаре: и палка, и клеить, и прилипать, и бог знает что еще. Не было только одного значения, нужного Пучкову, – «клюшка». И пришлось молодому вратарю, впоследствии вице-президенгу Общества дружбы СССР – Канада, составлять собственный англо-русский словарик хоккейных терминов. Пополнял он его все время, особенно во время поездок в Канаду.

Настойчивость и преданность Пучкова хоккею были и остаются удивительными. Он избегал терять время попусту. А тренироваться он мог даже сидя на… стуле.

– Это очень просто, – объяснил Пучков. – Я закрываю глаза и представляю себе нападающего, выходящего один на один к воротам, которые я защищаю. Вот он пытается уложить меня на лед финтом, но я не поддаюсь. Я лишь слежу за шайбой…

В 1956 году Николай Пучков стал одним из героев зимней Олимпиады в итальянском городке Кортина д'Ампеццо. В Риме на олимпийском стадионе установлены мраморные статуи героев Олимпиад, проводившихся в Италии. Статуя хоккейного вратаря вылеплена с Николая Георгиевича Пучкова.

Закончив играть, Пучков стал тренером, работал с ленинградским СКА, привел команду к бронзовым медалям. Его высочайшая требовательность к себе самому не только помогала в работе, но и создавала определенные трудности. Он просто не мог понять игроков, которые не отдавали себя целиком хоккею.

Вот такой новый тренерский дуэт и принял сборную СССР по хоккею.

Оба в судьбе Харламова сыграли большую роль. Всеволод Михайлович Бобров и раньше был его кумиром, а узнав легендарного футболиста и хоккеиста в работе, в тесном каждодневном общении, Валерий проникся к нему еще большим

уважением, да что говорить – был в него влюблен. Поистине наградой для Харламова было сыграть с Михалычем в хоккей на тренировке или в футбол в товарищеском матче.

С Николаем Георгиевичем Пучковым Харламов был в тесном контакте меньше сезона, но не раз вспоминал его с благодарностью. И как тренера, хотя Пучков держался с игроками да и коллегами-тренерами официально (даже многолетнего партнера, кумира и друга Боброва чаще всего называл Всеволод Михайлович, хотя имел полное право на короткое, дружеское – Сева) и просто как человека.

– Что, вы думаете, купил в Саппоро на командировочные Пучков? – спрашивал восхищенно Харламов и сам же отвечал. – Правильно подумали, японский стереомагнитофон. А кому? Себе? В том-то и дело, что команде. У них, видите ли, на спортбазе в Кавголове «бедновато» и «скучновато» – есть только бильярд с выщербленными шарами и одним кием. Тренер и решил поднять культурный досуг на высоту.

Вот это человек! Не говоря уже о том, какой спортсмен был и как тренировки проводит!

Естественно, ни о какой серьезной перестройке, реконструкции в сборной СССР речи быть не могло. Времени не хватало даже на небольшой текущий ремонт, который сделать было совершенно необходимо.

Анатолий Фирсов – большой мастер нашего хоккея – заканчивал свою блистательную карьеру, и в тройку с Владимиром Викуловым и Валерием Харламовым поставили Александра Мальцева, признанного, кстати, в апреле лучшим форвардом мирового первенства.

После Олимпиады ставился крест на спартаковцах Евгении Зимине, Владимире Шадрине и Александре Якушеве. «…Это спортсмены высокого класса. Но их учат играть в старомодный хоккей – они играют в хоккей прошлых лет, а не в хоккей будущего»,- писал о них один из тогдашних авторитетных специалистов.

Новые тренеры, напротив, высоко ценили этих форвардов, в особенности Якушева. Вот что писал в «Правде» об игре Александра В. Бобров после пражского чемпионата: «Раньше А. Якушева в сборной подгоняли под намеченную тактическую схему, заставляя играть на передачах. Мы же дали ему возможность действовать так, как он умеет, как у него лучше получается, иначе говоря, не хотелось сковывать его. Спартаковец не подвел нас. Мне кажется, что пражский чемпионат, пожалуй, лучший в биографии этого незаурядного форварда».

Пражский чемпионат мира выдался на редкость трудным,

чехословацкая команда была подготовлена идеально, и наша сборная вернулась домой с серебряными медалями. Хозяева чемпионата были в апреле в пике спортивной формы, а олимпийские чемпионы миновали его в феврале. Чувствовалось это в игре юного вратаря Третьяка. Тренеры вынуждены были оставить дома уставших Фирсова и Давыдова. В Праге долго болел и не выступал Цыганков. Один из ключевых матчей со сборной ЧССР пассивно провел Викулов.

Первую встречу с хозяевами сыграли вничью – 3:3, во второй уступили – 2:3. Одна шайба все и решила.

Несмотря на относительную неудачу, у руля сборной остался В. Бобров, а помогать ему стал возглавивший «Крылья Советов» Б. Кулагин.

А что же Валерий Харламов? Он и в Праге сыграл отменно. В. Бобров отмечал в уже упоминавшейся нами статье: «Как всегда в последние годы, ярко сыграл В. Харламов».

В Праге он, правда, больше пасовал, нежели забивал сам. Но все равно тройка Викулов – Мальцев – Харламов забросила шайб больше всех. А бывали матчи, как, например, с финнами во втором круге, когда Харламов и пасовал и забивал. В той игре он провел гол, когда наши были в меньшинстве, и еще два при равных составах. В труднейшей встрече с хозяевами во втором круге один из двух наших голов забил Харламов, а другой – его новый партнер, ставший на много лет верным другом, Мальцев. Уж на что чехословацкие болельщики яро поддерживали своих любимцев, но и они восхищались виртуозной игрой Харламова.

А журналисты включили Валерия в «Олл старз», выглядевшую так: вратарь Холечек (86 голосов), защитники- Махач (79), Поспишил (75), нападающие – Викулов (28), Мальцев (96), Харламов (91).

…В самый разгар пражского чемпионата в гостиницу, где жили хоккеисты, принесли огромную корзину апельсинов. Это сотрудники испанской торговой фирмы из Валенсии, поставлявшие в тот год в Чехословакию апельсины, узнав, что Харламов наполовину испанец и в знак восхищения его игрой, преподнесли ему в подарок свой отборный продукт.

Но это маленький забавный эпизод. Другое же событие, тоже имевшее место в те дни в Праге, сыграло значительную роль в судьбе Харламова: была достигнута договоренность о встречах советских хоккеистов с канадскими профессионалами из НХЛ.

Переговоры об этих встречах тянулись много лет. В конце концов даже Д. Ахерн, президент ЛИХГ, заявил: «Лично я против встреч любителей с профессионалами. Наши лиги чужды друг другу по духу и целям. Но зная о жгучем интересе к таким

матчам, я согласен с мнением исполкома ЛИХГ, который еще несколько лет назад уведомил, что у него нет принципиальных возражений против подобного сравнения сил хоккеистов-любителей и профессионалов. Мы лишь просим заранее оповестить о месте и условиях игры.

Если они пройдут по любительским правилам, победит сборная СССР, если по кодексу профессионалов, то на первых порах выигрывать будут канадцы из НХЛ».

Тем не менее выдвигались различные условия. Скажем, чтобы профессионалов в команде было не более девяти, чтобы они были не из ведущих команд. Вдруг «возникали» опасения, что состязания с «профи» станут препятствием для выступления сильнейших советских хоккеистов на Олимпийских играх.

Когда В. Бобров, возглавив сборную СССР, встретился в Праге с представителями канадских хоккейных кругов и вновь встал вопрос о встречах с профессионалами, он был решен незамедлительно.

Бобров не ставил никаких условий, он просто сказал «да». Мы готовы сыграть серию. В матчах может принять участие любой канадец и гражданин СССР мужского пола, а встречи пройдут по правилам ЛИХГ. (К этому времени они мало чем отличались от кодекса профессионалов НХЛ.) Через несколько часов канадские газеты уже пестрели громадными шапками. «Наконец-то канадские профессионалы встретятся осенью с русскими хоккеистами», – восклицал заголовок в монреальской «Газетт», набранный через всю спортивную страницу. «Канада и Россия схватятся осенью в серии из восьми матчей», – сообщала своим читателям торонтская «Глоб энд мейл».

Корреспондент агентства ЮПИ сообщал из Праги: «Советские хоккеисты очень хотели бы сыграть с канадскими профессионалами и решительно поддерживают идею возвращения Канады к участию в чемпионатах мира по хоккею – эти слова принадлежат старшему тренеру советской команды Всеволоду Боброву, давшему интервью агентству ЮПИ во время нынешнего чемпионата мира».

Одному из нас довелось быть в гостиничном номере Николая Георгиевича Пучкова, когда вице-президенту Общества дружбы СССР – Канада позвонили из Монреаля.

– Приедут ли советские хоккеисты в сентябре в Канаду? – спросили Николая Георгиевича.

– Конечно, ведь договорились, – ответил он.

– В каком составе?

– В боевом.

– Каких вы ожидаете результатов?

– Будет борьба, но при любом счете в выигрыше останется хоккей.

Эти ответы Пучкова вскоре появились во многих газетах Канады и США.

Всю советскую прессу обошло сообщение ТАСС о подписании соглашения о матчах с профессионалами, хотя соглашение подписывалось вечером и информация из Праги поступила на телетайпы в поздний час.

Хоккейный мир предвкушал встречи многократных чемпионов мира с почти легендарными профессионалами из НХЛ и с нетерпением ждал осени.

Ждал нового своего «звездного часа» и Валерий Харламов.

«ОСТАНОВИТЕ СЕМНАДЦАТЫЙ НОМЕР!»

Много лет шли разговоры о встречах между нашей сборной с канадскими профессионалами. И наконец, договоренность была достигнута.

Перед началом первой серии матчей с канадскими профессионалами прогнозов было множество. Все в Канаде считали себя хоккейными оракулами и точно знали, чем кончится серия – сокрушительной победой профессионалов.

Джек Коффман писал в оттавской газете «Ситизен»: «Одно совершенно ясно: они не добьются успеха в играх с лучшими профессиональными клубами».

«Успехи русских в хоккее порядком преувеличены, – заявил журналистам тренер «Монреаля» Клод Рюэль – Хотел бы я посмотреть, как они попытаются сыграть с любой из команд НХЛ».

Но это высказывания канадских оракулов. А что думали осенью 1972 года у нас? Большинство специалистов вздыхали, качали головами. Вспоминали игру вратаря Сета Мартина, экс-профессионалов защитников Карла Бревера, Джека Боуэнса и других. И тут же добавляли, что, несмотря на великолепную игру Мартина, он считался далеко не лучшим вратарем у себя на родине. В общем, прогноз общественности был довольно пессимистичен…

Перед самым отлетом в Монреаль журналисты беседовали со старшим тренером нашей сборной Всеволодом Михайловичем Бобровым. Как и полагается любому старшему тренеру, выглядел он озабоченным. В команде шла смена поколений, игроки пришли в сборную недостаточно тренированными, хоккейный сезон только начинался, и их пришлось срочно подтягивать до нужного уровня.

– А все-таки, Михалыч, сам-то как думаешь? – допытывались журналисты у Боброва. – Неофициально, не для печати.

Всеволод Михайлович усмехнулся, и его нахмуренное лицо стало сразу лукавым:

– Почти двадцать лет назад, в пятьдесят четвертом, нас тоже пугали канадцами. Они, говорили, надо льдом летают, шайбу бросают так, что гвозди ею забивать могут. И что приготовиться нам нужно к поражению с двузначным счетом. У некоторых из ребят зуб на зуб не попадал при мысли о канадских страшилищах. И что получилось? Страшилища при ближайшем рассмотрении оказались обычными игроками, даже послабее нас,

и мы родоначальников хоккея обыграли. Да не просто у них выиграли, а расколотили со счетом семь два.

– Но то ведь были любители…

– Верно. Но и мы за эти годы кое-чему научились. Тогда ведь азы хоккея с шайбой осваивали, не знали толком, как клюшку держать, а теперь давно уже не чувствуем себя учениками. Так что, думаю, преподнесем мы хоккейному миру еще одну сенсацию.

Есть виды спорта, которые требуют предельного напряжения физических и духовных сил: скажем, у бобслеистов при спуске сердце бьется со скоростью более двухсот ударов в минуту. Штангист, штурмуя рекордный вес, должен несколько мгновений сражаться и с самим чудовищным весом, и со страхом перед этим весом.

А тренер? В отличие от спортсменов, нервное напряжение которых уравновешивается огромными физическими нагрузками, он один на один со своим бешено колотящимся сердцем, один на один с потоком адреналина, который безостановочно выбрасывается в кровь. Все инстинкты вопиют: да иди же! Беги! Сделай что-нибудь! Забей! Но все это делать должны его ученики, а он может лишь смотреть. Смотреть и во что бы то ни стало сохранять спокойствие и уверенность, потому что его спокойствие и уверенность мгновенно передаются команде.

Мало того, постарайтесь войти в положение Боброва осенью 1972 года. Это ведь он дал добро на встречи наших хоккеистов с канадскими профессионалами. Он взял на себя огромную ответственность. Он отвечал не только перед Спорткомитетом – официальных лиц он не страшился никогда, – но и перед миллионами наших болельщиков. Он отвечал за честь советского спорта.

В глубине души Всеволод Михайлович, конечно, беспокоился за исход предстоящих матчей, но вида, что переживает, изо всех сил старался не подавать. Напротив, он распространял вокруг себя спокойствие, и всякий, кто соприкасался с ним, ощущал уверенность старшего тренера в успехе дела.

А уверенность ох как была нам нужна! Ажиотаж перед первой встречей в Монреале достиг такого накала, что спортивный обозреватель Дик Беддос написал в газете «Глоб энд мейл»: «В победе профессионалов с крупным счетом в первом матче я настолько уверен, что в противном случае обещаю публично съесть эту свою статью».

Забегая чуть вперед, скажем, что оказался он хоть и не пророком, но человеком слова и после окончания игры явился в отель, где остановилась наша команда, для расправы со статьей.

Она была довольно пространной, поскольку в ней подробно рассказывалось, почему именно канадцы выиграют, и выиграют крупно, и съесть ее всухомятку было довольно трудно. Наши хоккеисты, следуя рыцарским традициям советского спорта, разрешили «оракулу» накрошить статью в суп…

Но напомним, хотя бы вкратце, как была добыта эта победа, как блестяще оправдались слова Боброва о еще одной сенсации.

Проходила игра в знаменитом монреальском «Форуме», до предела заполненном болельщиками, которые пришли посмотреть, как их кумиры растерзают «русских медведей», осмелившихся скрестить клюшки с цветом канадского хоккея.

Места у телевизоров заняла… вся Канада. У нас тоже все мужское население да и значительная часть женского смотрели телерепортаж. Чтобы провести его, Н.Озеров покинул Олимпийские игры в Мюнхене и прилетел через океан в Монреаль.

Шайбу в игру вбросил премьер-министр Канады Пьер-Эллиот Трюдо.

Начали канадцы с яростных атак. Они шли вперед с твердой убежденностью в том, что они лучшие в мире хоккеисты и никто не может противостоять им. И когда на первой же минуте встречи стокилограммовый форвард из «Бостон брюинз» Фил Эспозито вскинул клюшку после заброшенной в ворота Третьяка шайбы, зал разразился шквалом аплодисментов.

После второй шайбы, заброшенной Полом Хендерсоном, ликование охватило двадцать тысяч зрителей, заполнивших трибуны «Форума»: урок настоящего хоккея преподавался этим русским выскочкам. Все шло так, как должно было идти.

Но тут Евгений Зимин сквитал одну шайбу, а вскоре Владимир Петров, завершая атаку, начатую Борисом Михайловым и Валерием Харламовым, сравнял счет. В зале стало тихо. Слышался только хруст льда под лезвиями коньков, гулкие удары шайбы о деревянные бортики, короткие выкрики игроков и трель судейского свистка. Зрители переводили взгляд с табло на лед и со льда на табло, словно хотели еще раз убедиться, что две шайбы в сетке канадских ворот и равный счет – это не нелепая шутка, не некая иллюзия, а неожиданная реальность.

Второй период стал триумфом Валерия Харламова. Он уже играл на родине хоккея, играл блестяще, но то были игры с любителями, и, несмотря на сокрушительное поражение от русских, канадские болельщики лишь пожимали плечами: да, русские выиграли много матчей, играли они неплохо, и этот черненький форвард с неудобопроизносимой фамилией неплох, ничего не скажешь, но ведь играли-то с любителями.

Теперь на льду в Монреале против нашей сборной была сборная могущественной профессиональной лиги НХЛ, то есть цвет канадского хоккея, лучшие из лучших. Родоначальники хоккея играли на своем поле, в родных стенах. Отступать было некуда. Нельзя было в случае поражения снова сказать: да, но это были не самые лучшие, посмотрим, что вы запоете, когда увидите самых…

Второй тайм начался при счете 2: 2. И по тому, с какими сосредоточенными лицами выходили на лед канадцы, забыв о фотографах и телевизионных камерах, видно было, что и они поняли, с кем играют.

Конечно, ни одна команда НХЛ не выбирает игроков по росту и весу, но такие малогабаритные спортсмены, как Уэйн Гретцки из «Эдмонтон ойлерз» – «звезда» НХЛ №1 – скорее исключение. Особенно защитники. Как правило, это мощные атлеты, смелые, любящие игру жесткую, построенную на силовых приемах. Тот, кто попытался бы сравнить Валерия Харламова с канадскими защитниками по антропометрическим данным, вывод сделал бы один: паренек обречен. Но двадцать тысяч зрителей на трибунах «Форума» и миллионы телезрителей с удивлением наблюдали, как семнадцатый номер советской дружины расправлялся с канадскими защитниками. Он демонстрировал превосходство искусства над силой, скорости – над массой. Он обходил противников с легкостью, которая заставляла их ошеломленно озираться по сторонам: где этот дьяволенок, который, казалось, только что уперся в защитника и остановился в нерешительности, а в следующее мгновение уже оказался позади него.

Искушенные в тонкостях хоккея канадские зрители видели много великих игроков. Они аплодировали легендарному Морису Ришару, прозванному за реактивную скорость «Ракета». Они скандировали: «Ка-та-пульта!» – когда на поле выходил знаменитый ревнитель чистого хоккея двухметровый гигант Жак Беливо. Они восторгались реакцией вратарей Жака Планта и Джорджа Везины.

Они видели стремительный бег на коньках, видели искусное владение клюшкой, снайперские мощные броски, видели точные пасы, игру без шайбы. А теперь своим виртуозным мастерством их удивлял этот невысокий, не отличающийся мощью игрок.

В тот памятный период Валерий Харламов забросил две шайбы в ворота сборной Канады. Позже он вспоминал:

– После этого матча в Монреале советских хоккеистов узнавали на каждом шагу, и, где бы они ни появлялись, – сразу толпа, всем нужны автографы, каждый хочет что-то спросить. Ладно бы на стадионе – там собираются болельщики, но ведь и на

улицах, и в магазинах – всюду так.

Не будет преувеличением сказать, что канадский профессиональный хоккей испытал за эти двадцать минут чистого игрового времени такой шок, который вывел его из десятилетий спокойного самодовольства и заставил произвести мучительную переоценку ценностей. Матч, закончившийся со счетом 7:3, особенно его второй период, навсегда вошел в анналы советской и канадской хоккейной летописей.

Несколькими годами позже, вспоминая эту игру, Харламов говорил:

– Нет, бояться мы их не боялись. И не потому, конечно, что считали противников слабаками. Это было бы глупо. Во время предыдущей поездки в Канаду мы видели матчи профессионалов, знали, на что они способны. Но мы верили в себя. Эта вера воспитывалась победами нескольких поколений наших хоккеистов. К тому же с нами был Всеволод Михайлович Бобров, который в 1954 году был героем сенсационной победы над канадцами, когда также прочили советской команде поражение.

– Но честно, Валерий, уверены ли были ребята в крупном успехе тогда в «Форуме»?

– Если заранее быть уверенным в победе, можно продуть кому угодно. Любая самоуверенность в спорте наказуема. Я не о том говорю. Была уверенность в своих силах, уверенность в том, что наш хоккей не хуже, а, может быть, лучше канадского. Ну и, конечно, важно то, что играем мы в разную игру…

– Вы имеете в виду разное толкование правил? Харламов усмехнулся.

– Дело не в правилах, они сейчас, расходятся в мелочах. Я говорю о другом: известно, что профессионал играет за деньги. Причем за большие деньги. И выкладывается за них до финальной сирены. В этом смысле он знает, за что играет. У нас другие стимулы. Нас ведет в спортивное сражение и помогает победить любовь к Родине, чувство высокой ответственности перед всем народом, доверившим нам защищать честь советского спорта.

А деньги что? Когда мы сыграли первые матчи с профессионалами в Канаде, на нас со всех сторон посылались предложения контрактов, причем каких! Миллионных, представляете?

– Какое у вас было ощущение, когда вам предлагали миллион долларов?

– Чувство удовлетворения. Ага, грозились шапками закидать, а теперь приглашаете с поклонами. И смешно было: я – и вдруг миллионер!

– Как складывалась сама игра? Первая игра в Монреале?

Харламов подумал немножко и сказал:

– Волновались мы очень. Особенно когда забили нам два гола. Но тут помог тренер. Авторитет Всеволода Михайловича был для нас очень высок. Возбужденный плюхнешься на скамейку во время смены, сделаешь глоток из кувшинчика, передашь соседу, а напряжение не спадает. И тут глянешь на Боброва, лицо, как обычно, чуть нахмуренное, но совершенно спокойное – и спокойствие, и уверенность снова возвращаются к тебе.

К тому же играл я в своей родной тройке с Борей Михайловым и Володей Петровым, с которыми я всегда чувствую себя уверенно. Володя Петров… Да очутись мы с ним, кажется, на Марсе, он бы и там сохранял апломб. Как-то приехал к нам чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Володя к нему: «Может, сыграем партию, я – лучший шахматист команды». Карпов человек вежливый, улыбнулся и отвечает: «Ну, раз лучший, тогда, конечно, сыграем». Сели, и, как вы понимаете, чемпион мира мгновенно выиграл. «Петя» наш – так мы его зовем- говорит: «Это я не сосредоточился. Сыграем еще одну». Представляете, мучил бедного Карпова до тех пор, пока не сыграл с ним вничью.

Вы обратили внимание, как Володя разыгрывает вбрасывание? Он должен всегда выиграть его. Понимаете, должен! Проигрыш вбрасывания – это личное оскорбление для него. Добавьте к этому характеру мощную фигуру и отчаянную храбрость, и вы получите то, что один болельщик назвал «боевая машина хоккея».

А Борис Михайлов – скала! Не все знают, как он начинал. Когда мальчишкой играл во дворе, был у него один конек, потом уж раздобыл второй. Годы были первые послевоенные, четверо сыновей у мамы, не до коньков, как вы понимаете. И не до клюшек. Сам их делал. Выпиливал из доски. Несколько раз ударишь- и в щепки. И снова выпиливал. Представляете, какой характер иметь надо! А щитки? Он нам рассказывал, пришла ему в голову «гениальная» идея: сделать щитки из старых водосточных труб. И сделал. Грохот стоял страшный, когда в них попадала шайба или кто-нибудь задевал клюшкой. Когда Борис вырос, он хотел поступить на курсы водителей локомотивов, а его не приняли по… состоянию здоровья. Как же нужно было вкалывать на тренировках, как держать себя в ежовых рукавицах, чтобы человеку с ослабленным здоровьем стать лидером нашего хоккея! Тот, кто не занимал позицию на «пятачке» у ворот противника, никогда до конца не поймет, что это такое. Тебе не только клюшку прижимают, но и толкают, и бьют, и пытаются

свалить с ног. Иной раз смотришь, здоровенный защитник, а то и два, чего только не делают, чтобы свалить Бориса, а он стоит. И только потом под душем видишь, что он весь в пятнах, как леопард: в синяках, ссадинах, подтеках. И это, заметьте, при сравнительно небольшом весе и вовсе не богатырском здоровье.

Тут и упорство, и воля, и умение терпеть боль, и мгновенная реакция. Ведь в момент столкновения важно собраться, напрячь мускулы, чтобы от тебя, как от железного столба, отскакивали защитники.

И с такими товарищами бояться кого-нибудь? Нет, даже при счете 2:0 в пользу канадцев паники не было. Ну, а когда Женя Зимин забросил историческую шайбу – первую в ворота канадцев профессионалов – тут и вовсе успокоились. Не заколдованные, выходит, у них ворота. Потом Володя Петров сравнял счет, сравнял и подмигнул нам, и все встало на свои места.

Как комментировали этот исторический матч печать и специалисты?

«Торонто стар»: «У тренера Синдена были миллионы друзей, теперь – всего горстка».

«Уолл-стрит джорнал»: «Поражение в холодной войне на льду».

«Манчестер гардиан»: «Канадские звезды – поверженный миф».

Бобби Кларк, названный лучшим канадским хоккеистом в этом матче, заметил: «Если бы счет был 5:4, можно было бы в чем-то сомневаться, но сегодняшний итог безапелляционен».

Из сообщения телеграфного агентства Рейтер: «Этот матч разрушил миф, что канадские звезды шутя одолеют русских, потому что лучше бегают на коньках, точнее передают шайбу и мощнее обстреливают ворота. Советская команда, по мнению самих канадских специалистов, играла фантастически».

Вспомним ход остальных матчей этой незабываемой серии. Во втором матче в Торонто раздосадованные канадцы выставили сразу девять новых игроков. Игра шла упорная, защитные линии были предельно мобилизованными, и после первых двух периодов счет был самый что ни на есть футбольный – 1:0 в нашу пользу. Может быть, виной тому был разгром канадцев в Монреале, может, рано наши игроки поверили во вторую победу, но на последний период они вышли недостаточно собранными и тут же поплатились за это – победили канадцы со счетом 4:1.

В Виннипеге счет был ничейный – 4:4, а в последнем матче, в Ванкувере, наша сборная снова выиграла, на этот раз забросив пять шайб и пропустив три.

Огромное впечатление произвели на канадскую публику и

специалистов молодой советский вратарь Владислав Третьяк, форварды Александр Якушев, Валерий Харламов. Этих троих признали «звездами» из «звезд».

Вот что писал известный североамериканский спортивный журналист Марк Мелвой: «Теперь, по прошествии самой отрезвляющей недели в истории канадского спорта, хоккей стал русской игрой. За какие-то семь дней сборная СССР развеяла столетний миф о превосходстве канадского хоккея и покончила с легендой о непобедимости игроков НХЛ.

…Советские хоккеисты не только потрясли профессионалов скоростью своего катания, филигранно точными пасами, совершенством позиционной игры, поразительно точными бросками по воротам и великолепным вратарским искусством, которое продемонстрировал Владислав Третьяк, но и завоевали симпатии зрителей во всех городах, где им довелось выступать».

20 сентября канадцы прилетели в Москву для проведения второй половины серии. Советские журналисты прямо в аэропорту Шереметьево атаковали Фила Эспозито. Этот стокилограммовый великан с необычайно выразительным лицом, львиной гривой волос и театральными манерами стал кумиром канадских и американских любителей хоккея, хотя жизнь его в спорте складывалась далеко не легко. Вначале он попал в команду «Чикаго блэк хоукс», где долго прозябал в тени знаменитого Бобби Халла. И лишь перейдя в команду «Бостон брюинз» и начав играть с Бобби Орром, он, наконец, нашел себя.

Теперь, стоя на площади перед аэровокзалом и слегка поеживаясь в одном только клубном пиджаке от свежего ветерка, он терпеливо беседовал с журналистами.

– Надеюсь, что предстоящие встречи в Москве пройдут еще интереснее, чем в Канаде. Жаль, что я раньше не наблюдал за игрой советских хоккеистов, когда они приезжали в Канаду и США. Все они отличные конькобежцы и блестяще подготовлены физически.

– Перейму ли я что-нибудь у советских хоккеистов? Уже перенял. Что именно? Пока это секрет, ведь мы всетаки еще проигрываем два очка. Надеюсь, «острых» моментов в матчах будет немного, хотя хоккей не балет. Лично я в потасовках участвовать не люблю, мне уже сломали один раз руку, потом нос, с меня хватит.

– В сборной СССР мне особенно понравился Якушев. Я бы не против выступить в одной тройке с такими крайними, как Михайлов и Харламов.

К сожалению, в одном Фил Эспозито ошибся. Чем ближе подходила серия-72 к концу, чем явственнее угрожало канадцам

поражение, тем грязнее становилась их игра. И в первую очередь это касалось семнадцатого номера советской сборной Валерия Харламова. Тренеры канадцев – капитан любительской команды, чемпиона мира 1958 года Гарри Синден и один из самых «жестких» профессионалов Джон Фергюссон – требовали в один голос: «Остановите Харламова!»

Никогда не боялся Валерий силовой, жесткой борьбы, ни от кого не бегал, не жался к бортикам, какие бы защитники ни играли против него. Наоборот, шел сам на столкновение. Но обыгрывал противников не массой своей и силой, а мастерством. Неуловимые движения телом, головой, взгляд, выражение лица – все убеждало противника, что семнадцатый номер сделает сейчас, скажем, рывок вправо. А он необъяснимым образом менял направление и легко уходил от противника. Он был неудержим. Мало того, он начал вызывать ярость у канадских защитников. Они уже знали, кто такой Харламов, на что он способен. Когда он владел шайбой, они утраивали внимание. Его финты, казалось, были известны. Канадцы внимательно изучали их, многократно просматривали видеозапись игр. Они знали, что делать, чтобы остановить этого малыша. И делали все. А он обыгрывал их, таких опытных и всезнающих игроков.

Общее мнение канадских игроков и специалистов сводилось к тому, что Харламов – лучший советский хоккеист, с которым во всем мире может сравниться лишь Бобби Орр. Организаторы игр в Канаде не случайно просили наших тренеров, чтобы Харламов при представлении игроков выходил на лед последним. Канадцы знают, что энтузиазм зрителей должен идти по нарастающей, и вершиной восторга служил семнадцатый номер русских – Валерий Харламов.

Остановить его в честном состязании канадцы оказались не в состоянии. И тогда началась подлинная охота за нашим форвардом. В роли охотников выступали Эллис и Кларк. Тот самый Бобби Кларк, который был признан лучшим у канадцев в первом матче в Монреале. Грязным приемом он травмировал Харламова, и того унесли с площадки. Вот тогда-то наш комментатор Николай Озеров и воскликнул: «Нам такой хоккей не нужен!»

Такой хоккей никому не нужен. Спорт, в котором рыцарство и благородство заменяется жестокостью и коварством, – уже не спорт, потому что душа спорта – честное соревнование.

Седьмой матч играли без Харламова. На восьмую встречу Борис Павлович Кулагин попросил Валерия выйти. «Они тебя и травмированного боятся. Поможешь команде» – объяснил тренер свою просьбу. И Харламов, превозмогая боль, появился на льду и

играл как мог.

Общий результат серии-72 склонился в пользу канадцев на последних секундах последнего матча, когда Пол Хендерсон забросил решающую шайбу…

Среди наших хоккеистов в атаке, кроме Харламова, особо выделялся Александр Якушев. Во всех матчах наши специалисты отмечали памятными подарками двух лучших канадских игроков, а канадцы дарили золотые перстни с монограммой двум лучшим спортсменам советской сборной. В Москве Якушев собрал коллекцию таких перстней – четыре!

Весной 1973 года руководители НХЛ пригласили на финальные матчи Кубка Стэнли советских гостей. В Канаду поехали тренеры сборной СССР Всеволод Михайлович Бобров, Борис Павлович Кулагин и Валерий Харламов.

Хоккейный сезон в Канаде и США проводится не так, как у нас. Все команды разбиваются на четыре группы – дивизионы, – и занявшие в них лучшие четыре места начинают потом новое состязание – розыгрыш Кубка Стэнли. Матчи вызывают огромный интерес. Болельщиков охватывает настоящая хоккейная лихорадка. Цены на билеты достигают астрономических высот. Так было и весной 1973 года. Но где бы ни появились гости из Москвы, их мгновенно узнавали и приветствовали бурными аплодисментами. С Валерием Харламовым старались сфотографироваться не только любители хоккея, но видные бизнесмены и политические деятели. Ведь это было великолепное паблисити – фото с Валерием Харламовым – любимцем миллионов канадцев!

Кларк и Эллис могли сыграть грязно, подло, сломать клюшку о колено Харламова. Но канадские и американские любители хоккея, как и все настоящие болельщики, ценят не победу любой ценой, а подлинное искусство, и имя «Кар-ла-моф» звучало везде так же уважительно и любовно, как, скажем, имя Владислава Третьяка или Уэйна Гретцки сейчас.

В 1973 году чемпионат мира по хоккею проводился в Москве. Наша обновленная, омоложенная сборная выиграла звание чемпионов, которое потеряла годом раньше в Праге. Играли наши удивительно легко.

Старший тренер Всеволод Михайлович Бобров, работавший только со сборной, привлек в команду всех сильнейших на тот период хоккеистов, независимо от возраста, прошлых заслуг и того, выступают ли они за именитый клуб или «середнячок».

– Играйте в свою игру, – говорил он хоккеистам, – вы ведь самые лучшие на сегодняшний день.

Он вообще не любил разглагольствовать, презирал

наукообразность, позерство было ему органически чуждо. Он знал, что играет на льду не он, а игроки, и доверял им.

Перед началом чемпионата много говорилось, что наша сборная должна собраться с силами, выйти из шока, который якобы испытали хоккеисты годом раньше, проиграв команде ЧССР, вернуть во что бы то ни стало высокий титул.

Бобров верил в своих ребят, и не зря, как оказалось.

Игроки сборной забили в чемпионате 100 шайб – рекорд феноменальный! Но еще удивительнее было достижение тройки Борис Михайлов – Владимир Петров – Валерий Харламов – 43 шайбы. Вместе же с защитниками Валерием Васильевым и Александром Гусевым пятерка Петрова забила 57 шайб! Немногие команды могли похвастаться такими результатами, а здесь одна пятерка.

Когда-то хоккей начинался как игра сугубо индивидуальная. Потом появились тройки. Выяснилось, что тройка – это нечто большее, чем просто сумма трех форвардов. Далее оказалось, что хорошо сыгранная пятерка действует эффективнее, чем просто тройка форвардов плюс пара защитников.

Первый раз эту простую ныне истину хоккейный мир понял в 1973 году, когда пятерка Петрова перевернула все представление об игре. Все было необычно в мелькающем калейдоскопе: защитники выходили вперед и забивали, форварды отчаянно защищали свои ворота, смена мест и амплуа происходила мгновенно.

И в этом хитроумном круговороте Харламов был связующим звеном между защитой и нападением, звеном гибким и непредсказуемым для противников и необходимым для партнеров. Это была лучшая пятерка в мировом хоккее, и авторитет ее был непререкаем.

Сегодня лишь один из ее игроков, Валерий Васильев, выходит на лед. Но эстафету наших прославленных мастеров подхватила ларионовская пятерка. Сергей Макаров, получивший первым приз имени Валерия Харламова, учрежденный редакцией газеты «Труд» для самого техничного хоккеиста, награжден им не случайно. Он многому научился у Харламова и считает себя его учеником. Когда Макаров впервые появился в армейском клубе, куда перешел из челябинского «Трактора», Валерий опекал его. Он и помогал ему, учил его.

В центре нашей сегодняшней первой пятерки играет Игорь Ларионов, «светлая голова», как называют его коллеги и специалисты. Он цементирует пятерку так же, как это делал Владимир Петров.

Слева выступает Владимир Крутов, во многом по манере игры

напоминающий Бориса Михайлова.

Капитан ЦСКА и сборной Вячеслав Фетисов принял эстафету от Валерия Васильева. Когда Васильев в лучшие свои годы выходил на поле, вокруг него, словно циркулем очерченная, образовывалась свободная зона – мало кому хотелось оказаться на его пути. Фетисов – такой же боец. Капитан с большой буквы.

А Алексей Касатонов, как и Александр Гусев, неутомимый созидатель голевых ситуаций, которые, кажется, рождаются у него на клюшке.

Но тогда, в 1973 году, игроки ларионовской пятерки еще и мечтать не могли о своем нынешнем взлете, они только издали следили за игрой Валерия Харламова и других грандов хоккея тех времен.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возможно, кое-кому покажется странным, что мы столь много места уделяем описанию поединков советских хоккеистов с канадцами. Но это легко объяснить. Как правило, эти встречи являли собой хоккей на высшем уровне, в котором проверялось, кто есть кто. Профессионалы яростно защищали свою репутацию ледовых асов, свои колоссальные контракты.

Встречи с профессионалами требуют от игроков полной мобилизации всех духовных и физических сил, они создают или разрушают настоящее реноме хоккеиста. Если ты неплох в играх внутреннего чемпионата, но дрогнул за океаном, начал жаться к углам площадки и уклоняться от борьбы, тебе уже никогда не пользоваться подлинным уважением в хоккейных кругах. Ты струсил, ты оказался слабаком, и ничто, никакие объяснения и объективные причины не помогут тебе. Можно отпускать спортсменам разные грехи, но трусость для хоккеиста – смертельный грех.

Да, в хоккей играют настоящие мужчины!

Вот почему встречи с канадскими профессионалами – это мечта каждого нашего хоккеиста.

В сентябре 1974 года, когда наша сборная направлялась за океан для серии встреч со сборной ВХА – Всемирной хоккейной ассоциации, которая одно время пыталась конкурировать с НХЛ, – Валерий Харламов и его товарищи могли позволить себе впервые относиться к предстоящим играм более или менее спокойно.

Они были уже ветеранами встреч с канадцами, выработавшими иммунитет против рева трибун, пулеметных очередей трещоток, непривычных музыкальных пауз, узких площадок и жесткой игры противника.

Они уже прошли через огонь, воду и медные трубы серии-72, когда скрестили клюшки с игроками НХЛ. Теперь им предстояли встречи со сборной ВХА, и между собой наши ребята называли противников не иначе, как «старички».

На установочном собрании капитан сборной Борис Михайлов призывал товарищей: «Покатаемся повеселее и поиграем друг на друга!» А Владимир Петров добавил: «Особенно много забивать не надо».

Пока шло собрание, Харламов и Петров незаметно… привязали к креслу шнуром от занавесей Валерия Васильева, и потом все долго хохотали по этому поводу.

Как мы уже говорили, профессиональный хоккей в Канаде и

США – это большой бизнес. Предприниматель или группа предпринимателей покупают команду, то есть игроков, тренеров, стадион. Цель – получить прибыль на вложенный капитал, а для этого нужно заставить как можно большее количество зрителей платить как можно больше за билеты. А для этого, в свою очередь, нужно, чтобы что-то привлекало этих зрителей, что-то заставляло платить по 10-15, а порой и больше долларов за билет.

Что именно?

Класс игры и «звезды».

Долгое время НХЛ – Национальная хоккейная лига, объединяющая ряд команд Канады и США, занимала монопольное положение. В начале семидесятых годов в полном соответствии с законами капиталистического рынка НХЛ бросила вызов группа бизнесменов, решивших организовать конкурирующую лигу – Всемирную хоккейную ассоциацию. Полной уверенности в коммерческом успехе новой лиги у игроков не было (заметим, что довольно скоро-она прекратила свое существование), поэтому хозяева ВХА соблазняли старожилов НХЛ высокими гонорарами. Молодежь набрать было нетрудно, а «звезды» шли с опаской, понимая, что в случае краха новой лиги вернуться в НХЛ не удастся. И поэтому рисковали в основном уже падающие «звезды», то есть игроки, чья ледовая карьера подходила к концу. Отсюда и выражение «старички ВХА».

Со времени предыдущей серии прошло всего два года, но как же изменился тон спортивных комментариев! Если в 1972 году хоккейные оракулы прочили блестящую победу профессионалам, то теперь спортивные «Кассандры» с таким же единодушием обрекали команду ВХА на поражение. И причиной тому была не слабость канадцев, а сила советской сборной, завоевавшей своей игрой уважение и даже восхищение у зрителей и специалистов за океаном. Монреальская газета «Ля пресс», выражая общее мнение, утверждала, что канадцы проиграют все восемь матчей серии.

Когда наши хоккеисты прилетели в Монреаль, организаторы серии-74 специально предусмотрели пресс-конференцию, ибо в городе издается несколько ведущих газет, и капитану советской сборной Борису Михайлову пришлось отвечать на вопросы журналистов.

– Кого из игроков в канадской команде вы знаете?

– По матчам серии 1972 года мы знакомы с Пэтом Стэплтоном, Полом Хендерсоном, Фрэнком Маховличем. Конечно, слышали мы – и немало – о Горди Хоу, Боббе Халле, Джерри Чиверсе и других.

– Как вы относитесь к тому, что Горди Хоу играет в хоккей в

возрасте 46 лет?

– Приветствую. У нас защитник Николай Сологубов играл до сорока. Мне на днях исполнится тридцать, хотелось бы повторить рекорд Горди Хоу или даже побить его – играть до пятидесяти…

– Кто произвел на вас наибольшее впечатление в состязаниях 1972 года?

– Фил Экспозито, Кен Драйден, Бред Парк.

– Кто тогда применил против вас особенно ощутимый силовой прием?

– Бергман. Это действительно было ощутимо. Но в рамках правил. Я в долгу не остался. В рамках правил, конечно.

Уже во время предыдущих посещений Канады наши игроки отмечали необычайную популярность хоккея в этой стране. У нас хоккей тоже любимая миллионами болельщиков игра. Но наши спортсмены успешно выступают на мировой арене буквально во всех видах спорта, от шахмат до верховой езды, а в Канаде вся неизбывная болельщицкая страсть сконцентрировалась на одном хоккее. Мы говорили в предыдущей главе, что открыл серию-72 символическим вбрасыванием шайбы премьер-министр Канады Пьер-Эллиот Трюдо. В этом нет ничего необычного. В Канаде не один и не два деятеля выходили на политическую арену благодаря хоккею. Например, центр нападения команды «Торонто мэйпл лифе» Ред Келли был в свое время избран в парламент страны. Утром он заседал в парламенте, а вечером надевал форму своей команды и появлялся на льду.

Играют в Канаде в хоккей все и везде. Утверждение это не покажется преувеличением, если, скажем, принять во внимание, что проводятся игры даже между командами полисменов и… арестантов.

О стоимости билетов мы тоже говорили. Но билеты продаются не только на сами матчи. Можно купить билет и следить за тренировкой команды. Стоит такой билет, разумеется, дешевле. Зрителей на трибунах собирается меньше. Но почему бы владельцам клуба не заработать и на тренировках?

Но кроме коммерческой стороны, в публичных тренировках есть и положительное начало, которое, пожалуй, следовало бы обдумать и нашим клубам. За тренировками могут следить и ребятишки, и юниоры. (За одной из тренировок советских хоккеистов на небольшом муниципальном катке близ Нью-Йорка в феврале 1979 года наблюдало несколько сот мальчишек. Едва чемпионы мира ушли в раздевалку – они высыпали на лед. Проходя минут через двадцать по залу к автобусу, Валерий Харламов, помнится, сначала с удивлением, а потом с широкой улыбкой наблюдал, как малыши стараются повторить только что

увиденные приемы из его дриблинга при выходе из своей зоны.) С ними могут знакомиться тренеры-общественники и тренеры, не имеющие большого опыта. А тренировки такого клуба, как, скажем, ЦСКА, могли бы оказать самое благотворное влияние на весь наш хоккей.

Необычен ритуал выезда хоккеистов на стадион в Канаде. У нас автобус с командой вливается в общий поток уличного движения. Перед первым матчем нашей сборной в Квебек-сити наши ребята были в недоумении: автобус, ждавший их подле гостиницы, окружили полицейские на мотоциклах. Шестеро впереди, четверо сзади. Перед перекрестком два мотоциклиста выезжали вперед, перекрывая движение с боков, потом пристраивались в хвост кавалькады. В это время мотодуэт из арьергарда синхронно перемещается вперед. И вот так, под рев мощных «харлей-давидсонов» хоккейный кортеж подъезжал к стадиону, у которого бурлила толпа болельщиков.

В Ванкувере перед автобусом подняли железные ворота стадиона, словно в средневековье, и команда подъехала прямо к раздевалкам.

Несмотря на высокую стоимость, все билеты на состязания советской сборной были распроданы заранее, и перед началом матча у стадионов хозяйничали «охотники за скальпами», как называют спекулянтов. Цены, естественно, колеблются в зависимости от интереса к игре, на встречи с советской сборной они достигали поистине астрономических высот – 200-250 долларов за билет.

Билл Харрис, готовивший команду ВХА к встречам с советской сборной, знал, что неустойчивое финансовое положение лиги делает серию-74 особенно важной. Сыграй его команда с советскими хоккеистами успешно – и лига получила бы тем самым столь нужную витаминную инъекцию. Бесславный же проигрыш, наоборот, подчеркнул бы низкий по сравнению с НХЛ уровень конкурирующей лиги и, если не приговорил ее к смерти, то во всяком случае не способствовал ее здоровью.

Подготовлена поэтому команда ВХА была отменно и начала матч в Квебек-сити с атак. А когда на двенадцатой минуте Маккензи забил первый гол в ворота Третьяка, восторгу трибун да и самих игроков не было предела.

Постепенно игра выровнялась. По-прежнему главной ударной силой в советской сборной была тройка Петрова, а гол, забитый Валерием Харламовым, канадские комментаторы назвали «голом для гурманов» и описывали его, не жалея красок, а телережиссеры многократно повторяли.

Гол и впрямь был редкий по красоте и включал в себя

практически все элементы хоккейного искусства. Вначале Валерий убежал от двух канадских форвардов. «Включил», как это он умел делать при сближении, мгновенно скорость и легко ушел от них. Впереди были два защитника сборной ВХА, ранее выделявшиеся и в НХЛ – Стэплтон и Трамблэ. Убедительно показав им, что сейчас одного обойдет справа, а другого – слева (представляете?!), он проскочил между ними и вышел к воротам. Сделал замах в лучших традициях реалистического театра, и вратарь, поверив ему, бросился под бросок. И лишь тогда Валерий аккуратно послал шайбу в пустой угол.

Игра и гол Валерия Харламова произвели большое впечатление. Его и Бобби Халла специальное жюри отметило призами как лучших игроков матча.

Описание великолепного харламовского гола заняло, пожалуй, в десять раз больше времени, чем понадобилось Харламову для создания этого быстротечного шедевра хоккейного искусства. Уметь для этого нужно было все, чем богат арсенал высококлассного хоккея: нужно было мгновенно оценить ситуацию, нужно было обладать высокой стартовой скоростью, нужно было вести шайбу непринужденно, не глядя на клюшку, нужно было обмануть защитников, поймать на ложном замахе вратаря и точно направить шайбу.

Мы аплодируем, глядя на такое искусство, но не всегда умеем должным образом сохранять образчики его. Наверное, неплохо было бы иногда показывать по телевидению такие вот примеры гроссмейстерской хоккейной игры, неплохо бы иметь и нам музей хоккейной славы, какой имеют канадцы. Право же, наш хоккей имеет заслуг никак не меньше канадского.

Канадский «музей хоккейной славы» находится в Торонто, в одном из зданий национальной выставки. Здесь собраны различные призы, фотографии, снаряжение знаменитых игроков.

Например, в музее можно найти первую клюшку с изогнутым крюком – теперь ими играют почти все,- которую ввел в практику Стен Микита.

В разделе вратарского искусства хранятся несколько довольно примитивных плексигласовых масок. Одна, подобно археологическому экспонату, раздроблена на куски. Это первые маски, изобретенные и внедренные вратарем «Монреаль канадиенс» Жаком Плантом. Первую свою игру в НХЛ он провел в 1952 году двадцатитрехлетним начинающим голкипером. Сразу же он выделился непривычной для того времени манерой игры – выкатывался под удар далеко от ворот, стремясь сузить угол обстрела. За это вначале его наградили прозвищем «клоун». Но «клоун» пропускал меньше других шайб, и постепенно его манеру

игры начали перенимать и другие канадские вратари.

Надевать маску стал он не от хорошей жизни: у него было четыре перелома носа, множество травм головы. Вначале тренеры разрешали ему пользоваться маской лишь на тренировках. Логика у них была довольно жестокая: да, конечно, маска защищает голкипера от травм, но именно боязнь травм и заставляет его быть предельно собранным во время игры.

Плант настоял на своем и 2 ноября 1959 года впервые в официальном матче вышел на лед в маске. Как и все непривычное, новинка вызвала смех на трибунах. Но шло время, и маска стала обязательным атрибутом защитного снаряжения вратаря.

В музее бережно хранится снаряжение и Бобби Орра, вписавшего блестящие страницы в летопись канадского хоккея. Он столько раз попадал в символическую команду – «Олл старз» – «всех звезд», сколько раз бил разнообразнейшие рекорды лиги и завоевывал такое количество призов, что достижения его сведены в длинные таблицы.

Этот атакующий защитник своей блестящей игрой преобразил команду «Бостон брюинз». До него она шесть сезонов подряд пускала пузыри на самом дне таблицы, а с Орром не только поднялась наверх, но и несколько раз выигрывала Кубок Стэнли.

Забивал он поразительно много не только для защитника. Однажды в игре с «Торонто мэйпл лифс» он забросил три шайбы подряд. Болельщики устроили ему восторженную овацию и буквально устлали лед… шляпами. Их насчитали потом семьдесят пять – разных фасонов и размеров, брошенных на лед в знак восторга и признательности своему любимцу.

Главным кумиром болельщиков Канады и США до Бобби Орра был другой Бобби – Халл. Он невысок ростом – 176 см, но боевой его вес был довольно основательный – 85 килограммов. При этом Халл был не просто быстр, в лучшие свои годы он был спринтером номер один. Но, пожалуй, еще более скорости выделялся он силой бросков. Если у классного хоккеиста шайба после «щелчка» летит со скоростью 100- 120 километров в час, то шайбы Халла мчались почти вдвое быстрее.

Наш прославленный голкипер Владислав Третьяк, имя которого известно в Канаде каждому мальчишке, рассказывает:

– Броски Халла просто сумасшедшие – сильные, точные, шайбу он до последнего момента прикрывает крюком клюшки, и я вижу ее уже в воздухе. Немного выручает то, что, когда Халл на льду, я жду бросков лишь от него, а за его партнерами особенно не слежу.

И конечно, много места уделено в музее первому долгожителю хоккея Горди Хоу, дебют которого состоялся еще в 1946 году. После этого он играл в детройтской команде четверть века. 25 лет. Немудрено, что его стали называть «мистер хоккей».

Как и Халл, он много забивал, но еще больше пользы приносил команде точными пасами и умением вести за собой игроков, организовывать действия всей пятерки. Высокий, мощный, он всегда крепко стоял на льду. В отличие от Халла, игрока джентльменского поведения, Хоу играл жестоко. И имел поэтому еще одну кличку – «мистер локти». Пользовался он и локтями более чем ловко, а были они у него, по словам нашего Владимира Шадрина, «железные и острые».

И Хоу, и особенно Халл отлично сыграли с нашей сборной во втором матче в Торонто, который «старички ВХА» выиграли – 4:1. Игра была несколько омрачена грубой ошибкой судьи Т. Брауна, который не засчитал шайбу, заброшенную Петровым в начале третьего периода. Бросил Владимир так сильно, что шайба, влетев в ворота, отскочила от натянутой сетки обратно на площадку. Судья за воротами зажег красный свет, а потом, видя, что арбитр почему-то не засчитывает гол, еще несколько раз посигналил ему красной лампочкой. Телережиссер раз пять повторял этот эпизод, и на экране отлично было видно, как шайба пулей влетает в ворота.

Надо сказать, что неистовые хоккейные страсти в Канаде и США не мешают и болельщикам, и спортивным комментаторам сохранять ту объективность, без которой спорт вместо инструмента сближения людей превращается в барьер между ними. Во всех играх, как бы они ни кончались, каждый искусный ход наших игроков приветствовался трибунами, а пресса не щадила своих команд, если они того заслуживали, и не скупилась на похвалы советским спортсменам.

Вот как отреагировали газеты на грубую ошибку судьи:

«Вся страна видела гол, и только арбитр Браун его не заметил!» – дала заголовок «Глоб энд мейл».

«Вы слепой патриот, судья Браун!» – писала монреальская «Газетт».

Сдается, что не мешало бы и нашим спортивным комментаторам быть иногда менее деликатными при описании грубых ошибок, особенно судейских. А то их поистине дипломатический язык, боязнь обидеть кого-нибудь делают репортажи настолько беззубыми, что они вызывают у читателя лишь недоуменное пожатие плечами.

В остальных матчах серии-74 «звезды» ВХА ни разу больше не выиграли, и к концу они уже не могли скрыть досады и начали

грубить. Мак Грегор, например, забыл, что играл в хоккей. Валерий Васильев, который забросил шайбу, вызвал у него острое желание перейти на приемы, скорее подходящие для рыцарского турнира, чем для хоккея. Он превратил клюшку в копье и норовил пронзить им нашего защитника. Горди Хоу после пропущенного канадцами гола налетел сзади на Анисина и сбил его с ног.

Но больше всего вновь досталось Харламову, которого теперь категорически требовал «остановить» тренер Билл Харрис. После одного из матчей, проигранного канадцами, на него с кулаками налетел защитник Лей.

Этот поступок вызвал волну возмущения не только в нашей стране, но и в Канаде. Сенатор-либерал от провинции Онтарио Джон Годфри заявил в парламенте: «Лей – позор для Канады» и его «следовало бы отослать домой после нападения на Харламова». Сам же Лей позже пришел на тренировку нашей команды и принес Валерию извинения.

* * *

В армейском клубе сменился старший тренер. После долгих лет руководства лучшей командой страны А. Тарасов покинул капитанский мостик. Вначале он попробовал свои силы на поприще футбольного тренера и принял футбольную команду ЦСКА. Успеха не добился и ушел с активной тренерской работы. А жаль, потому что тренерские таланты столь же редки, как и таланты игроков. Было бы интересно понаблюдать, как бы у него пошла работа с командой не столь именитой, как ЦСКА, не обладающей особыми условиями по комплектованию и для тренировок. Увы, этого не произошло…

В этом плане смелее оказались Б. Кулагин, Н. Пучков, А. Кострюков, добившиеся успехов в работе с «Крыльями Советов» и «Спартаком», ленинградским СКА, «Трактором». Н. Эпштейн взял команду, игравшую на первенство Московской области, и вывел ее в высшую лигу. И не просто вывел ее на год, а она прочно закрепилась там. Команда, представляющая небольшой город Воскресенск, дала нашему хоккею таких игроков, как Александр Рагулин, Валерий Никитин, Юрий Ляпкин, братья Александр и Владимир Голиковы, Эдуард Иванов, Юрий Морозов, Игорь Ларионов. Но для такого взлета, конечно, пришлось изрядно потрудиться. И надо было уметь искать таланты, искать заинтересованно и вдумчиво. Игоря Ларионова, например, Н.

Эпштейн впервые увидел, когда тому было десять лет. Он гонял со сверстниками шайбу. Тренер постоял, посмотрел и сказал спутнику:

– Попомни мое слово, будет «звезда». Надо взять мальчонку на заметку.

Сегодня ларионовская тройка – первая тройка страны.

Команду ЦСКА возглавил бывший ее игрок, прославленный форвард Константин Борисович Локтев. Одним из первых его шагов на новом посту было решение воссоединить тройку Петрова. А то получалась странная картина: во всех матчах сборной СССР Михайлов, Петров и Харламов выступали вместе, играли так, что считались лучшей тройкой мирового хоккея, а у себя в клубе оставались разобщенными…

В самом конце 1975 года и в январе 1976 года две наши команды – ЦСКА, под руководством К. Локтева, и «Крылья Советов», которых тренировал Б. Кулагин,- снова направились за океан для проведения матчей, которые получили в хоккейных анналах название суперсерия-76.

Руководство НХЛ возлагало на встречи особые надежды. Об этом говорил журналистам з Нью-Йорке накануне встреч президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл:

– Сборные сильны в Европе, особенно в Советском Союзе и в Чехословакии. В этих странах сентябрь уже почти полноценный хоккейный месяц. В Канаде и США – могучие клубы, но сборные – дело непривычное. Чемпионат НХЛ стартует только в октябре, лучшие хоккеисты входят в форму к ноябрю, с тем чтобы сохранять ее до апреля – мая, когда проходят баталии розыгрыша Кубка Стэнли – главного приза НХЛ. Так что две сентябрьские серии 1972 и 1974 годов между сборными СССР и Канады были лишь «репетицией», а настоящее выяснение мощи соперников произойдет сейчас в декабре – январе в матчах сильнейших клубов.

По соглашению, два советских клуба имели право усилить свои составы шестью игроками, и в ЦСКА играли динамовцы Валерий Васильев и Александр Мальцев, а «Крыльям Советов» помогали спартаковцы Александр Якушев, Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Юрий Ляпкин.

Накануне суиерсерии-76 мы провели анкету, в которой просили авторитетов хоккея составить символическую сборную мира. Среди давших ответы были Бобби Халл, чехословацкий вратарь Иржи Холечек, Фил Эспозито и другие. Сборная мира у них получилась такой: вратарь – Третьяк, защитники – Орр, Васильев, нападающие – Якушев, Эспозито, Харламов.

Причем по набранным очкам впереди Валерия Харламова был

только Бобби Орр.

Прошла суперсерия с явным преимуществом советских хоккеистов: пять матчей они выиграли, один свели вничью и лишь в двух случаях ушли с поля побежденными.

В первом же состязании армейцев с командой «Нью-Йорк рейнджере» Валерий Харламов еще раз доказал, что не случайно попал в символическую сборную мира: на синей линии его встретили четверо противников, но он двумя финтами, как говорят хоккеисты, «разбросал» их, вошел в зону и точнехонько уложил шайбу в сетку.

Американские и канадские журналисты вскочили со своих мест в ложе прессы и аплодировали, восклицая:

– Потрясающе! Блестяще!

Потом еще гол забил Петров, завершая слаломный рейд Валерия. В конце матча Михайлов и Петров после передач Харламова еще дважды добивались успеха.

– Я предполагал, что хоккеисты ЦСКА большие мастера,- сказал после матча тренер рейнджерсов Рон Стюарт,- но такого, откровенно говоря, не ожидал. Особенно мне понравился этот парень с труднопроизносимой фамилией под номером семнадцать. Понравилась вся первая тройка форвардов, еще защитник Гусев и, конечно, вратарь Третьяк.

Незабываемым шедевром хоккейного искусства остался на долгие годы матч армейцев с «Монреаль канадиес», закончившийся вничью-3:3. Обе команды сражались яростно, но корректно. Обе демонстрировали хоккей высшего класса, хоккей хрестоматийный. И там Харламов продемонстрировал свое мастерство. Незадолго до второго перерыва, получив пас от прорвавшегося Михайлова, он виртуозно обыграл на крохотном пространстве «пятачка» своего опекуна, показал вратарю Драйдену, что бросает влево, а сам отправил шайбу в правый угол ворот.

В книге «Хоккей на высшем уровне», вышедшей в Канаде еще в 1973 году, Кен Драйден писал о Харламове:

«…Итак, все позади. Около ста миллионов зрителей следили за той игрой в Советском Союзе. Несколько миллионов в Европе. Более двадцати пяти миллионов канадцев и американцев смотрели ее у себя дома. А в «Форум» набилось почти двадцать тысяч ее живых свидетелей. Клянусь, что теперь они все до одного знают, что отчество Валерия Харламова – Борисович, а Владислава Третьяка – Александрович. Все было приготовлено для великого торжества канадского хоккея. Но приехали русские и все испортили, показав 60 минут такой игры, какая нам никогда не снилась».

Это знаменитый вратарь писал о серии-72. Сейчас, спустя три с небольшим года, слава нашего хоккея еще больше укрепилась, а с ней и репутация Валерия Харламова как одного из великих виртуозов этой игры.

Яркое подтверждение своего высочайшего класса Харламов продемонстрировал в ключевом матче суперсерии-76 между ЦСКА и «Бостон брюинз». Выигрыш этой встречи у одного из грандов НХЛ приносил советским хоккеистам и победу в суперсерии-76 в целом.

У хозяев, правда, не смог из-за травмы выйти на лед Бобби Орр, но и у нас по этой же причине не играл Владимир Петров. Москвичи победили – 5:2, В обороне блистал Владислав Третьяк, в атаке – Валерий Харламов. Наш №17 самолично забил два гола, и еще одну шайбу с его подачи провел Александр Мальцев. Специальное жюри популярной телепередачи «Хоккейная ночь Канады» назвало Валерия Харламова в числе трех лучших игроков матча.

Завершивший к тому времени карьеру хоккеиста и приехавший на матч в Бостон в качестве телекомментатора Фил Эспозито сказал: «Это была великолепная игра. Хотя «Медведи» – бывшая моя команда – и проиграли, я в восхищении от показанного хоккея, в особенности от Харламова и Третьяка!»

К великому огорчению десятков миллионов любителей хоккея, в суперсерии-76 профессионалы, раздосадованные проигрышем, не удержались от грубой игры, более похожей на гладиаторские бои, чем на спорт. И продемонстрировала такой антихоккей «Филадельфия флайерс». Вот как описывал начало этого печальной памяти матча американский журнал «Спортс иллюстрейтед»:

«…В первые десять минут «флайерсы» сыграли с русскими не просто жестоко, они буквально обрушились на них. Дейв Шульц по прозвищу «Кувалда» познакомил со своей перчаткой физиономию Бориса Михайлова. Андре Дюпон по кличке «Лось» разрубил клюшкой воздух перед самым носом у того же Михайлова. Эд ван Имп «вытатуировал» причудливые рисунки на животах Александра Мальцева и Бориса Александрова. Билл Барбер лихо сдвинул шлем на голове Валерия Васильева. А Бобби Кларк вновь прошелся своей клюшкой по колену Валерия Харламова».

А чуть позже Эд ван Имп сзади ударил Харламова, свалив его на лед.

После игры Валерий рассказывал:

– Удар сзади был настолько сильным и неожиданным, что я грохнулся на лед. Само по себе падение – вещь для хоккеиста

привычная. В любой, даже самой корректной игре можно оказаться на льду, хоккей есть хоккей. Но при нормальной игре при падении, при столкновении, при ударе о борт всегда успеваешь сгруппироваться, напрячь мышцы. Удар в спину тем и опасен, что не ждешь его.

В глазах у меня потемнело. Кажется, на несколько секунд я даже потерял сознание. И первая мысль – надо обязательно встать. Представляете, лежу распластавшись на льду, и думаю, что у телевизоров сидят сейчас мать, отец и сестра в Москве и смотрят, как их сын и брат лежит без движения. Мама особенно за меня переживает, и вот в то мгновение меня прямо пронзила острой иглой мысль: а вдруг она решит, что меня убили! Вдруг ей плохо станет! Эта мысль, словно нашатырный спирт, рассеяла туман в голове, я попытался встать. Несколько секунд мускулы не слушались меня. Подергивался, как марионетка у неумелого кукловода, потом кое-как поднялся.

Газеты были единодушны в своих комментариях. «Нью-Йорк таймс» писала: «Триумф террора над стилем». Журнал «Спортс иллюстрейтед» отмечал: «…болельщики были жестоко обмануты своими кумирами: то, что могло стать одним из самых лучших матчей мирового хоккея, превратилось в жалкий инцидент международного спорта».

* * *

Весной 1976 года армейский клуб в очередной раз выиграл чемпионский титул. Ранее сборная СССР завоевала золотые медали на зимней Олимпиаде в Инсбруке. На чемпионате мира в Катовице, хотя он не был победным для нашей команды, Харламов был признан лучшим форвардом.

Май. Весна. Валерию 28 лет. Он вошел в пору спортивной и человеческой зрелости. Он офицер Советской Армии, заслуженный мастер спорта. Любимец публики, и где бы он ни появлялся, обязательно его окружали поклонники. У него много друзей, в хоккее и вне хоккея, потому что характер у него незлобивый, потому что любит шутку, любит общение с людьми.

Он муж и отец маленького Сашки.

Кончился сезон, отнявший так много сил, и наступит короткий отпуск, когда можно чуточку расслабиться, не смотреть на часы, посидеть с друзьями за столом, поболтать.

Двадцать восемь – еще молодость, человеческая и

спортивная, и майские весенние дни наполняли его радостью бытия, и он целиком отдавался бесконечным дням отдыха. Но судьба уготовила ему жестокое испытание.

Он ехал на машине с женой Ириной. Пошел неосторожно на обгон, не заметив, что из-за поворота навстречу выскочил грузовик.

Тот, кто никогда не бывал в автомобильной катастрофе, не сможет представить себе эти короткие и такие растянутые мгновения, когда знаешь, что столкновение уже неизбежно, и все сжимается внутри в парализующем ужасе.

Удар, скрежет металла, провал в темноту. Пришел в себя Валерий на асфальте, и первой мыслью было: жив, где Ирина? Попытался было встать, пронзила острая боль. Не мог пошевельнуться. Вот она, Ирина. Стоит, к счастью, цела. Гудки. Взвыв сирены. Наверное, «скорая». Наверное, за ним. Если бы только можно было повернуть время вспять. Всего на несколько минут. Он бы ни за что не пошел на этот проклятый обгон. И вообще не надо было ехать. Надо было остаться дома, как предлагали Татьяна и Борис Михайловы, приехавшие в гости. И не было бы сейчас завывания сирены, не лежал бы он на асфальте и не гнал бы от себя ледянящую мысль о ноге, которой не мог пошевельнуть. Не было бы острой нестерпимой боли, которая властно корежила его. Он бы сидел сейчас за столом, и Борис рассказывал бы… Какие-то люди… Ах да, это же за ним, это его поднимают. Куда, зачем? Ну конечно же, это «скорая», а всхлипывает Ирина. Хорошо, что она на ногах.

Он хотел спросить жену, как она себя чувствует, но почему-то не мог пошевельнуть губами.

В госпитале диагноз поставили довольно быстро: перелом ноги, двухлодыжечный сложный оскольчатый перелом.

Он лежал с ногой, закованной в гипс, смотрел в белый больничный потолок и изо всех сил гнал от себя мысли о будущем. Но чем яростнее он гнал их, тем упорнее они осаждали его. Врачи лишь вздыхали и качали головами. Конечно, кости срастутся, он будет ходить, может быть даже не особенно хромая, но хоккей…

Будет ходить. Сказать хоккеисту, что он будет ходить, – то же самое, что сказать пианисту: вы сможете держать в руке ложку. Ноги хоккеиста – тончайший и вместе с тем мощнейший инструмент. Именно они позволяют игроку мчаться по льду, мгновенно набирать скорость, менять направление, резко тормозить! Именно они помогают удержаться, когда его толкают, оттирают от шайбы. Для этого мышцы должны выполнять в ничтожную долю секунды целую гамму команд, а кости

выдерживать космические перегрузки. Будете ходить…

По натуре своей Валерий был оптимистом, депрессии были ему чужды. После первого шока он начал постепенно приходить в себя. Вначале, когда нога его была недвижима и сама мысль об игре казалась такой же странной, как, скажем, мысль о полете при помощи взмаха рук, он говорил себе: «Что ж, это не катастрофа. Ты уже поиграл немало, кое-чего достиг, не мальчик, будешь тренировать».

Но вскоре понял, что это были только слова, самозаклинания. Он еще не смирился с вынужденной остановкой, он еще хотел играть. Долгие годы хоккейной жизни, когда каждая клеточка, каждая мышца привыкли к напряженному физическому труду тренировок и бурной разрядке накопленной энергии во время игры, не давали ему даже возможности представить себе другое существование.

Врачи, рассматривая в пятый, десятый раз рентгеновские снимки ноги Харламова, каждый раз пожимали плечами. Кто знает, а вдруг это случай, который противоречит учебникам? Конечно, немалую роль сыграло и то, что всем им очень хотелось, чтобы их пациент сотворил чудо. Не надо ведь было быть особенным знатоком хоккея, чтобы знать, что такое для него Валерий Харламов.

И вот пришел день, когда они сказали своему пациенту:

– Все зависит от вас. Шансов вернуться на лед немного, но они есть. Вам предстоит нелегкий путь.

Валерий только усмехнулся: нелегкий путь. Можно подумать, что до катастрофы он шел легким путем. Можно подумать, что бесконечные тренировки, когда кажется: все, больше не могу, были легки. Приходилось ведь все время насиловать не только уставшие мышцы, но и сознание. А сознание шептало, настаивало, соблазняло: ну сколько же можно горбатиться? Хватит, отбарабанил свое, можно и срезать угол. И нужно было усилием воли свертывать шею этим соблазнам, и снова и снова идти путем трудным и не смотреть на тот, что полегче.

Пришел момент, когда ему разрешили подняться, потом дали костыли. Поразительно, как быстро слабеют мышцы, лишенные привычной нагрузки. Он сидел на кровати и смотрел на ноги. Даже на глаз было заметно, как уменьшились в объеме мышцы, какими мягкими они стали. Он уперся костылями о пол и медленно встал. Он напряжения немножко кружилась голова, и все вокруг плыло, покачивалось, как на волнах.

На секунду мелькнула мысль: не зря врачи сомневались, не смогу. К черту. Но тут же привычно подавил ее. Чему-чему, а этому спорт его научил. Большой спорт – это ведь в первую

очередь постоянное преодоление себя, жизнь «через не могу». Да и стыдно стало. Вспоминался Алексей Маресьев и Владислав Титов, чью книгу «Всем смертям назло» он прочел еще до катастрофы. Им-то в тысячи раз тяжелее было, даже сравнивать нельзя.

Он встряхнул головой и сделал первый шаг. Первый шаг за долгие дни и недели глядения в больничный потолок и борьбы с сомнениями. Потом второй.

Через неделю он проковылял сотню метров до скверика и обратно. Это уже была победа. Если сегодня коекак прополз сто метров, значит, завтра можно одолеть сто двадцать. Потом – сто пятьдесят. А там Можно будет все меньше и меньше опираться на костыли, постепенно перенося тяжесть тела на дрожащие от слабости ноги. Это, как говорится, дело техники. Техники и воли.

В конце концов нечто похожее приходилось испытывать каждый год после такого короткого летнего отдыха. Казалось бы, играешь уже столько лет, привык к нагрузкам, ан нет. Возвращаешься после отпуска – а ведь и в это время следишь за весом и стараешься не потерять форму, – и так трудны эти первые втягивающие тренировки! И ничего, терпишь. Потому что знаешь: иначе нельзя.

Валерий ходил все больше и больше, и врачи постепенно переставали качать головами, начали улыбаться.

Но врачи врачами, упорство упорством, а колоссальную помощь оказали ему друзья. Не только ходили подкармливать вкусненьким в госпиталь, подбадривали, но Михайлов и Петров имели с ним серьезный разговор.

– Сборная собирается ехать за океан в сентябре, на Кубок Канады, – сказал Михайлов.

– Знаю, – сказал Харламов. – На этот раз без меня. У меня пока что другой курс-на ноги встать как следует.

– Знаем, – усмехнулся Петров. – Поэтому-то и решили тебе сказать, что без тебя не поедем.

– Спасибо, ребятки, но…

– Без всяких «но». Ты не можешь ехать, и мы не поедем, – сказал Михайлов. – Все-таки мы тройка, а не двойка…

Хоккеисты обычно не склонны к сентиментальности. Но в этот момент Валерий Харламов почувствовал, что глаза предательски увлажнились. И не потому, что нервы у него после катастрофы были уже не те, что раньше. Просто почувствовал он такой прилив теплой благодарности к друзьям, что и сказать ничего не мог. Пробормотал что-то нечленораздельное.

О, это был знак высшей привязанности! Это был неслыханный по щедрости подарок. И неважно, что не нужен он был Валерию.

От всей души радовался бы он за Володю и Бориса, если бы они поехали на Кубок Канады. Душой был бы с ними. Но, наверное, самые драгоценные подарки – это не те, которые нужнее всего, а те, что преподносятся от чистого сердца.

После этого Валерий почувствовал такой прилив сил, что вот-вот взлетит. И тренироваться стал с утроенной энергией. А сборная, которую назвали тогда «экспериментальной», отправилась на Кубок Канады без первой тройки.

Впервые в жизни Валерий следил за играми товарищей на канадском льду по телевизору. И было это довольно утомительным занятием. Шоферы знают это ощущение, когда сидят рядом с водителем: сколько не тверди себе, что ты – пассажир, ноги непроизвольно выжимают сцепление и притормаживают. Так и он. Кажется, сиди себе в кресле и смотри на экран. Не получается: душа там, на льду, с ребятами, и мышцы подергиваются от непроизвольного мысленного рывка – ведь можно выскочить сейчас один на один с вратарем.

Когда Харламов почувствовал, что может уже выйти на игру, старший тренер армейского клуба Константин Борисович Локтев спросил его: «Готов ты со своими – Михайловым и Петровым играть?»

– Пока нет, – ответил Валерий. – Выйду на первый матч в третьей тройке.

Тренер согласился. Всетаки не такая нагрузка, как в первой. Первая тройка – лидер. От нее многого ждут, и против нее противник сражается с особым упорством. А «Харлам» еще не окреп.

Все это было вполне логично и свидетельствовало о серьезном и профессиональном подходе к делу старшего тренера. Но Петров и Михайлов такой «обузы», как возвращающийся в большой хоккей Харламов, не испугались и попросили Локтева, чтобы Валерий играл именно с ними и чтобы именно они помогали ему войти в игру.

Константин Борисович их понял. Он прожил долгую жизнь в хоккее и давно уяснил, что. порой нелогичные решения оказываются самыми логичными.

Первый раз после катастрофы Валерий Харламов вышел играть против «Крыльев Советов». Игра была рядовой, ничего не решала, «Крылышки» были далеко не в лучшей ферме, но на трибунах было много народу. Болельщики пришли посмотреть на своего любимца, и когда диктор объявил, что под семнадцатым номером играет Валерий Харламов, стадион разразился аплодисментами. В них была и радость встречи, и благодарность за возвращение, и поддержка. Аплодисменты, казалось, говорили:

играй смело, не нервничай, мы все понимаем.

Понимали и хоккеисты «Крылышек». Тактично, незаметно, они давали ему играть, и никто не применял против Харламова силовых приемов. Валерий забил гол. Потом, много времени спустя, он рассказывал:

– Верите, играл я тогда, как в тумане. И не потому, что был слаб. Функционально я уже восстановил форму. Просто я видел, что ребята оберегают меня – и партнеры, и противники. И тронуло это меня необыкновенно. Значит, нужен я. Значит, ценят. Взрослый, кажется, человек, кое-что повидал, а ощущение такое – вот-вот разревусь. Еле совладал с нервами…

Будь на месте хоккеистов «Крыльев Советов» спартаковцы или динамовцы, не сомневаемся, они поступали бы так же. Ведь и в обычное время Харламов заслуживал к себе особое отношение. Многолетний капитан и лидер московского «Динамо» в сборной СССР Валерий Васильев, например, защитник жесткий. И боялись его силовых приемов многие. Но был игрок, против которого он никогда не играл по-настоящему жестко: это Валерий Харламов.

Мы никогда не спрашивали его, почему. Это было бы бестактно. Да и скорее всего он бы искренне изумился: ничего подобного. Но тем не менее сознательно или подсознательно он всегда оберегал Харламова. Наверное, потому, что высоко ценил его незаурядный и веселый талант, и не хотел случайно нанести ему травму. Не хотел обеднить игру, которой сам верно служил.

Но и Валерий Харламов не оставался в долгу перед Валерием Васильевым. Он, заметив рыцарский жест защитника, столь же рыцарски предпочитал не забивать.

Итак, Харламов вернулся в большой хоккей, жизнь покатилась по привычной колее, но стал он замечать, что играет не так, как раньше.

Сила Харламова – и он это прекрасно понимал – была в первую очередь в незаурядной обводке. Ведь не отличался он ни особой физической мощью, не мог рассчитывать подавить противника массой – семьдесят килограммов вес для хоккеиста почти детский. И скорость его хоть была высока, но другие не уступали ему в этом компоненте игры. Дриблинг позволял ему обыгрывать одного, двух, трех противников, неожиданно выходить на оперативный простор, позволял дать точный пас партнеру, наконец, прорваться к воротам.

А теперь он все чаще замечал, что спотыкается уже на первом противнике. Почему? Ведь не потерял же он умения, навыков, которые за долгие годы вошли в плоть и кровь его. Объективные тесты показывали, что организм его восстановился полностью: он бегал, прыгал, бросал по воротам точно так же, как и раньше.

Он долго и придирчиво следил за собой и, наконец, понял в чем дело. Совершенно независимо от ума и воли тело его, помня о тяжкой травме, инстинктивно оберегало себя. Он-то не боялся, он шел на игрока точно так же, как шел раньше. Если бы он боялся, все было бы просто. Не нужны были бы мучительные поиски. Не он боялся, боялись мышцы, нервы. Да, он шел на схватку. Он приказывал мускулам бросаться в пекло борьбы, а инстинкты посылали свой сигнал: это опасно.

Инстинкты чуть тормозили команды мозга, чуть-чуть, и этого чуть-чуть было достаточно, чтобы опоздать.

В спорте, где счет времени идет на малые доли секунды, мозг, воля и инстинкты должны работать в одном темпе.

Диагноз был поставлен, но лечение заняло долгие месяцы. Теперь Валерий не только не избегал силовой борьбы, он заставлял себя искать ее, стремился к ней. И медленно, очень медленно инстинкты начали нехотя сдаваться: возвращалась уверенность в себе, а с нею и обводка. Чаще стал делать голевые передачи, чаще забивать. А это уже были объективные доказательства победы. Победы особенно сладостной, потому что одержана она была над собой. Возвращение Валерия Харламова в большой хоккей состоялось!

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

В этой главе, единственной в книге, хотя работали над ней, как и над всеми другими, мы вдвоем, коегде местоимение «мы» придется заменить на «я». Надеемся, из нижеследующего читатель легко догадается, почему так пришлось поступить.

…Лететь на самолете над океаном страшновато. Казалось бы, если что случится, какая разница, где это произойдет – над Гренландией, покрытой могучим ледовым панцирем, Исландией, с ее горячими гейзерами, лесистым островом Ньюфаундленд или над вечно неспокойными водами Атлантики?

Казалось бы, а тем не менее, когда летишь над сушей, какой бы малообитаемой и почти непригодной для вынужденной посадки она ни была, чувствуешь себя както спокойнее.

Это не сугубо персональное ощущение. Многие точно так же относятся к пересечению океанских пространств на авиалайнере. Едва появляется в салоне стюардесса, с надувным жилетом, пусть даже самая миловидная, и начинает щебетать, что предстоящий трансатлантический перелет совершенно ординарен и столь же безопасен, как поездка на метро от Кропоткинской до проспекта Вернадского, сразу же становится как-то не по себе.

Милая девушка рассказывает, как покидать самолет через запасной выход в случае его приводнения, как надевать спасательный жилет, показывает, где находится сигнальный фонарик, где свисток (даже иногда молодецки свистит в него), где порошок для… отпугивания акул-людоедов (предусмотрено и это), а ты в это время стараешься думать о чем-нибудь другом либо мрачно иронизируешь, что, если, не дай бог, случится «приводнение», все эти спасательные средства и даже коллективные надувные плотики с запасами продовольствия и радиостанцией вряд ли кому из пассажиров и членов экипажа помогут спастись.

Для перелета над океаном поэтому всегда стараюсь припасти книжку поинтереснее. Чаще всего читанную раньше, возможно, и не раз, но любимую, какую хочется перечитывать снова и снова, чтобы зачитаться и не думать о том, что под тобой не просто пол салона авиалайнера, а далеко внизу вздымает воды огромный холодный океан.

Нет, однако, правил без исключений. В начале января 1980 года полет от Монреаля до Москвы прошел словно в считанные минуты и океанских страхов не было, потому что рядом со мной оказался замечательный попутчик – Валерий Харламов.

Матчем в Квебек-сити для хоккеистов ЦСКА завершилась серия-80. Нелегкая, прямо скажем, цепочка состязаний с сильнейшими командами НХЛ. Началась она мажорно – победами в Нью-Йорке над рейнджерсами – 7:3 и айлендерсами – 3:2, но затем последовало два поражения в Монреале от «Канадиенс» – 2:4 и поистине разгромное в Буффало от «Сейбрс» – 1:6. С огромным трудом удалось тогда ЦСКА выиграть пятое состязание у «Квебек нордикс» – 6:4, а с ним и серию-80.

В заключительной встрече больше половины голов забили форварды петровской тройки, сам Харламов – два.

Сразу после матча мы на автобусе примчались в Монреаль, успели к рейсу нашего Ил-62 и отправились на нем в Москву. В самолете я тут же достал припасенную книжку, на сей раз «Избранное» Антуана де Сент-Экзюпери.

Место слева от меня у окна занимала молодая канадка, а кресло справа оставалось свободным.

Едва, однако, я раскрыл книгу и углубился в повесть «Планета людей», как кто-то «приземлился» в соседнее незанятое кресло, и я услышал:

– Пробный экземпляр книги, шесть букв, как будет? Это подсел Харламов с кроссвордом в руках.

– Сигнал, – ответил я Валерию.

– Годится, – одобрил он, – а «Петя» и Борис никак сообразить не могли. Я, правда, тоже не дошурупил. А у тебя когда новая книжка о хоккее выйдет?

– Сигнала жду.

– А сейчас что читаешь? – перевернул обложку – Антуан де Сент-Экзюпери. Летчик. Погиб в конце войны. Здорово писал. У меня есть его «Маленький принц». Рисунки там мировые. Я ведь в детстве тоже мастак был рисовать. Особенно, когда в больнице лежал и потом в санатории долечивался. Чего только не рисовал! Родители придут меня проведывать, а я с ними сестре целую пачку рисунков отправляю. Мама все надеялась, что, может быть, из меня еще один Пабло Пикассо выйдет. Но вышел хоккеист. Шайбу! Шайбу!

– Послушай отрывок из «Планеты людей»… Вот почти что про наш рейс написано. Только мы над Канадой летим, а в книге пилот летит над Аргентиной. Послушай. *«…Никогда не забуду мой первый ночной полет – это было над Аргентиной, ночь настала темная, лишь мерцали, точно звезды, рассеянные по равнине редкие огоньки.*

В этом море тьмы каждый огонек возвещал о чуде человеческого духа. При свете вон той лампы кто-то читает или погружен в раздумье. А здесь, быть может, кто-то пытается

охватить просторы Вселенной или бьется над вычислениями, измеряя туманность Андромеды. А там любят. Разбросаны в полях одинаковые огоньки, и каждому нужна пища. Даже самым скромным – тем, что светят поэту, учителю, плотнику. Горят живые звезды, а сколько еще там закрытых окон, сколько погасших звезд, сколько уснувших людей…

Подать бы друг другу весть. Позвать бы вас, огоньки, разбросанные в полях, – быть может, иные и отзовутся…»

– Здорово написано! Я, пожалуй, к тебе пересяду. А Вовка с Борькой пусть пока без меня подискутируют.

– Места в самолете не очень хорошо менять. Не упадем мы на канадцев?

– Мы на них и так уже упали. Видел вчера, как «молотили»? А ведь они как выиграть серию хотели! Не получилось. Мы больше хотели. Наша тройка особенно. А не то дома разговоров бы было! А зачем нам новые неприятности? Нам и старых пока хватит. А вообще не дрейфь. Упадем, так «быстро, надежно и без хлопот нас похоронит Аэрофлот». Слышал такие стихи?

Не раскроем большого секрета, если скажем, что после ледовых битв с профессионалами НХЛ на пути домой некоторые хоккеисты, другие члены спортивной делегации и сопровождающие журналисты позволяют себе употребить некоторое количество спиртного.

Откупорили бутылку виски и мы с Валерием. Понемножку налили ребятам, располагавшимся поблизости, предложили стаканчик и соседке.

Девушка оказалась не робкого десятка. Пригубила, а потом достала из «ручной клади» свой объемистый «многогранник» с виски.

Не один раз в эту ночь мы наполняли картонные стаканчики и передавали по рядам кресел, а сами как-то больше беседовали. Сначала попутчица рассказала нам о себе, о своей семье. Отец ее – человек довольно редкой специальности: выхаживает больных после тяжелых операций. В Канаде профессия квалифицированной, чуткой сиделки или сидельца неплохо (так думается, и должно быть) оплачивается. Этот младший медицинский работник сумел дать всем четверым детям высшее образование. Наша попутчица получила диплом преподавателя английского и русского языков и теперь летела в Москву на полгода на стажировку.

Харламов живо заинтересовался рассказом попутчицы, расспрашивал подробности о ее студенческой жизни. Как оказалось, они с тремя подругами снимали для экономии квартирку на четверых и готовили по очереди.

– Валера, серьезный ты стал совсем, – пошутил я, – к напиткам равнодушен, тебе бы только поговорить.

Харламов ответил, как обычно, скупо и точно: – Время свое берет. Взрослее стал, отец двоих детей. Сашке пятый год, скоро в хоккей будет играть, а маленькой Бегоне недавно два годика исполнилось.

Позже, когда, разминувшись в эти сутки с ночью, мы вылетели в европейский рассвет, наша попутчица мирно заснула. А мы с ним проговорили до самой посадки в «Шереметьеве».

– У меня тоже с собой книга есть, «Двенадцать стульев», – поделился Харламов.- Я ее почти каждый раз в дорогу беру и всегда словно заново читаю. Хотя почти всю наизусть знаю.

Еще Жюль Верн мне нравится очень. Детективы люблю. Но Ильфа и Петрова люблю все-таки больше всех. А какие у Ильи Ильфа записные книжки! А у тебя есть?

– Что? – не понял я сразу вопроса. – Записные книжки.

– Таких, как у Ильфа, конечно, нет, но кое-что я тоже записываю.

– Если есть с собой, почитай. А про спорт, про хоккей записываешь?

– Кое-что есть. *Девиз английских профессиональных футболистов: «Душу – богу, тело – клубу».*

Корреспондент газеты «Сельская жизнь» как-то на чемпионате мира за рубежом меня спросил: «А нет ли в нашей сборной хоккеистов из крестьян?»

Михаил Иосифович Якушин, когда он был тренером сборной СССР, во время матча с итальянцами, увидев, что Геннадий Еврюжихин ошибся – отдал пас итальянцу, не выдержал, вскочил и закричал: «Товарищ судья, у них двенадцатый игрок».

В ЦСКА три тренера: сидячий – Кулагин, ходячий – Локтев, играющий – Фирсов.

– Было такое, – подтверждает Валерий, – правда недолго.

В годы становления советского хоккея с шайбой один из тогдашних руководителей Спорткомитета советовал Николаю Пучкову: «Хорошо бы вам между ног натянуть сетку, тогда шайба там не будет пролетать». Присутствовавший при разговоре Всеволод Бобров не выдержал и добавил: «А еще лучше наши ворота заколотить досками».

А вот на тренировке я записал; «Включай, включай! А теперь сменка… Ну что за пас? Догони меня. Молодчик, всех собрал, а пас «куда-нибудь»? Ты сегодня не хоккеист, а живой труп. Поэтому ты с таким здоровьем и в запасе».

– Что-то мы совсем про «бутыль» забыли, – меняет резко тему разговора Валерий. – Выпьем за то, чтобы все случалось в свое

время!

Тост был загадочный, и, хотя Харламов улыбался, улыбка была какой-то заученной, как часто улыбаются люди, которым постоянно приходится быть в центре внимания. Мы выпили, помолчали.

– Чего не спишь, Валера? Спортсмены обычно бессонницей не страдают, скорее наоборот…

– Знаешь, конечно, – усмехнулся он, – что такое разбор игры. А бывает ведь и разбор жизни. Тридцать два, никуда не денешься…

– Но Бобби Халл и Горди Хоу вон до каких лет играли.

– Другой хоккей. Профессионалы редко выкладываются, больше играют, как при замедленном повторе по телевизору. А я всю жизнь «на скорости». По-другому не умею.

Почти все уже спали, салон наполнял негромкий уютный гул двигателей, и голос Харламова, полный внутреннего волнения, прозвучал резко. Словно подброшенный пружиной, он вскочил на ноги, несколько секунд постоял в проходе, снова сел. Помолчал, потом медленно сказал:

– Может, это и не такой уж повод для гордости, но мне кажется, для самоуважения нужно быть с собой честным.

Наверное, не лети мы сейчас темной январской ночью на высоте десяти километров между звездами и океаном, не опусти он от усталости защитного душевного снаряжения, не был бы скорее всего Харламов так откровенен. Он был человеком сдержанным, не склонным к длинным монологам, тем более о себе. И страшно было одним неосторожным словом разрушить этот зыбкий мостик драгоценного доверия, захлопнуть неожиданно распахнутое окно в душу человека.

– Думаешь, что я нюни распустил, жалею себя. Закон жизни. Еще поиграю немножко, потом уйду.

– Опять торопишься. После травмы надумал уходить, а потом в Праге в 1978 году чемпионат мира выиграл.

– Выиграла команда…

– Я все помню, как в Канаде за пять минут до конца проигрывали – 1:2, а ты сравнял. Потом Сергей Капустин забил. И перед самой сиреной Слава Фетисов, опять после твоего прихода, четвертую шайбу забросил, Такой «фейерверк» не забывается!

– Да, славная была пятиминутка! Канадцы впервые прислали на чемпионат мира сборную из профессионалов НХЛ. Марсель Дионн – он в то время из профессионалов больше всех зарабатывал, в Лос-Анджелесе играл, – приехал. И хозяева чемпионата – сборная Чехословакии – были сильны. Но нам-то тоже проигрывать было нельзя: получилось бы в третий раз

подряд. От такого мы отвыкли. Да и Виктора Васильевича Тихонова хотелось поддержать. Он только-только ЦСКА и сборную СССР принял.

Те три гола за пять минут канадцы запомнили. Да и не только они…

А уходить все равно подходит время.

У нас нередко торопятся провожать ветеранов. Мишу Месхи его недавний партнер, а потом молодой тренер тбилисского «Динамо» Чохели прямо вытолкал с поля. Прощальный матч устроили, когда бразильцев в товарищеской встрече принимали. Ему только первый тайм дали сыграть. А Миша так отыграл сорок пять минут, что бразильский тренер ахнул: «Этого, говорит, провожают? Но он же лучший!»

Так что уходить заранее надо. И сразу.

Помню, как Локтев уходил. Торжественные проводы состоялись, цветы вручали, подарки, речи говорили, газеты писали. А он вскоре опять на лед вышел. Не усидел дома, потянуло на базу, к ребятам, к привычной жизни. Я его прекрасно понимаю, потому что тоже за долгие годы привык к хоккею, к спортивной жизни, к игре, тренировкам, переездам, к товарищам. И чего уж с собой финтить – скучать буду жестоко. Но ничего не поделаешь…

Валерий замолчал и закрыл глаза. Какие картины пронеслись перед его мысленным взором? Вскинутые в экстазе клюшки? Восторженный рев стадиона? Или гол в ворота «Крыльев Советов», первый после автомобильной катастрофы, когда мало кто верил, что вернется он на лед? Когда даже соперники стучали клюшками о лед, приветствуя гол в свои ворота?

Он сидел с закрытыми глазами, и нельзя было спросить, что именно вспоминал он, потому что были те воспоминания, наверное, драгоценны. Лицо его было нахмурено, а лоб прорезала печальная складочка. Но вот оно просветлело, он открыл глаза, улыбнулся:

– Не надо печалиться… Так, кажется, поется в песне? Действительно, вся жизнь впереди, пусть уже другая жизнь…

– Но с хоккеем-то не расстанешься? Тебе этого никто не простит.

– Спасибо. Затянул я с учебой. Обязательно надо подналечь и кончить институт физкультуры, ведь я уже на пятом курсе. Ну, а когда сыграю прощальный матч, буду работать с ребятишками. Обязательно надо начинать с них. Ни в коем случае не становиться тренером в команде, в которой только что играл.

– Почему?

– Как тебе объяснить… Между игроком и тренером обязательно должна быть дистанция. Тренер в глазах игрока должен быть полубогом, существом высшим, мудрым и справедливым. Можно любить его, недолюбливать, но все равно он должен обладать авторитетом. Если еще вчера ты был для игроков Колькой, Валерием или Петей, а сегодня должен держать их в руках – трудное это дело.

А уж для ребятишек-то, – улыбнулся Харламов, – я, надеюсь, буду авторитетом. Хотя и с ними непросто сейчас. Сплошь акселераты и развиты не по годам. Я тут недавно во дворе играл с пацанами. Говорю одному: «Катишь ты не очень, становись в ворота». А он мне: «Дядя Валера, а я читал, что вратари еще лучше полевых игроков должны кататься на коньках…»

Конечно, он был прав, Он был мужественным человеком и знал, что его яркая хоккейная жизнь подходит к концу.

Его не нужно было утешать, потому что спорт, требуя от людей многого, и дает много – воспитывает характер и мужество. В хоккей играют настоящие мужчины. И уходят из него, как настоящие мужчины.

И все-таки было грустно. Эмоции ведь не всегда подвластны логике. Логика говорила, что Харламов, увы, скорее всего прав, что в 32 года он уже не тот, что был несколькими годами раньше, а в 33 станет уже не тем, что был в 32. А эмоции восстали при мысли, что настанет время, когда не выйдет больше на лед невысокий хоккеист под семнадцатым номером, не будет расцвечивать эту простую, в сущности, игру блестками своего веселого, небудничного таланта.

Харламов громко вздохнул, потряс головой, словно освобождался от печальных мыслей, снова широко улыбнулся:

– А вообще-то оснований обижаться на жизнь у меня нет. Наоборот. Сводила меня судьба все больше со славными людьми, привела в большой хоккей, подарила много счастливых лет.

…Самолет стал снижаться перед посадкой в «Шереметьеве», Харламов поднялся.

– Пойду пристегнусь ремнями на своем месте. За разговором и долетели незаметно…, Прощаться не будем. Увидимся через пару дней, отдыхатьто долго не придется – такова хоккейная жизнь!

Харламов ушел. Я, перед тем как убрать книгу, прочитал еще маленький, но, как и все у этого писателя, прекрасный кусочек из «Ночного полета»: «*…А ночь поднималась темными клубами дыма и заполняла лощины. Впадины долин уже сливались с равнинными*

просторами. В деревнях загорались огни, их созвездия перекликались во мраке, и «Фабьен», мигая бортовыми огнями, отвечал огонькам деревень».

ЭПИЛОГ

Вот уже несколько лет Валерия Борисовича Харламова нет с нами. На Новокунцевском кладбище его могила всегда в цветах.

Многие поклонники Валерия приходят, приезжают из других городов. (А вот номер домашнего телефона Бегони и Бориса Сергеевича пришлось поменять и не давать в справочную службу: звонков было столько…)

Бронзовый бюст Валерия Харламова установлен на катке ЦСКА, где тренируются его товарищи по команде мастеров и подрастающая смена, с которой работают испытанные ледовые бойцы Владимир Лутченко, Владимир Викулов, Геннадий Цыганков, Владимир Попов и другие.

Имя В.Б.Харламова ныне носит детско-юношеская хоккейная школа ЦСКА, где в свое время он мальчиком делал первые шаги в игре.

Начиная с сезона 1982/83 года вручается учрежденный редакцией газеты «Труд» приз имени В. Б. Харламова «Самому техничному хоккеисту сезона». Первым его обладателем стал «подшефный» Валерия – Сергей Макаров.

По предложению Бобби Халла в канадской «Галерее хоккейной славы» в виде исключения поместили портрет иностранного мастера игры – Валерия Харламова.

В Чебаркуле в средней школе №6 открыта экспозиция, посвященная выдающемуся хоккеисту. Часть экспонатов передали школьникам родные и близкие В.Б.Харламова, часть собрали сами ребята. Здесь вырезки из газет и журналов, рассказывающие о Валерии Харламове, одна из клюшек, которой он играл, и многое другое.

Имя Валерия Харламова носит теперь дворовый детский спортклуб в Железнодорожном районе Свердловска. И ребята из этого клуба с гордостью называют себя «харламовцы».

Дети Ирины и Валерия Харламовых совсем маленькими остались сиротами. Но они живут, окруженные заботами бабушек, дедушки, тети, друзей семьи.

Известные советские хоккеисты, тренеры, зарубежные мастера хоккея нередкие гости в скромной квартире на пятом этаже пятиэтажного дома в Угловом переулке, что неподалеку от Савеловского вокзала, полстены в одной из комнат занимает портрет Валерия Харламова в майорской форме, а на гвоздике висит целая гирлянда золотых медалей чемпионатов СССР, Европы, мира и Олимпиад.

Врач хоккеистов ЦСКА И. Силин стал у Харламовых, по существу, домашним доктором,

А как тепло вспоминают о Валерии те, кто его близко знал!

– Он для меня, как любимый сын! – говорит его школьная учительница, классный руководитель Нина Владимировна Морозова. – И когда Валерий учился, хотя и был кумиром ребят – ведь он играл в клубе ЦСКА, – нам учителям доставлял только радость. Душевным, чутким человеком оказался Валерий, став взрослым. Когда я заболела, приходил в больницу, подбадривал. А каким вниманием меня, пожилую, скромную учительницу, окружили в больнице, когда в один миг все узнали, что «старушку» приходит проведать сам Харламов.

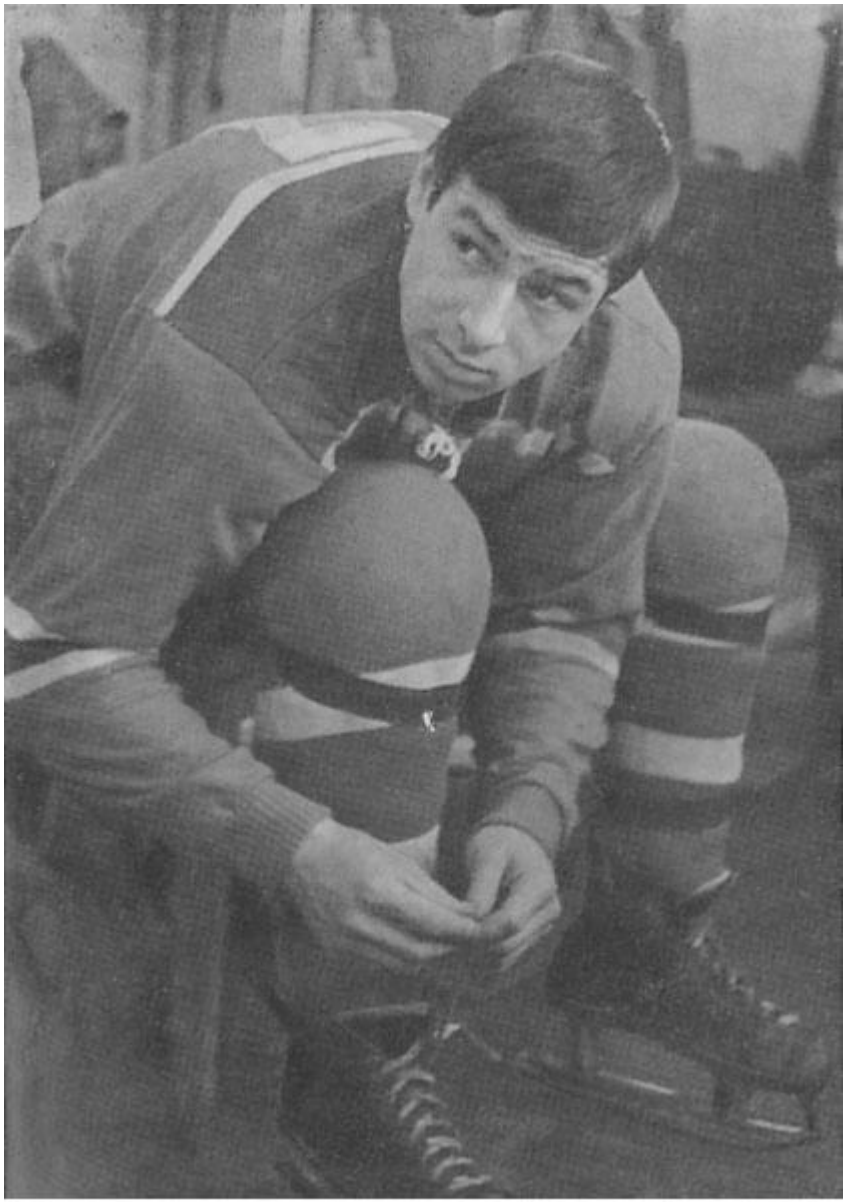
– Харламов – хоккейный Пушкин! – так отзывается о нем полковник медицинской службы Олег Маркович Белаковский, человек весьма заметный в нашем спорте. – Второй после Всеволода Боброва форвард в советском хоккее. Добрый, мягкий, остроумный, щедрый человек. А на льду – отважный и терпеливый. Никогда он не жаловался, не хныкал. В 1974 году в матче с профессионалами ВХА Валерия сильно травмировали. Пока подъехал к доктору, дорожку из крови на льду оставил. И ни слова жалобы.

Как жаль, что его нет теперь с нами!

– Харламов, – говорит его товарищ, а ныне начальник детско-юношеской хоккейной школы ЦСКА имени В.Б.Харламова, заслуженный мастер спорта Владимир Лутченко, – был добрый, широкий в жизни человек, а на льду – все для тройки, для команды.

…На первый матч ветеранов СССР и Канады, проходивший в декабре 1982 года во Дворце спорта в Лужниках, его участников пришли приветствовать юные хоккеисты – дети известных советских мастеров игры Боброва, Михайлова, Петрова, Рагулина, Харламова. Все зрители, а их было около десяти тысяч, встали и долго аплодировали гостю из Виннипега, в свое время известному хоккеисту НХЛ Эбу Макдональду, когда он подхватил самого младшего из ребятишек – Сашу Харламова – и поехал с ним вдоль трибун. Многие, и мы в том числе, смахнули слезы с глаз, а семилетний Саша, уверенно оседлавший плечи могучего дяди из Канады, улыбался.

ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ



Валерию Харламову 18 лет.

Валерка, сыграем так...

Тяжело в учении.

Кубок европейских чемпионов у ЦСКА.
В.Викулов, В. Харламов, В. Полупанов.

Боевой листок готовят Моисеев, Харламов,
Ромишевский, Петров.

А игра продолжается.

Забили!

На лед, в атаку!

Вперед!

Первая тройка!

На табло все сказано.

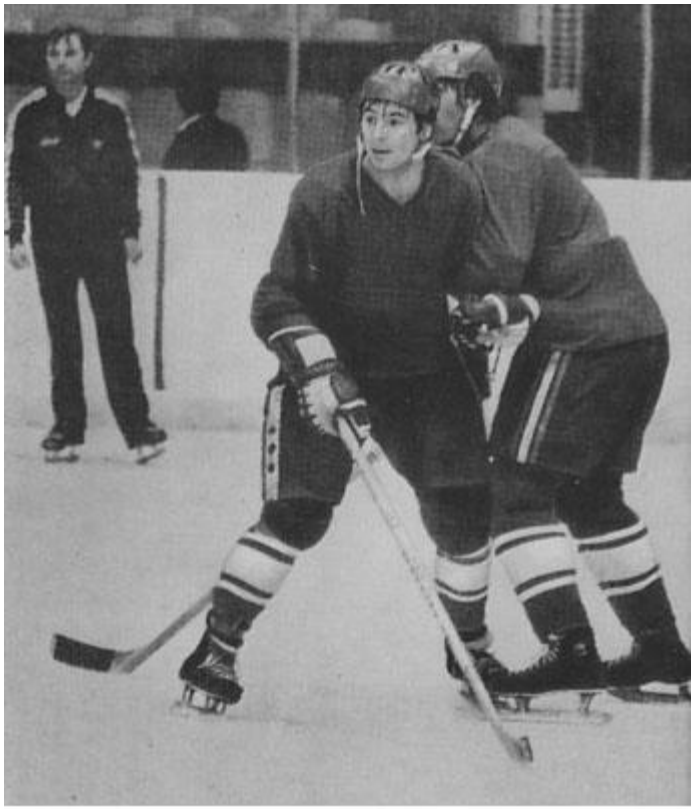
Пару минут на отдых.

Еще гол.

Тренировка с улыбкой.

Трудный матч.

Такой хоккей нам не нужен.



Тренировка...

Пас будет точным.

Хоккей с трибуны.

Орденоносцы.

Автографы получат все.

Звезды хоккея: Валерий Харламов и Вячеслав Фетисов.

Борис Сергеевич Харламов подсел к армейцам на лавочку.

С женой и первенцем

Бабушка Бегоня с маленькой Бегоней и Сашей.

Одна из последних
фотографий.

Дети Харламова.